

Министерство народного образования РСФСР
СВЕРДЛОВСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ
ЯЗЫКА**

Сборник
научных трудов

Свердловск
1990

Статьи сборника посвящены парадигматической организации языка, не получившей до настоящего времени общепринятого толкования. Для уточнения понятия парадигматических отношений коллектив авторов рассматривает их проявление на всех уровнях структуры и обращается к фактам разносистемных языков.

Материалы сборника могут использоваться в практике преподавания и при чтении теоретических курсов на факультетах иностранных языков пединститутов и для организации самостоятельной работы студентов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Свердловского пединститута.

Редакционная коллегия: канд. филол. наук М. В. Лукичева, канд. филол. наук В. П. Хабиров, канд. филол. наук В. И. Томашпольский (ответственный редактор)

Рецензенты: кафедра лексики и фонетики немецкого языка МГПИ имени В. И. Ленина; д-р филол. наук М. В. Дьячков (Высшая школа профдвижения, г. Москва); кафедра английского языка Свердловского пединститута

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА

Редактор И. М. Харитонов

Технический редактор Н. Н. Зауолкова

Свод. тем. пл. 292

Сдано в набор 25.04.90. Подписано в печать 12.09.90. Формат 60×90^{1/16}. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,2. Уч.-изд. л. 8,0. Тираж 800. Заказ № 151. Цена 1 р. 40 к. Свердловский государственный педагогический институт. 620219, Свердловск, ГСП-135, просп. Космонавтов, 26. Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151, Свердловск, просп. Ленина, 49.

Е. А. Реферовская
Институт
языкознания АН СССР
(Ленинградское
отделение)

ПСИХОСИСТЕМАТИКА АРТИКЛЯ

Статья посвящена теории артикля во французском языке. Значение и употребление артиклей объясняется с позиций теории психосистематики Г. Гийома.

В традиционных нормативных грамматиках французского и других романских языков, как правило, артикли рассматриваются как грамматические показатели имен существительных, в функцию которых входит характеристика их как «определенных» и «неопределенных», чему соответствуют и названия самих артиклей, а также указание на их грамматический род и число. Часто оговаривается условие: если имя существительное появляется в тексте или в речи впервые, то ему полагается неопределенный артикль, существительное, употребляющееся повторно, должно сопровождаться определенным артиклем. Этому даются соответствующие обоснования и некоторые дополнительные объяснения.

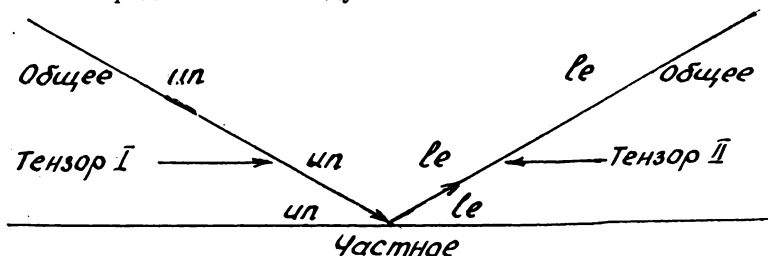
Однако подобного рода определения артикля при существительных вряд ли можно считать достаточно убедительно обрисовывающими природу этих очень важных в романских языках грамматических сопроводителей существительных.

Для того чтобы представить себе истинное значение артиклей, стоит обратиться к объяснению их с позиций теории психосистематики — научной теории языка, выдвинутой современным лингвистом Гюставом Гийомом¹ и поддержанной многочисленными последователями этого крупнейшего и талантливейшего ученого, работавшего над вопросами философии языка, в первую очередь над соотношением языка и мышления, языка и речи.

Предложенная им теория артикля состоит в следующем. Понятие, являющееся означаемым в системе языка, находится в ней в своем полном объеме, который при переводе языка в речь либо остается таким же, либо меняется в соответствии с задачами коммуникации. Выбор требуемого объема понятия осуществляется мыслительной операцией, которая состоит в бинарном движении мысли от общего к частному и от частного к общему. На своем пути мысль может сделать остановку в том месте, которое будет отвечать требуемому объему понятия. Выбор нужного объема понятия оформляется артиклями, фиксирующими остановки в движении мысли. Система артиклей

¹ *Guillaume G. Langage et science du langage. Paris; Québec, 1964.*
В тексте в скобках ссылки на страницы этого издания.

представляет собой систему бинарного тензора² и может быть наглядно представлена следующей схемой:

На участке «тензор I» представлено движение мысли от общего к частному; исходный пункт, т. е. обозначение общего понятия, отмечен артиклем *un*: *Un homme ne sera jamais qu'un homme*. По мере своего движения мысль может сделать остановку на полпути, представив объем понятия несколько ограниченным: *Un homme de l'Antiquité dirait ici que...* (т. е. это уже не всякий человек вообще, а только человек античного мира). Дойдя до конца тензорного пути I, тот же артикль *un* может обозначить одного человека: *Un homme vient d'entrer* — *вошел человек*. В этом случае артикль *un*, выступая в классифицирующей функции, указывает на единичность объекта. Таким образом, при мыслительной операции от общего к частному артикль *un* выполняет как генерализацию, так и индивидуализацию объекта в зависимости от места остановки мысли в ее движении и в соответствии с требованиями коммуникации. При движении в противоположном направлении, от частного к общему, аналогичную роль, но в обратном порядке выполняет артикль *le*: *l'homme qui vient d'entrer* — здесь артикль *le* играет роль индивидуализатора, указывает на единичность объекта. По мере движения по тензорному участку II мысль идет по пути обобщения, которое возникает не сразу и в какой-то точке остановки мысли может быть еще не полным: *l'homme de l'Antiquité s'aurait que....* Здесь также имеется в виду не всякий человек, а лишь человек античного мира. Дальнейшее движение мысли приведет к полному обобщению, полной генерализации понятия: *L'homme sera toujours l'homme* — *человек всегда остается человеком*, имеются в виду все люди.

Приведенная схема бинарного тензора отражает движение мысли при определении объема понятия, что может оформляться обоими артиклями. Некоторое различие смысла обусловлено противоположным направлением мысли либо от общего к частному, либо от частного к общему, но разница эта весьма незначительна, и часто говорящий практически может ею пренебречь.

² Под тензором Г. Гийом понимает участок, пройденный мыслью, при движении от общего к частному или от частного к общему.

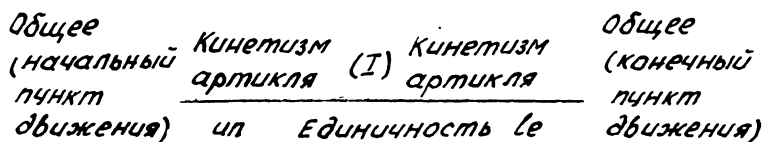
Артикль *un* при генерализации, выражая полный объем существительного, обозначает его как представителя класса ему подобных, тем самым и весь этот класс. Класс назван через представителя: *un homme ne sera jamais qu'un homme*. Обозначая узкий объем, т. е. единичность объекта, артикль *un* индивидуализирует его опять-таки через принадлежность к данному классу: *un homme vient d'entrer* — тот, кто вошел, принадлежит к классу людей, а не каких-либо других живых существ, притом имеется в виду один человек и именно тот, который вошел.

Артикль *le* индивидуализирует названный существительным объект, связывая его непосредственно с данной ситуацией. В этом, несомненно, сказывается происхождение из латинского указательного местоимения *ille*: *l'homme qui vient d'entrer* — это именно тот человек, который вошел и находится сейчас перед наблюдателями. При генерализирующем употреблении артикля *le* имеет место непосредственное обобщение, т. е. обозначение существительным совокупности свойств данного объекта и всех объектов, обладающих теми же свойствами: *l'homme sera toujours l'homme; est mortel*.

Таким образом, артикль является тем знаком, который реализует переход виртуального существительного, потенциально обладающего любым объемом, в актуальное, которое должно обладать объемом, обусловленным коммуникацией.

В языке — это делает его системой [р. 145 etc.] — представлены два основополагающих движения человеческой мысли, неотделимых от нее, можно сказать, создающих ее или представляющих ее сущность. Мысль находится в движении, которое свидетельствует о ее существовании, в нем она черпает свою силу. Два наиболее важных движения — создатели творческой способности мысли: восхождение к общему от частного и нисхождение от общего к частному, от полного объема объекта — к ограниченному объему. Эти два последовательно чередующихся движения представляют сознанию человека объекты как абстрактные, обобщенные или как конкретные, единичные. Всякое движение мысли вписывается в эти две границы, принимая характер перемещения от генерализации к индивидуализации и обратно. Представление об объекте возникает между этими двумя границами с большим или меньшим удалением (или прибавлением) к одной из них.

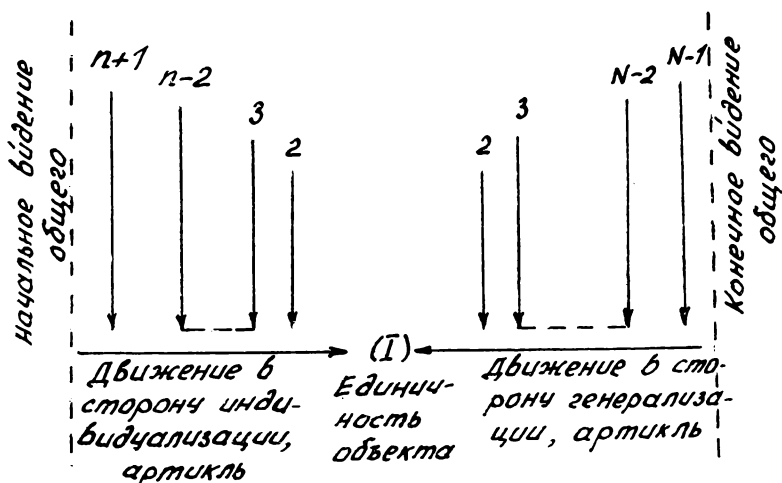
Во французском языке, использующем артикли при существительных, эти движения представлены очень отчетливо. Кинетизм артикля можно показать в виде специальной схемы:

Важно, что оба артикля, пробегая в процессе мыслительной операции путь от общего к частному и от частного к общему, проходят все возможные стадии характеризации и ограничения объема понятия от общего до единичного, т. е. от абстрактного до конкретного. При формировании речи задачей говорящего является выбор того пункта этого пути, который отвечает представлению об объеме понятия, служащего объектом речи. Так, крайние точки кинетизма артикля *un*, проходящего путь от общего к частному, дают два диаметрально противоположных его употребления в предложениях: *Un enfant est toujours l'ouvrage de sa mère* и *Un homme entra, qui avait l'air hagard*. Крайние точки кинетизма артикля *le*, проходящего путь от частного к общему, характеризуют противоположное представление об объеме понятия в процессе обратного направления движения мыслительной операции: *L'homme était entré et s'était assis au coin du feu* и *L'homme est mortel* [р. 147].

Общим пунктом, в котором происходит поворот бинарного движения мысли, служит обозначение единичного понятия (объекта речи). В этом пункте характеризация частного, единичного свойственна обоим артиклям. Для артикля *un* это символизирует конечное удаление от общего, для артикля *le* — начало движения мысли в сторону общего. Встреча артиклей в области общего символизирует начальный пункт движения мысли от общего к частному (единичному) — артикль *un* и конечный пункт движения от частного (единичного) к общему — артикль *le*.

Промежуточные характеристики неполного объема понятия, лежащие на пути между крайними точками движения, Г. Гийом предложил изобразить следующей схемой [р. 149]:

Артикль *un* является кинетически антиэкстенсивным. Вертикальные стрелки на схеме символизируют постепенное сужение объема понятия, которое является следствием все более полной инциденции (контакта) образа понятия с момента движения мысли на оси «общее — частное». Артикль *le* кинетически экстенсивен. Вертикальные стрелки символизируют постепенное расширение объема понятия в результате все более поздней инциденции контакта образа понятия с моментом движения мысли на оси «частное — общее».

Вертикальные стрелки 3 и 2 символизируют идентичность представления об объеме понятия, переданного обоими артиклями, в положении позиций, равноудаленных от конечного и начального пунктов движения; но в случае артикля *un* имеет место приближение к единичности объекта, в случае артикля *le* — удаление от представления о единичном объекте.

В речи при подобной ситуации основной смысл будет тот же, хотя и выраженный двумя разными способами. Но все же некоторая, хотя в речи может быть и несущественная, разница сохраняется, и определяется она различием позиций на кинетической оси: значение артикля *un* возникает при движении от общего к частному, находящемуся в перспективе. Это отражается в том, что *un* характеризует общий класс объектов как бы через одного общего его представителя, о чем говорилось выше.

Обозначение общего артиклем *le* происходит в момент удаления мысли от представления о частном; понятие определяется как общее, без намека на отношение к единичности, а лишь как совокупность свойств, характеризующих данное понятие.

Историческая связь артикля *un* с числительным *unus* ставит перед исследователем задачу объяснения постепенного превращения числительного *unus* в артикль. Вопрос ставится так: каким образом артикль *un*, вышедший из числительного, исторически ему предшествовавшего, в системе языка оказывается символом приближения мысли к тому самому «единичному», из которого он вышел [р. 158—166].

Система артикля отражает в языке представление человека об объектах реального мира как о конкретных вещах и об их признаках, обобщенных понятиях первого и второго уровня абстракции. Этим определяются границы работы человеческой мысли, которая движется в пределах понятий генерализации и индивидуализации, как бы образуя маятниковое движение.

Для обозначения объема этих понятий французский язык создал специальный грамматический инструмент, используя латинское указательное местоимение *ille*, из которого вышел артикль *le*, обозначавший в момент появления в этом качестве сперва только связь предмета мысли с конкретной ситуацией речи, что было естественно, если принять во внимание генетическую связь артикля с демонстративом. Постепенно речевое

значение артикля *le* расширилось, не выходя, однако, за пределы системного значения, состоявшего в выражении объема понятия. Первым значением артикля *le* во французском языке была индивидуализация объекта по его связи с ситуацией.

Артикль *un* возник во французском языке несколько позже как способ выражения единичности объекта, что естественно, ибо его источником было числительное *один*. Единичность непосредственно ведет к индивидуализации через сопоставление отношения единичного объекта к остальным объектам того же класса. Представляя один из предметов определенного класса вещей, данный предмет мыслится и выделенным из этого класса и в то же время представляющим его.

Характерно, что первоначальная роль обоих артиклей была в том, что они должны были служить обозначению индивидуализации, выражению частного значения существительного, т. е. артикли приводили к сужению объема понятия, названного этим существительным, которое без артикля обозначало бы понятие в его полном объеме.

Для того чтобы артикли *le* и *un* заняли свои позиции в системе языка, совершенно не важно, какой из них возник раньше, а какой позже или что именно стало источником их появления. Строение кинетической языковой системы отражает исторические моменты в жизни языка только в том смысле, что появление нового элемента в речи, всегда вызванное необходимостью обозначения нового понятия или нового осмысления понятия, существовавшего ранее, может привести к изменениям и перемещениям внутри языковой системы, ибо языковая система не есть нечто раз и навсегда данное, неизблемое и неизменное. Исторический генезис системы не находит лучшего объяснения, чем объяснение, вытекающее из изучения полученных систематических результатов. «Ясность конца освещает потемки начала», — пишет Г. Гийом [р. 165].

Рассматривая понятийную структуру французского артикля, Г. Гийом останавливается на ее сходстве с психомеханической структурой категории числа, с которым артикль отчасти связан генетически [р. 167 etc.]. Система категории числа, как и артикля, состоит из двух частей, представляющих два движения мысли: первая часть — антиэкстенсивная представляет собой формирование единственного числа по мере удаления от неопределенного непосредственного множества, вторая часть — экстенсивная символизирует движение мысли от понятия единичного к неограниченному множеству. Этот механизм отражает противопоставление единичного множественному и множественного единичному. Понятия единичного и множественного связаны между собой тем, что приближение к одному из них представляет собой обязательное удаление от другого, ибо мыслительная операция есть непрерывное движение от одного полюса к другому и обратно.

Как и система артикля, система числа может быть схематически представлена в виде двух последовательных движений от множественности к единичности и от единичности к множественности, разделенных порогом, который представлен числом один. Таким образом, схема психомеханики числа идентична схеме артикля.

Одним из способов обозначения в речи ограничения объема понятия является так называемый «частичный» артикль — *du, de la* [р. 174]. На пути от индивидуального к общему (путь, который проходит артикль *le*) мысль как бы задерживается, не дойдя до представления об общем, т. е. о полном объеме понятия. Момент задержки фиксируется предлогом *de*, который служит преградой к дальнейшему движению. Сравним два примера: *l'eau est un liquide et boîre de l'eau*. В первом случае имеется в виду полный, ничем не ограниченный объем — *вся* и *всякая* вода, существующая в мире, является жидкостью. Во втором — речь идет лишь о некотором, хотя точно и не определенном количестве воды. Столкновение артикля *le*, ведущего к обобщению, с ограничителем экстенсии, или, как его называет Г. Гийом, ревертором, *de* создает грамматическое значение ограничения объема. Частичный артикль служит ограничению объема понятия, но не числа объектов, поэтому он может употребляться только при несчисляемых существительных. По передаваемому им значению он близок артиклю *des*, который следует называть тоже частичным, с той разницей, однако, что он применим к счисляемым объектам, указывает на некоторое неопределенное их число.

Движение мысли, направленное от общего к частному (артикль *un*), доходящее до единичности объекта, гармонирует с характером счисляемых объектов. В силу несовместимости движения I от общего к частному (артикль *un*) и природы существительных, обозначающих аморфные, несчисляемые объекты, последние могут получать только экстенсивный артикль *le*, но ограниченный ревертором движения от частного к общему предлогом *de*, который действует в обратном направлении, препятствует ему, дойдя до полного обобщения (что происходит в конце движения II), задерживает его на большем или меньшем удалении от начала движения.

Обычно партитивными артиклями считают артикли *du* и *de la*. Это неточно, полагал Г. Гийом. Партитивным является также артикль *des*, образованный в результате тех же мыслительных операций, что и партитивные артикли *du* и *de la*. Все три артикля исключают полноту экстенсии (движение от частного к общему), противопоставляя экстенсивному движению артикля *le* (*la, les*) ревертивную силу предлога *de*.

Роль ревертора движения отвечает природе предлога *de*, обозначающего направление, противоположное направлению к чему-нибудь, выражаемому предлогом *à*. Следует заметить,

что такие служебные слова языка, как артикль и некоторые предлоги, являются означающими, которые связаны с означаемыми не статически, а кинетически, и создают мысленно картину не неподвижности, а движения [р. 176, примеч.].

Грамматическое словечко *de*, все более широко употребляемое во французском языке, представляет собой в глубине сознания не позиционный знак, а знак, находящийся в движении. С ним связано представление о «возвращении», противопоставляемое представлению о движении «вперед», передаваемому предлогом *à*. Это свойство предлога *de* определило его использование в качестве ревертора экстенсивного движения артикля *le*.

Особенность речевого употребления предлога *de* — ревертора при экстенсивном артикле состоит в том, что он выступает в этой функции только в отсутствии других слов, которые могут выполнять такую же роль, т. е. ограничивать экстенсию (ограничивать объем понятия).

Так, когда мы говорим *manger du pain*, роль ограничителя объема понятия выполняет партитивный артикль *du*. То же имеет место, когда мы говорим *manger du pain excellent*, ибо прилагательное *excellent*, которое могло бы тоже служить ограничителем объема понятия, здесь следует после существительного *pain*, и объем понятия уже ограничен партитивным артиклем. Не так обстоит дело в случае, когда ограничивающее экстенсию прилагательное предшествует существительному: *manger d'excellent pain*. Предшествующее существительному прилагательное, в данном случае *excellent*, уже само по себе ограничивает объем понятия *pain*: *не весь, не всякий хлеб*, а лишь прекрасный. Здесь прилагательное частично выполняет роль ограничителя понятия, а предлог *de* не представляет это ограничение полностью, т. е. он оказывается «неполноценным» ревертором и не служит партитивным артиклем.

Возникает вопрос: если структуры *manger du pain excellent* и *manger d'excellent pain*, хотя и разным способом, обозначают ограничение объема понятия, есть ли какая-либо разница в их коммуникативном значении или они могут употребляться совершенно безразлично, являясь полными синтаксическими синонимами?

Думается, что для ответа на этот вопрос следовало бы обратиться к теории коммуникативного членения, так как дело идет о речевом употреблении сходных конструкций, об их речевом значении. Очевидно, дело в том, что разница заключается в неодинаковом отношении прилагательного (в данном случае *excellent*), характеризующего существительное, к реме высказывания.

Когда прилагательное стоит позади существительного, оно находится на своем нормативном месте и не несет особого ударения, хотя и входит в рему. Однако в экспрессивной речи,

когда на рему или на ее часть (как это имеет место в данном примере) падает особо сильное ударение, отвечающее желанию говорящего подчеркнуть значение соответствующего слова, оно обычно стремится продвинуться вперед. В примере, приведенном Г. Гийомом: *manger d'excellent pain*, — *excellent* получает именно такое особое ударение благодаря необычности своей позиции перед существительным.

Возможность построения фразы типа *boire de bon vin* и *boire du bon vin* [р. 177] объясняется тем, что в первом случае речь идет о «понятийном» объекте *vin*, прилагательное служит лишь добавлением к нему характеристики; во втором — понятийным объектом является *bon vin*, предварительно мысленно ограниченный включением в него качества *bon*, т. е. прилагательное участвует в прекращении экстенсивного движения артикля *le* только в случае экстраконцептуальной позиции.

Разница между *manger du pain* и *vivre de pain* состоит в том, что в первом случае используется партитивный артикль *du*, а во втором *de* — это предлог управления при глаголе *vivre*; глагол *manger* управляет своим дополнением непосредственно, без помощи какого-либо грамматического слова, а глагол *vivre* управляет дополнением через предлог *de*, который в этом случае остается простым предлогом.

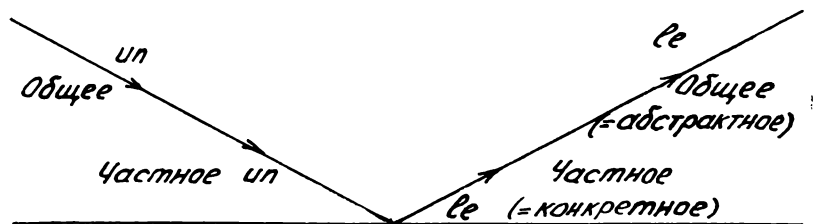
Сочетания *beaucoup de personnes*, *beaucoup*, *peu*, *assez de plaisir*; *bien des personnes*, *bien du plaisir* объясняется тем, что *bien* не является наречием, определяющим количество, и не влияет на партитивный артикль при существительном; партитивный артикль не возможен при наречиях количества *beaucoup*, *assez*, *peu*, определяющих количество объектов, которые имеются в виду.

Характер наречий можно определить по их отношению к местоимению *en*: *en avoir beaucoup*, *peu*, *assez* — возможны; *en avoir bien* — невозможно.

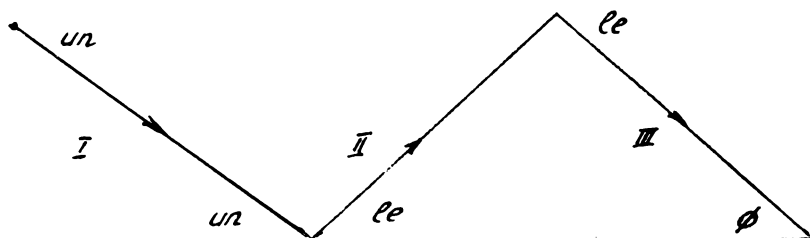
Следует добавить, что не всякое столкновение экстенсивных артиклей *le*, *la*, *les* и предлога *de* обязательно приводит к образованию партитивного артикля, например: *Ils ont vécu huit jours des provisions que nous leur avions laissées* — здесь *des* является не партитивным артиклем, а контаминацией предлога *de* и экстенсивного артикля *les*, относящегося ко всему объему объекта (*все оставленные продукты*) ([р. 179]).

Способность грамматического слова *de* выступать в качестве предлога и в качестве ревертора входить в состав партитивного артикля, т. е. переходить из одной грамматической категории в другую, свидетельствует о его кинетическом характере.

Система французского артикля строится на основе двух движений мысли: от общего к частному (экстенсия) и от частного к общему (антиэкстенсия). Схематически это может быть представлено так:

К этому Г. Гийом добавляет еще одно движение, приводящее к образованию нулевого артикля, по его терминологии *article-zéro* [p. 180].

На этой схеме I — антиэкстенсивное движение, ориентированное в направлении количественной единичности; II — экстенсивное движение, ориентированное в направлении общего и абстрактного; III — движение от абстрактного в направлении конкретного (трансэкстенсивное). Первые два движения оформляются в речи артиклями *le* и *up*, третье — нулевым артиклем. Г. Гийом приводит в качестве примера сочетания *perdre la raison* и *perdre patience*.

Присутствие в первом сочетании артикля *la* отвечает полному объему абстрактно понимаемого слова *raison*; *perdre la raison* обозначает полную потерю рассудка. Иначе следует понимать сочетание *perdre patience*. Здесь не имеется в виду полная утрата способности проявлять терпение, а лишь единовременная, моментная потеря терпения в определенной ситуации — значение, которое обеспечено отсутствием обобщающего артикля *la*. То же можно сказать о сочетаниях *avoir la foi* и *avoir foi*, первое говорит об обладании верой вообще, т. е. имеется в виду полный объем понятия абстрактного характера, второе — об удалении понятия слова *foi* как абстракции, как обобщения и о приближении к представлению о конкретном отношении доверия к определенному лицу.

Противопоставление значения экстенсивного артикля *le* (*la*), восходящего от частного к общему, и нулевого трансэкстенсивного артикля, идущего от абстрактного к конкретному, можно показать на примере сравнения словосочетаний *parler de l'amour* и *parler d'amour*. В первом случае сюжетом разговора служит абстрактное понятие «любовь», во втором, выходя за

пределы понимания любви как абстрактного понятия, *parler d'amour* имеет значение конкретного обращения со словами любви к определенному человеку: *il lui parla d'amour* = *il lui parla de son amour*.

Г. Гийом добавляет, что появление сочетаний, в которых можно говорить о нулевом артикле,— сравнительно новое явление во французском языке, которое не следует смешивать с отсутствием артикля в архаических структурах [р. 183].

«Лингвистический знак,— писал Г. Гийом,— фиксирует в языке инвариантное условие, определяющее возникновение множественных речевых значений; все эти значения возможны в границах, неизменно соблюдаемых, исходного языкового условия» [р. 150]. Положение артиклей в системе языка как средства указания на объем понятия подчиняется общему принципу построения системы языка.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка.

Свердловск, 1990

В. И. Томашпольский
Свердловский
педагогический
институт

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ПАРАДИГМЫ ПЕРФЕКТА КОНЪЮНКТИВА-БУДУЩЕГО II: БАЛКАНОРОМАНСКИЕ ВАРИАНТЫ

Проблема реконструкции парадигматических отношений в прароманской глагольной системе рассматривается на материале перфекта конъюнктива и будущего II. Ставится задача на основании сохранившихся рефлексов изучить предисторию соответствующих парадигм на Балканах. Применяется метод поэтапной ретроспективной реконструкции. Полученные результаты уточняют существующие формальные и функциональные представления о протороманских глагольных парадигмах.

В романском языкознании нет специальных исследований истории перфекта конъюнктива и будущего II. Их развитие рассматривается обычно вместе с другими вопросами в сравнительных грамматиках и во введениях в романское языкознание, в очерках вульгарной латыни и в исследованиях, посвященных глаголу или отдельным языкам¹. Задача восстановления первоначальных романских парадигм пф. кон.-фт. II особо не ставилась, а потому удовлетворительно не решена. В качестве исходных историки используют, как правило, литературные латинские формы, общероманские, или протороманские, варианты встречаются редко. Реконструкции можно найти у Т. Маурера [24, § 70—74] и Р. А. Холла [20, р. 76—81], основы — у Р. де

¹ О проблемах, связанных с изучением истории пф. кон.-фт. II, о романских свидетельствах, их происхождении и о состоянии реконструкции общероманских и ареальных вариантов см. [5]. Там же краткие библиографические сведения.

Дарделя [12; 13], отдельные гипотезы — у А. Цаунера [30, с. 155], Ч. Грэнджента [17; 18, § 432], Г. Лаусберга [22, § 827, 906—910, 944], В. Вянянена [28, § 307, 339]. Ареальные прототипы, которые было бы допустимо считать первичными для иберо-, галло-, итаलो- и балканороманских рефлексов, в литературе упоминаются, но они не охватывают всех парадигм, а предназначены для объяснения деталей². В целом опубликованные исследования не отвечают на вопрос о том, как выглядели протороманские и ареальные парадигмы от зарождения романской речи до появления текстов, поскольку отдельные гипотезы в сочетании с латинскими фактами дают противоречивую, системно и хронологически не однородную картину. Один из путей уточнения того, что известно из истории пф. кон.-ф. II,—последовательное применение сравнительно-исторического метода для восстановления ареальных, а затем раннего и позднего протороманских состояний. В этой статье мы обсудим балканороманские варианты развития (ареалы распространения романских рефлексов перфекта конъюнктива-будущего II показаны на рис.). Ограниченность объема публикации не позволяет охарактеризовать все аспекты проблемы, поэтому мы обсуждаем здесь только первую часть реконструкции (вторая будет опубликована позднее)

Для понимания результатов реконструкции нужны предварительные пояснения. Во-первых, обсуждаемые прототипы относятся к балканороманскому периоду IV—V вв. Для него характерно устранение дентальных окончаний в 3 л. ед. и мн. ч., преобразование сигматических элементов в *-i/i во 2 л. ед. и мн. ч., сохранение или развитие заударного *-u в 1 л. ед. и мн. ч.³ Более раннее состояние II—III вв., как показывает ана-

² Гипотезы М. Бартоли, Г. Рольфа и П. Текавчича по поводу италороманских прототипов приводятся в [5]. Балканороманские ареальные прототипы А. Цаунера, Э. Бурсье, Г. Лаусберга, А. Ломбара рассматриваются в данной статье.

³ Формальное своеобразие реконструируемой протобалканской системы IV-V вв. определяется несколькими фонетическими процессами.

1. Утрата конечного *-t. Отдельные примеры утраты встречаются со II в. до н. э., например в надписи г. Писавра (Умбрия) CIL, I, 377 *dede* «*dedit*» (180 г. до н. э.) [7, с. 131; 3, с. 102—103, 106—107]. Протороманское отпадение *-t во многих областях засвидетельствовано с I в. н. э. в Помпеях CIL, IV, 1173 *ama, peria, valia* «*amat, periat, valeat*», в Спалато CIL, III, 2564, 5 *vissi* «*vixit*», в Iанина CIL, III, 8447, 6 *perdedi* «*perdidit*», в Далмации CIL, III, 9814, 2; 13198, 2 *posui* «*posuit*» [27, с. 110]. Утрата конечного *-t в 3 л. мн. ч. отмечается в южной Италии CIL, X, 6785 *quiescun* «*quiescunt*», в Риме CIL, VI, 7498 *fecerun*; утрата *-nt в восточной части Римской империи CIL, III, 6615 *feceru* «*fecerunt*» [1, § 58].

2. Исчезновение конечного *-s с образованием *-i/i. Романская волна исчезновения конечного *-s засвидетельствована в Италии и на Балканах с I в. н. э., например, в Помпеях CIL, IV, 2260 *valiia* «*valeas*», в Риме CIL, VI, 3282 *conhere* «*conheres*», в Дунайских провинциях CIL, III, 835 *filiu* «*filius*», CIL, III, 7484 *germanu* «*germanus*». Фонетическое и аналогическое развитие

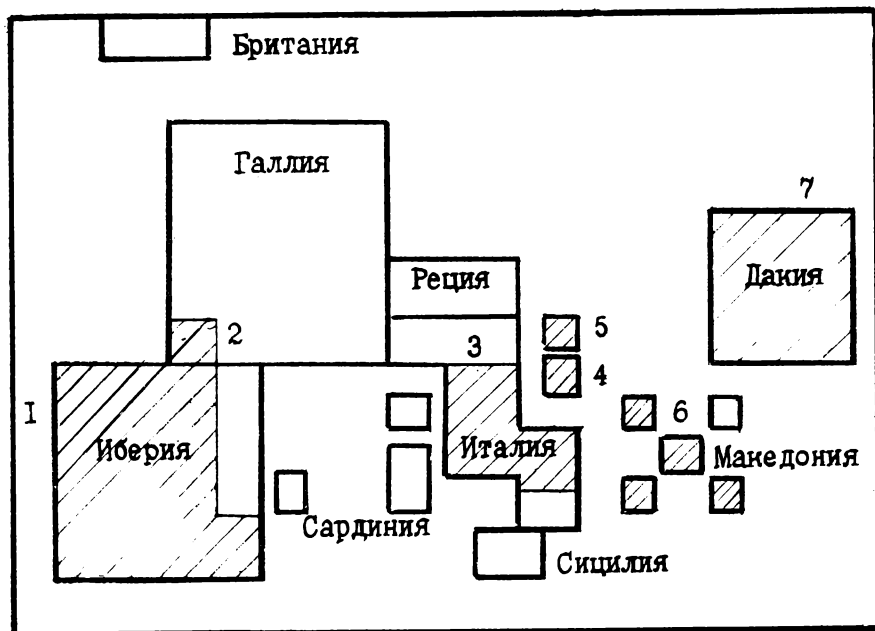

Рис. Ареалы распространения рефлексов перфекта конъюнктива-будущего II в романских языках по данным древнейших текстов и диалектов: 1 — галисийские, португальские, испанские, 2 — гасконские, 3 — центрально- и южно-итальянские, 4 — далматинские, 5 — истрорумынские, 6 — арумынские, 7 — дакорумынские рефлексы

лиз, соответствует протоиталороманскому этапу того же времени⁴, поэтому здесь не рассматривается. Во-вторых, на основании изучения балканских рефлексов можно утверждать, что

показателя **-i/i*, как можно предполагать, началось в период между II—IV вв. [3, с. 64 и др.].

3. Сохранение качества заударного **-u*. Заударный **-u* почти везде в Романии (кроме Сардинии, части Корсики, южной Лукании и Балкан) к IV в. переходит в **-o*, что засвидетельствовано, например в *Apendix Probi*, 59 *turma* по *torma* [17, § 208; 1, 50, 164; 28, § 55; 19, с. 187; 2, с. 153]. На Балканах **-u* сохраняет свой первоначальный тембр, например протороманские **uīnu*, **sīnu*, **uikīnu*, **frūktu*, *kūlu* дают старорумынские *vin(u)*, *sín(u)*; *večín(u)*, *frúpt(u)*, *kúr(u)* [19, р. 20, 23, 24, 29].

4. Переход заударного (безударного) **-o* в **-u*. Заударный **-o* в Романии, как правило, сохраняется. На Балканах (и в некоторых других областях) он переходит в **-u* в IV—V вв., судя по написанию в *CIL*, III, 9567 *соgruа* [1, § 164].

⁴ Ср. протоитало- и протобалканороманские окончания по итогам реконструкции [3, с. 60, 80], а также протоиталороманские парадигмы пф. кон.-фт. II [5].

различий — формальных или функциональных — между формами пф. кон. и фт. II в протобалканороманское время не было, поэтому во всех спряжениях реконструируются не отдельные ряды словоформ, а единые парадигмы под условным названием пф. кон.-фт. II. В-третьих, типы спряжения определяются по таким общероманским признакам, как тематический гласный, грамматический суффикс, место ударения, регулярность основ, активность и продуктивность класса глаголов, а именно: I спряжение — общероманский тип *kantáre, II спряжение — *dog-
mége, IIIa спряжение — некорнеударный подтип *uidére, IIIb спряжение — корнеударный подтип *uëndere [3, с. 19]. В-чет-
вертых, словоформы пф. кон.-фт. II, как и многих других времен, состоят из основы, тематического гласного, парадигматического суффикса, флексии и несут ударение на одной из морфем. Аб-
солютное большинство глаголов получает во всех парадигмах одну регулярную презентную основу, лишь у некоторых из них в отдельных формах нерегулярная перфектная основа [5; 12; 13]⁵.

Рефлексы пф. кон.-фт. II сохранились на Балканах в старорумынских текстах XVI в. в функции кондиционала настоящего времени, в арумынском в той же функции и в исторорумынском со значением кондиционала прошедшего времени. Для рекон-
струкции I спряжения целесообразно рассмотреть свидетельства в том виде, как их дают различные авторы.

Старорумынские формы⁶

1 -are/rem/ru	<i>întrare, -ru, uitare, uita- ru, custare</i>
2 -ari/re	<i>ascultari, -are, căutari</i>
3 -are	<i>lucrare, preveghiare</i>
4 -arem	<i>arătare, însetoşare, rădicare, ultare</i>
5 -aret/retu	<i>ascultaret, căutaret, chemaret, lăşaretu</i>
6 -are	<i>ascultare, îmblare, intrare</i>

[14, т. 2, с. 147]

⁵ Сильные общероманские перфектные основы реконструируются Р. де Дарделем [12, р. 36—98; 13].

⁶ Старорумынские примеры с отсылкой к текстам можно найти у О. Ден-сущьяну [14, т. 2, с. 147] и Л. Мурена [26, с. 166], без отсылок к текстам — у В. Мейера-Любке [25, § 310], Э. Бурсье [1, § 480], А. Ломбара [23, р. 249], А. Росетти [27, т. 1, р. 132], Г. Лаусберга [22, § 827], Р. А. Холла [20, р. 77].

1 -áre/ră/r(ǔ)	întare/-ru
2 -ári/re	ascultari/-re
3 -áre	lăsare
4 -árem(ǔ)	arătare
5 -áret(ǔ)	ascultaret
6 -áre	întrare
	[23, c. 249]

Арумынские варианты

1 calc - arim(u)	-árim
2 -ari	-ári
3 -ari	-ári
4 -arimu	-árim
5 -aritu	-árit
6 -ari	-ári
-	[15, c. 598] [25, §310]

1 cânta - rimu	s-cîntarim	1 s-kîntárEm ^u
2 -riș	cîntari	2 s-kîntárE(ș ⁱ)
3 -ri	cîntare(ri)	3 s-kîntárEø
4 -rimu	cîntarim	4 s-kîntárEm ^u
5 -ritu	cîntarît	5 s-kîntárEt ^u (ț ⁱ)
6 -ri	cîntare(ri)	6 s-kîntárEø
-	[1, §480] [27, т. 4, c. 70]	[10, c. 126]

Исторумынские варианты

- 1 rugâr
 - 2 -âri
 - 3 -âre
 - 4 -ârno/ârem
 - 5 -âreț
 - 6 -âru
- [11, c. 225-226]

Перед обсуждением примеров для реконструкции протобалканороманских парадигм нелишне напомнить, какие прототипы принимаются в литературе за исходные для Балкан. К ним можно отнести, в первую очередь, предположения Э. Бурсье и А. Ломбара, высказанные не для всей Романии, а специально для объяснения балканских рефлексов:

1	<i>cantāro/cantārim</i>	- <i>āro</i> x - <i>ārim</i>
2	—	- <i>āris</i> x - <i>āris</i>
3	—	- <i>ārit</i>
4	<i>cantārimus</i>	- <i>ārīmus</i>
5	<i>cantāritis</i>	- <i>ārītis</i>
6	—	- <i>ārint</i>
	[1, § 211]	[23, с. 249]

Гипотетические образцы встречаются, кроме того, у А. Цау-нера [30, S. 155], Ч. Грэнджента [17, § 432], Т. Маурера [24, § 70—73], Г. Лаусберга [22, § 827], В. Вянянена [28, § 307, 339], Р. А. Холла [20, р. 77—81], но они предназначены не для Балкан, а для Романии в целом — их целесообразно сравнивать не с балканскими, а с протороманскими реконструкциями, что и будет сделано в свое время. Литературные латинские формы, используемые обычно как начальные вместо протороманских, рассматриваются ниже.

Как выглядела основа протобалканских форм пф. кон.-фт. II? Ни Э. Бурсье, ни А. Ломбар не дают на этот вопрос прямого ответа, но применив к их прототипам принятый в наших исследованиях принцип морфологического членения словоформ [3, с. 18—19; 5], мы получаем основу *cant-*. Изучение примеров тоже позволяет заметить, что основа пф. кон.-фт. II в I спряжении не отличается от основы других парадигм: например в 1 л. ед. ч. как старорумынский кондиционал (из пф. кон.-фт. II) *cînt-are/argu*, так и современные румынские през. инд. *cînt*, през. кон. *să cînt*, импф. инд. *cînt-am*, пф. инд. *cînt-ai*, ппф. инд. *cînt-aseм*, а также и инфинитив *a cînt-a* имеют одну и ту же регулярную презентную основу, которая, таким образом, не несет никакой морфологической нагрузки, связанной с обозначением пф. кон.-фт. II. Считать, что в протобалканороманское время распределение основ было другим, нет оснований, поэтому мы предполагаем, что пф. кон.-фт. II принимал презентную основу, которая для образцового глагола *a cînta* имела вид

*kant-⁷, что полностью соответствует прототипу Э. Бурсье, если не принимать во внимание латинизированное написание.

Тематический гласный у А. Ломбара во всех формах \bar{a} - с латинской долготой, у Э. Бурсье \bar{a} - или \bar{a} -. Сопоставление старорумынского и арумынского \bar{a} - с истрорумынским \bar{a} -, т. е. с тем же самым гласным, сближающимся в произношении с \bar{o} -, однозначно указывает на прототип \bar{a} -. Вариант \bar{a} - не точен, поскольку различие гласных по долготе / краткости, свойственное латинскому языку, в протороманском и ареальных вариантах не реконструируется [19. p. 10 etc].

Акцент в парадигмах Э. Бурсье и А. Ломбара поставлен не везде, но из обозначения долготы следует, что ударным во всех случаях должен быть тематический гласный. Если не принимать во внимание старорумынские формы Р. А. Холла /kintáre, kintári, kintáre, kintərəmu, kintərətu, kintáre/ [20. p. 77], где в 4-5 формах \bar{e} - вместо правильного \bar{a} -, то наши примеры не противоречат этому предположению, скорее, наоборот: по согласованному свидетельству всех рефлексов мы вынуждены реконструировать акцентную схему с одноместным ударением на тематическом гласном. Эта акцентная схема не вызывает удивления, так как на Балканах ей соответствуют пф. инд. 1 *kantái, 4 *kantámu и ппф. кон. 1 *kantás(s)e, 4 *kantás(s)emu, а за пределами Балкан там, где сохраняется пф. кон.-фт. II, он повсеместно получает неподвижное ударение на тематическом гласном: ср. иберороманские 1 *kantáre/o, 4 *kantáremos, галлороманские 1 *kantáre/o, 4 *kantáremo(s), италороманские 1 *kantári/e/o, 4 *kantáremu и соответственно ранние протороманские формы 1 *kantári/o, 4 *kantárimus. Существенно отметить, что наша реконструкция расходится с предположениями А. Цаунера, который для объяснения румынских, испанских и португальских рефлексов постулирует вульгарнолатинские формы (соответствующие нашим протороманским) cantágo, -áres, -áre, -arémós, -arétis, -arent [30, S. 155]. Такие 4 и 5 формы не подтверждаются ни латинскими, ни романскими фактами. Совершенно очевидно, что латинские формы типа cantáverimus, cantáveritis, потерявшие в романской речи элемент \bar{v} -, должны были прежде переместить ударение либо вправо, либо влево. Чтобы судить о направлении перемещения акцента при отсутствии прямых свидетельств, есть только один путь — обратиться к романским рефлексам, т. е. к косвенным свидетельствам. А они, как уже говорилось выше, однозначно указывают на то, что еще в раннее протороманское время (II—

⁷ В дакорумынском и арумынском группа *ap, ударная или безударная, переходит в ip, как считают, в XI—XII вв. [27, t. 4, p. 78]: протором. *lāpa, *blāndu, *angústū, *kantáre, рум. lina, blînd, îngust, cinta. См. примеры у Э. Бурсье [1, § 459, 462] и у А. Росетти [27, t. 4, p. 78—81].

I вв. до н. э.) ударение переместилось влево на тематический гласный, а не вправо на суффикс. Это значит, что можно предполагать долитературные латинские формы **-ā(vē)gīmus*, что соответствует протороманскому **-āgīmus*, а не **-ā(vē)gīmus/*-agēmus*⁸. Впрочем, по свидетельству историков латинского языка, в 4—5 формах, рядом с вышеупомянутыми разновидностями, допускались варианты на *-egīmus*, *-egitis* [7, с. 268—269]. Их романские эквиваленты, если таковые существовали, могли бы иметь ударный суффикс, но тогда не **-gē-*, а **-gī-*, что тоже противоречит романским фактам.

Суффикс пф. кон.-фт. II у Э. Бурсье имеет вид *-gī-*, в 1 л. ед. ч. также *-г* перед окончанием *-о*, у А. Ломбара *-gī/gī + о*. Согласный элемент суффикса сомнений не вызывает, тогда как реконструкция гласного требует специальных пояснений. Сравнение балканороманских форм позволяет сделать вывод, что протобалканский суффикс в IV—V вв. имел вид **-ge-*, а привлечение общероманских и латинских фактов показывает, что он восходит к протороманскому **-gī-* (II в. до н. э.—I в. н. э.).

Гласный **-e-* сохранился в старорумынских и арумынских рефлексах во всех лицах, в истрорумынской парадигме — только во 2, 4 и 5 формах. Другие варианты гласного, кроме 1 л. ед. ч., вторичного происхождения. Так, в старорумынских примерах в 1 л. ед. ч. гласный суффикса может вытесняться общим окончанием *-и*, во 2 л. — окончанием *-і* (об окончаниях ниже). В арумынском суффикс транскрибируется по-разному; в одних публикациях *-gī-*, например у Ф. Дица [15, S. 598], В. Мейера-Любке [25, § 310], Э. Бурсье [1, § 480], М. Каражу-Мариоцану и др. [11, р. 189], в других *-ge-* или в данном случае *-гЕ-* у М. Каражу-Мариоцану [10, р. 125—126], в третьих *-gī/ge-*, например у А. Росетти, который во всех формах указывает *-gī-*, а в 3 и 6-й еще и вариант *-ge-* [27, t. 4. р. 70]. Не следует думать, что написание *-gī-*, преобладающее в приводимых нами парадигмах, каким-то образом связано с протороманским **-gī-* и могло бы повлиять на результаты балкано-

⁸ Замечание Э. Бурсье о том, что на Иберийском полуострове и на Востоке в 1 и 2 л. мн. ч. *cantārimus*, *cantāritis* ударение переместилось в соответствии с *cantārim* [1, § 211] нужно отнести не к иберийским и балканским прототипам, а к эпохе зарождения романской речи. Проблема перемещения ударения будет обсуждаться подробно в работе, посвященной протороманским вариантам. Здесь уместно только напомнить различные предположения протороманского характера, показывающие место ударения в 4—5 формах: *amārimus*, **cantāremos*, **cantāretes* [24, р. 152, 154], *-ārimus*, *-āritis* [22, § 872], *-āremus*, *-āretis* [20, р. 77].

романской реконструкции. Колебания в транскрипции объясняются не дальними историческими связями, а современной тенденцией арумынского произношения: по данным М. Каражу-Мариоцяну, заударное -е/Е- закрывается в -і-, что и ввело в заблуждение многих ученых [10, р. 125]. В исторорумынском гласный элемент синкопируется в 1 и 4 формах⁹, вытесняется флексией во 2 форме и заменяется на -и в связи с присоединением исторорумынского окончания -и, распространенного в през. инд. во всех спряжениях, ср., например, 6 през. инд. *gôgu*, *cl'êmu*, *tîru*, *mêgu*, *zîcu*, *âvdu*, *dôrmu* [11, р. 224].

Глагольные окончания в протороманском и его ареальных вариантах реконструируются в трех разновидностях: 1) общие, употребляемые во всех парадигмах, кроме перфектной и императивной; 2) перфектные, закрепленные за перфектом индикатива; 2) императивные, включающие флексии императива 2 л. ед. и мн. ч. Реконструируемые окончания в целом соответствуют латинским флексиям актива, перфекта и императива, но отличаются от них по нескольким признакам [3]. Изучение пф. кон. и фт. II в латинском языке, а также их соответствий в Иберии, Галлии и Италии показывает, что эти формы везде принимают общие окончания, поэтому активные латинские флексии балканских прототипов у Э. Бурсье и А. Ломбара, эквивалентные общим протороманским вариантам, не вызывают принципиальных возражений, но требуют уточнений как по форме, так и в связи с реальными окончаниями балканских рефлексов. Главная трудность в том, что старорумынские, арумынские и исторорумынские формы не всегда сохраняют начальные флексии, поэтому необходимо их специальное рассмотрение, чтобы отделить вторичные варианты морфем от первичных.

В 1 л. ед. ч. старорумынское -ге и исторорумынское -г отражают балканороманский суффикс с последующим первоначальным нулевым окончанием. Старорумынский вариант -гу включает согласный элемент суффикса и другую исходную для Балкан флексию *-и, нашедшую отражение также в през. инд. *leapadu* (Codicele Voronețean, 67, 10), *rebdu* (Psaltirea Șcheia-na, 39. 2; 51. 11; Psaltirea Hurmuzachi, 51. 11) [14, т. 2, р. 132] и восходящую к протороманскому *-о. Балканороманское варьирование *-ге-Ø/г-и подтверждается точными соответствиями в Иберии, Галлии *kantáre-Ø/г-о и Италии *kantári-Ø/ge-Ø/г-о

⁹ Исторорумынские синкопированные формы находят соответствие в староиспанском в 1, 3, 4, 5 формах, главным образом, в леонском диалекте Cid 691 mandar, Libro de Alexandre 258 osmar, 4 pecarmos, Libro de Appollonio 220 casardes [16, р. 187—188], в старом и современном португальском 1, 3 cantar, 4 cantarmos, 5 cantardes [21, § 389], в далматинском 1 kantaur, 4 kanturme [9, Т. 2, S. 406].

[5; 6]. Предположение о том, что только один из двух балканороманских исходов первичен, а другой соответственно вторичен¹⁰, расходится с результатами сравнительно-исторического анализа романских рефлексов, который не оставляет сомнений, что в раннее протороманское время пф. кон.-фт. II оканчивался в 1 л. ед. ч. на *-ge-Ø/г-о¹¹. Арумынское -m(u) и старорумынский вариант -m (*Palia d'Orăştie, Geneza*, 18, 10 *custarem* [14, t. 2, p. 147]) вторичны, так как объясняются известным на Балканах переносом окончания 1 л. мн. ч. в 1 л. ед. ч.¹²

Во 2 л. ед. ч. старорумынские и истрорумынские словоформы получают регулярную общую флексию -i из протобалканороманского *-i, восходящего в свою очередь к более раннему варианту *-ges из протороманского *-gis (II—I вв. до н. э.). Старорумынское -age, скорее всего, вторично. Оно не связано напрямую с *-ges утратой *-s, а объясняется уподоблением 1, 3 и 6 формам — эти формы сохраняют суффикс -ge. Арумынское -si, или в другом написании -š, заимствовано из перфектной парадигмы в связи с употреблением перфектных окончаний во множественном числе. Это заимствование позднее, оно не встречается в старорумынских текстах и истрорумынских диалектных записях.

В 3 л. ед. ч. старорумынское и истрорумынское -ge, арумынские -ge/gi происходят из протобалканского *Ø IV—V вв., *-t/Ø II—III вв.

В 1 л. мн. ч. -m(u) может соответствовать как общей, так и перфектной протобалканской флексии *-m из протороманского *-mus. Истрорумынский вариант -по регулярно развивается из того же протобалканского *-m¹³.

¹⁰ Из-за недостатка балканороманских данных В. Мейер-Любке считал старорумынское -и первичным, а -е вторичным [25, § 310]. Вопрос о первичности или вторичности окончаний 1 л. ед. ч. связан в общероманском плане с проблемой происхождения романских рефлексов пф. кон.-фт. II. Одни авторы возводят их к фт. II, другие — к пф. кон., третьи предполагают исходное скрещение обеих парадигм. Краткие библиографические сведения по этой проблеме даны в статье [5].

¹¹ Предположения по поводу романских прототипов окончаний 1 л. ед. ч. у разных авторов расходятся: -го [15, S. 492; 30, S. 155; 29, § 179]; -го/rim [1, § 211], -rim(-го) [22, § 827]; -(ve)rim/(ve)го [28, § 307, 339]; -го/*rim/*ге [24, p. 148, 151, 155]; -ге [20, p. 77].

¹² Смещение окончаний 1 л. ед. ч. с 1 л. мн. ч. в старорумынской форме не исключает О. Денсушьяну [14, t. 2, p. 147]. Перенос окончания 4 формы в 1 форму отмечается в старорумынском през. инд. глагола «иметь» 1=4 апи, апи [26, p. 156—157], с. XVII в. в импф. инд. 1=4 cîntam(u) и ппф. инд. 1=4 cîntasem(u) [23, p. 248], в арумынском импф. инд. 1=4 kîntamu [10, p. 124]. Ф. Диц, как кажется, связывал арумынское окончание -im с латинским окончанием пф. кон. [15, с. 598]. См. также [3, с. 79—81].

¹³ О вариантах -апо/агеп в истрорумынском см. [11, p. 225—226].

Во 2 л. мн. ч. свидетельства противоречивы. Старорумынские тексты дают флексию $-t(u)$, восходящую к протобалканскому перфектному $*(s)tu$ из $*stes$, $*stis$. Арумынские формы получают у одних ученых ту же перфектную флексию $-t(u)$, у других — общую $-ti$, восходящую к протобалканскому $*-ti$ из $*tes$, $*tis$. В исторорумынском отмечается только общая флексия $-t$.

При таком соотношении свидетельств обоснованный однозначный вывод невозможен. Согласование старорумынского $-t(u)$ с первым арумынским вариантом, казалось бы, можно истолковать как результат сохранения исходного протобалканского перфектного окончания, но такое толкование было бы гадательным. Дело в том, что старорумынское-арумынское соответствие, даже если оно не результат параллельной инновации на севере и юге в новое время, указывает лишь на то, что рассматриваемое нововведение относится к периоду, предшествующему отделению южной группы говоров от северной в X в.¹⁴ Из него нельзя сделать вывод ни о точном времени возникновения рассматриваемого явления, ни о его принадлежности к реконструируемому протобалканскому состоянию IV—V вв. Согласование арумынского $-ti$ с исторорумынским $-t$ еще менее

определенно, так как оно объясняется либо сохранением исходной общей флексии в удаленных друг от друга ареалах, либо независимым параллельным распространением этой флексии в новое время. Оба предположения не могут быть исключены, хотя второе выглядит более простым. В такой запутанной ситуации решающим может быть сопоставление балканских фактов с данными других романских ареалов, однозначно свидетельствующими в пользу общих окончаний. В романской перспективе не представляется невероятным предположение, что начальным протобалканским окончанием IV—V вв. было общее для всех парадигм $*-ti$. Позднее, до X в., его рефлексы уступают место перфектному $*-tu$, как кажется, под влиянием окончаний 4 и 6 форм, напоминающих перфектные варианты, а также и в связи с сохранением отдельных перфектных основ. Процесс распространения перфектных окончаний отразился в старорумынском и в арумынском, где он пошел дальше, захватив 2 форму. Не исключено, что общее окончание сохранялось в проторумынском в качестве отступающего варианта и было унаследовано как таковое арумынским и исторорумынским диалектами, но более реальным выглядит предположение, что общая флексия в этих двух ареалах — результат независимой

¹⁴ Проблемы, связанные с определением общерумынского, с отделением предков арумын и с датировкой этого явления обсуждает А. Росетти [27, t. 4, p. 27—30].

параллельной регенерации общих окончаний в новое время под влиянием форм единственного числа. Процесс распространения общих окончаний захватывает также и парадигму перфекта (ср. 2 л. мн. ч. старорум. *cîntatu*, совр. рум. *cîntareți*).

В 3 л. мн. ч. старорумынские и арумынские формы на *-аге* указывают на общую протобалканскую морфему **-ǫ* из **-ǫ/nt*, восходящие к протороманскому **-n(t)*. В то же время исход *-ге* от протобалканского времени до старорумынского совпадал с одним из вариантов перфектного окончания (ср. старорум, пф. инд. *cîntarǎ/e*, конд. из пф. кон.-фт. II *cîntare* [14, т. 2. р. 139, 147]) и наряду с 4—5 формами создавал впечатление, что во множественном числе в пф. кон.-фт. II употребляются флексии перфекта, откуда распространение флексии перфекта во 2 л. ед. ч. в арумынском. В истрорумынском, наоборот, первоначальное **-ге* уступило место *-ги* в результате присоединения флексии *-и* през. инд., вероятно, как следствие распространения общих окончаний, в данном случае для дифференциации 3 л. ед. и мн. ч.

В целом анализ окончаний показывает, что они подверглись преобразованиям под действием двух противоположных тенденций — одной, более древней, к замещению начальных общих вариантов перфектными, другой, пробивающей себе дорогу в новое время, к регенерации общих окончаний, но исходными флексиями, как кажется, были общие окончания [3, с. 78—90], поэтому исходные протобалканские парадигмы IV—V вв. могли иметь следующий вид:

- 1 **kant-ǎ-re/r-u*
- 2 **kant-ǎ-r----i*
- 3 **kant-ǎ-re---ǫ*
- 4 **kant-ǎ-re---mu*
- 5 **kant-ǎ-re---ti*
- 6 **kant-ǎ-re---ǫ*

В каком отношении находятся реконструируемые прототипы с обычно принимаемыми за исходные в истории романских языков латинскими формами? В классическом языке конца Республики, как известно, употреблялись две парадигмы, т. е. перфект конъюнктива и футурум II, совпадающие во всех формах, кроме 1 л. ед. ч. [7, с. 268—272]:

1 <i>amav-ēr-ī-m</i>	<i>amav-ēr-o</i>
2 <i>amav-ēr-ť-s</i>	<i>amav-ēr-ī-s</i>
3 <i>amav-ēr-ī-t</i>	<i>amav-ēr-ī-t</i>
4 <i>amav-ēr-ī-mus</i>	<i>amav-ēr-ī-mus</i>
5 <i>amav-ēr-ī-tis</i>	<i>amav-ēr-ī-tis</i>
6 <i>amav-ēr-ī-nt</i>	<i>amav-ēr-ī-nt</i>

По данным И. М. Тронского, со времен Плавта известны так называемые краткие формы системы перфекта у глаголов на *-avi*; Plauti *Bacchides* 727 *parāsti* = *paravisti*, *Mostellaria* 175 *laudasse* = *laudāvisse*, *Trinummus* 927 *appellasset* = *appel-lāvisses*, а также без отсылки к текстам *optaram* = *optāveram* (в указателе *optāro* = *optāvero*) [7, с. 270, 310], *CIL*, I, 1431 *ambulāreis* = *ambulāveris* [8, с. 256]. Большинство историков латинского языка исходит из того, что краткие формы возникли из полных путем редукции. Некоторые исследователи считают краткие варианты более древними [7, с. 272]. Обе полные парадигмы строились по модели, отличавшейся от реконструируемой протобалканской и состоявшей из основы перфекта, временного суффикса *-er-* из **-is-*, модального суффикса *-i-* из **-e* (суффикса атематического конъюнктива, служившего для образования архаического будущего II) или из **-ī-* (суффикса атематического опатива, входившего в структуру долитературного пф. кон.). Признак спряжения — тематический *-a-* включался в основу. Ударение было подвижным: в 1—3, 6 формах на основе, в 4—5 формах — на временном суффиксе или в качестве варианта на модальном суффиксе¹⁵.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
2. Корлэтану Н. Г. Исследование народной латыни и ее отношений с романскими языками. М., 1974.
3. Томашпольский В. И. Общероманский глагол: Реконструкция системы окончаний. Свердловск, 1987.
4. Томашпольский В. И. Реконструкция прароманских парадигм имперфекта конъюнктива // Методы изучения системы и эволюции языка. Свердловск, 1988.
5. Томашпольский В. И. Первоначальные парадигмы перфекта конъюнктива-будущего II: Италороманские варианты. Свердловск, 1989.
6. Томашпольский В. И. Эволюция форм и функций перфекта конъюнктива-будущего II: Иберороманские варианты. Куйбышев, 1990.

¹⁵ Примеры латинских 2, 4, 5 форм с долгим модальным суффиксом приводит А. Эрну [8, с. 255—256].

7. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М., 1963.
8. Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М., 1950.
9. Bartoli M. G. Das Dalmatische. Wien, 1906. Bd 2.
10. Caragiu Marioteanu M. Fono-morfologie aromâna. Studiu de dialectologie structurala. Bucuresti, 1968.
11. Caragiu Marioteanu M., Giosu S., Ionescu-Ruxandoiu L., Todoran R. Dialectologie România. Bucuresti, 1977.
12. Dardel R. de. Le parfait fort en roman commun: Thèse. Genève, 1958.
13. Dardel R. de. Application d'un principe statistique à la reconstruction du roman commun (à propos du parfait fort) // XVI Congrès international de linguística i filologia romaniques. Palma de Mallorca, 7—12 d'abril de 1980. Actes. T. 2. Seccio 1: Linguística diacronica i dialectologia. Palma de Mallorca, 1985.
14. Densusianu O. Istoria limbii române. Bucuresti, 1961.
15. Diez F. Grammatik der romanischen Sprachen. Bonn, 1982.
16. Gassner A. Das altspanische Verbum. Halle, 1987.
17. Grandgent C. H. An introduction to Vulgar Latin. Boston, 1907.
18. Grandgent C. H. Introduccion al latin vulgar. Madrid, 1928.
19. Hall R. A. jr. Proto-Romance phonology. N. Y. etc., 1976.
20. Hall R. A. jr. Proto-Romance morphology. Amsterdam; Philadelphia, 1983.
21. Huber J. Altportugiesisches Elementarbuch. Heidelberg, 1933.
22. Lausberg H. Romanische Sprachwissenschaft. Berlin, 1962—1967.
23. Lombard A. Le verbe roumain: Etude morphologique. Lund., 1954—1955.
24. Maurer T. H. Gramatica do latim vulgar. Rio de Janeiro, 1959.
25. Meyer-Lübke W. Grammatik der romanischen Sprachen. Bd 2: Formenlehre. Leipzig, 1894.
26. Mourin L. Ancien roumain. Burges, 1962.
27. Rosetti A. Istoria limbii romîne. Bucuresti, 1964—1966. Vol. 1—6.
28. Väänänen V. Introduction au latin vulgaire. P., 1967.
29. Vossler K. Einführung ins Vilgärlatein. München, 1954.
30. Zauner A. Romanische Sprachwissenschaft. Berlin; Leipzig: 1921. Bd. 1—2.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка.

Свердловск, 1990

О. А. Бубенникова
Московский
университет
имени М. В. Ломоносова

РАЗВИТИЕ ПАРАДИГМЫ МЕСТОИМЕНИЯ
3 Л. ЕД. Ч. Ж. Р. В ДИАЛЕКТАХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается проблема происхождения и развития английского местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. В основу исследования положены диалектные данные. Сопоставляются существующие точки зрения. Обсуждаются причины и условия, определяющие различные направления эволюции форм и функций в диалектных ареалах английского языка.

История местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. имеет интересные диалектические особенности, исследование которых является весьма важным для изучения исторической морфологии общанглийского языка во всей совокупности его разновидностей.

В древнегерманских ингвеонских диалектах (в древнеанглийском и древнефризском) местоимение 3 л. ед. ч. ж. р., этимоло-

гически анафорическое, восходит к индоевропейскому указательному корню *ke/ki*. Вместе с тем допускается происхождение форм дат. и род. п. от другого указательного корня — *ei/i* (лат. *is*, ст. слав. *и*), появление же инициального *h* объясняют действием фактора аналогии [1, с. 104].

В древнеанглийский период парадигма местоимения 3 л. ед. ч. ж. р. имеет следующую структуру: им. п. *heo*, *hio*, род. п. *hire*, *hyge*, *hiere*, дат. п. *hire*, *hyge*, *hiere*, вин. п. *hy*, *hi*, *hie*.

В среднеанглийский период формы именительного и винительного падежей унифицируются в *heo*, *ho*. Последнюю форму объясняют переносом ударения с ядра дифтонга на глайд: *hio* > *hió* > *hó* в произношении [hə:]. Таким образом в качестве объектного падежа выступают лишь формы *hire*, *here*, восходящие к древнеанглийским формам дат. п. *hire*, *hyge*, *hiere*.

Следует отметить, что в юго-восточном ареале (Кент и Восточная Англия) в среднеанглийском встречается форма вин. п. *his* (также *hise* — вин. п. мн. ч.). Наличие таких форм объясняют их этимологической связью с германским местоименным корнем *si*, *se* (ср.: гот. *si* — им. п. ед. ч. ж. р., др. сакс., др. в. нем. *si*, *siu* — им., вин. п. мн. ч.). Предполагают также возможность контаминации древнеанглийской лексики *hie* и незасвидетельствованных древнеанглийских форм, восходящих к германскому корню *si*, *se*. Формы *his* и *hise* встречаются, например, в произведении Дана Мичела («*Ayenbite of Inwyt*», 1340 г., кентский диалект), однако уже в ранненовоанглийский период они выходят из употребления [8, р. 88; 10, р. 144].

Что касается форм родительного падежа, то уже в древнеанглийском они утратили функцию дополнения, но сохранили способность передавать поссесивное значение, таким образом они слились с притяжательными местоимениями. Местоимения 1 и 2 л. *min*, *rin*¹, *ig*, *eower* согласовывались в числе и падеже с определяемым существительным, т. е. представляли собой самостоятельные формы притяжательных местоимений. Форма же м. р. ед. ч. *his* приобретает согласование в числе (как прилагательное): *his* — ед. ч., *hise* — мн. ч. — лишь в XI—XII вв. Форма род. п. ж. р. *hire* осталась неизменной ввиду наличия конечного *e*.

Притяжательное местоимение *hire* и форма объектного падежа *hire* в течение XIV—XV вв. постепенно заменяются формой *her*. Так, например, в поэме Ленгленда «Видение о Петре Пахаре» (1377 г.) уже употребляется форма *her*: *With her belies and her bagges of bred ful ysammed*. Старые формы *hire*, *hig* дольше сохранялись в диалектах северного ареала Англии и юго-восточной Шотландии, вплоть до конца XVI века: Не

¹ По техническим причинам межзубный спирант передается в наборе знаком *r*.

fallowit hir fast ... (Henryson R. A Scottish Pastoral). В некоторых шотландских диалектах *hir* употребляется до настоящего времени.

Тенденция к дифференциации форм местоимений, тождественных в плане выражения еще в древнеанглийском, или форм, совпавших фонетически в результате изменений вокализма в конце древнеанглийского периода, в среднеанглийском приводит к возникновению новых форм, в том числе и к их заимствованию, как, например, заимствование из скандинавских диалектов в северные диалекты английского языка местоимений 3 л. мн. ч.

В среднеанглийский период древнеанглийская форма им. п. *heo* в северо-восточном ареале совпала с *he* (ед. ч. м. р.) в результате делябиализации [ö] в [e] ([ö] в написании *eo* возникло при монофтонгизации дифтонга *eo*). Современное общеанглийское местоимение м. р. *he* [hi:] непосредственно восходит к древнеанглийскому *he*.

Что же касается местоимения ж. р., то судьба его весьма интересна. В среднеанглийский период в письменных памятниках различной диалектной принадлежности наряду с *he*, *heo*, *ho* встречаются и формы *ȝo*, *ȝho*, *scho*, *sche*.

Формы *ȝo*, *ȝho* с велярным спирантом встречаются в некоторых памятниках северо-восточной ориентации, в том числе в «Ормулуме», где они, как и форма *ho*, объясняются переносом ударения с ядра дифтонга на глайд [11, р. 231].

К началу XIV в. имеется следующая картина распределения форм 3 л. ж. р. общего падежа по диалектам: северные — *scho*, восточно-центральные — *scho*, *sche*, *ȝho*, *ȝo*, западно-центральные — *he*, *heo*, *ho*, южные — *heo*, *he*, *ho*.

Форма *scho* появляется в среднеанглийский период первоначально в северном ареале, в северо-восточных диалектах наряду с *scho* встречается и форма *sche* в написании *scæ* до начала XIII в. *Scæ* используется в раннесреднеанглийских текстах северо-восточной ориентации, например: ...and *scæ fleh and forles* *par micel* [Peterborough Chronicle].

Вопросу о происхождении форм *sche* и *scho* посвящены работы ряда исследователей [1; 3; 4; 5; 7; 9]. Так, К. Брунер предполагает, что сибилант [ʃ] мог развиваться в позиции после *s*, т. е. в тех случаях, когда местоимение стояло после *is* (среднеанглийское *is* или *was* (среднеанглийское *was*) [1, с. 10].

Наиболее распространенной является теория о контаминации древнеанглийских местоимений ж. р. ед. ч. — личного местоимения *heo* и указательного *seo*. Х. Линдквист [7], а за ним Г. Флом [5] отмечают, что такое объяснение происхождения форм *sche*, *scho*, вероятно, является неправомерным. Указательное местоимение *seo* вышло из употребления к концу древнеанглийского периода. Процесс унификации форм выражения

грамматических значений: устранение супплетивизма, замена по аналогии с формами косвенных падежей начального *s* на межзубный глухой фрикативный *r̥* — в парадигме указательных местоимений можно наблюдать уже в поздненортумбрийских текстах.

В среднеанглийский период только в самых ранних южных памятниках еще сохраняется начальный *s*, но наряду со старыми, историческими, использовались и новые, аналогические *r*-формы.

Что же касается местоимения *heo*, то оно продолжало широко употребляться. В этой связи представляется весьма сомнительной контаминация двух лексем — *seo* и *heo*.

Исследования Х. Линдквиста, а затем Г. Флома показали, что вероятнее всего *r*-формы являются результатом фонетических изменений, которые испытала лексема *heo* в связи со скандинавским воздействием. Предполагается, что в речи скандинавов, поселившихся в северо-восточной части Англии и вынужденных усвоить хотя бы основные элементы языка англосаксов, произошел перенос акцентуации с ядра на глайд (*heo* > *heó*, *hió*, *hjo*) и последующее закрепление стадии *hjo* с восходящим дифтонгом. Звук *hj* [*h'*], который англичане слышали в речи скандинавов, закономерно передавался с помощью сибиллянта *ʃ*. Это предположение подтверждается тем, что форма *ʃo* [*scho*] впервые появляется в районах севера, и прежде всего в Йоркшире, где скандинавские поселения были особенно многочисленны, в связи с чем именно в данном ареале англичане вынуждены были усвоить язык пришельцев или хотя бы существенные его элементы [6].

А. Смит [9] и О. Дит [3] приводят аналогичные примеры, когда скандинавское *hj* в речи англоязычного населения передавалось с помощью сибиллянта *ʃ*: англ. диалект. *shelty* — *пони* (Шотландия) < др. сканд. *hjalti*, англ. диалект. *shu* — *колесо* (Камберленд) < др. сканд. *hiol*. Наиболее показательным материалом могут служить топонимы: *shetland Isles* — *Шетландские острова* < др. сканд. *Hjaltland*, *Shapinsay* (Йоркшир) < др. сканд. *Hjalpandis-ey*, *Shawn Rigg* (Йоркшир) < др. сканд. *hjalmr* и т. п.

Таким образом, представляется вполне вероятным закрепление варианта *scho* и постепенное вытеснение им варианта *heo*. Существенным является тот факт, что наличие варианта *scho* не наблюдалось вне скандинавизированной территории. Так, *scho* встречается лишь в североанглийских и шотландских письменных памятниках среднеанглийского периода: *Scho is welcome* [York Mystery Plays. Noach and His Wife], *ʒes — said scho...* [Barbour J. The Bruce]. В шотландских письменных памятниках форма *scho* функционировала вплоть до XVI в.: *Scho sang, he sichit sair* [Henryson R. A Scottish Pastoral].

В восточных и центральных диалектах закрепились ослабленная форма *she* [ʃe:], которая впоследствии была отобрана лондонским наддиалектом, основу которого составили восточно-центральные диалекты, и таким образом вошла в национальный литературный язык.

В современных диалектах английского языка форма *she* является наиболее распространенной, однако в районах Йоркшира встречается *shoo* [ʃu:], восходящая непосредственно к среднеанглийской форме *scho* [ʃo:].

В современных западно-центральных диалектах встречаются также формы *ho*, *hu*, *hiu*. Материал современных диалектов свидетельствует о том, что в данных областях могла сохраниться лексема с лабиализованным гласным [ö] из [eo], а поскольку делабиализация на юго-западе и в западном Мидленде произошла значительно позднее, чем в других диалектах Англии, то ее сохранение не могло привести к омонимии форм мужского и женского рода.

В настоящее время в центральном и юго-западном Мидленде, а также в юго-западных диалектах встречается лексема *heg* [hæ:], функционирующая в качестве формы общего падежа. Вполне вероятно, что *heg* этимологически восходит к форме объектного падежа, в указанном ареале она могла употребляться и в качестве формы общего падежа. Такая точка зрения подтверждается тем, что экспансия объектного падежа местоимений всех лиц является общедиалектной чертой.

Причины замены форм именительного падежа формами падежа объектного, что особенно четко прослеживается в диалектном языке, кроются в постепенном разрушении формального различия между именительным и косвенным падежами, сохранившимися разными формы лишь у личных местоимений 1 л. ед. и мн. ч., 3 л. м. и ж. р. ед. ч. и мн. ч., а также у вопросительного местоимения *who*. Форма личного местоимения, стоявшего в качестве дополнения в косвенном падеже, часто находилась под ударением и была обобщена как ударная форма. В современных диалектах в качестве ударной употребляется лишь форма объектного падежа.

Иную точку зрения по поводу происхождения *heg* выдвинул А. Эллис. По его мнению, *heg* этимологически восходит к древнеанглийской форме им.п. *heo*. Как уже отмечалось, в среднеанглийский период в центральном и юго-западном ареалах функционировала форма [hō]. Фонетика в данном случае могла оказать решающее влияние на орфографию, что привело к современному написанию *heg* [2, р. 71]. В настоящее время, однако, отмечается сужение социально-территориального употребления *heg*. Так, в центральном и южном ареалах использование *heg* как формы общего падежа для речи молодого и среднего поколений уже не характерно.

В современных диалектах наблюдается экспансия общеанглийской формы *she*, тогда как использование форм *ho*, *hu*, *hiu*, *her* становится все более ограниченным в территориальном и социально-функциональном плане.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бруннер К. История английского языка. М., 1956. Ч. 2.
2. Allis A. J. English Dialects. Their Sounds and Homes. London, 1980.
3. Dieth E. "Hips": A Geographical Contribution to the *she*-puzzle // English Studies. 1955. Vol. 35.
4. Duncan P. Forms of the Feminine Pronoun in Modern English Dialects // Patterns in the Folk Speech of the British Isles. London, 1972.
5. Flom G. T. The Origin of the Pronoun *she* // RES. 1925. Vol. 1.
6. Geipel J. The Viking Legacy. The Scandinavian Influence on the English and Gaelic Languages. London, 1971.
7. Lindkvist H. On the Origin of the English Pronoun *she* // Anglia. 1921. Vol. 19.
8. Senff H. Die Nominalflexion in "Ayenbite of Inwyt" // Forschungen zur englischen Philologie. Jena. 1977. Bd 7.
9. Smith A. H. Some Place Names and the Etymology of *she* // PES. 1925. Vol. 1.
10. Wallenberg J. K. Vocabulary of the "Ayenbite of Inwyt". Uppsala 1923.
11. Wyld H. C. A Short History of English. London, 1927.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка.

Свердловск, 1990

Н. Н. Лыкова
Свердловский
педагогический
институт

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ, ПЕРЕДАЮЩИХ ПОБУЖДЕНИЕ, ВО ФРАНЦУЗСКИХ ТЕКСТАХ XIV—XV вв.

Анализ французских текстов XIV—XV вв. показывает, что число глаголов, используемых для выражения побуждения, ограничено. Эти глаголы могут быть разделены на три группы: универсальные, перформативные, глобальные (когнитивные, эмоциональные, прагматические, перцептивные и др.).

При анализе побудительных высказываний нами выделена группа глаголов, использовавшихся в XIV—XV вв. для передачи идеи побуждения (более 300 единиц). Список глаголов, выражающих побуждение, остается открытым. Наиболее часто побуждение соотносится с глаголами, связанными с повседневной сферой жизни человека. Это глаголы, обозначающие физическое действие (*manger*, *chanter*, *convoier*), глаголы движения (*mener*, *issir*, *venir*, *entrer*), глаголы изменения состояния (*jeter*, *lever*, *retorner*, *vuidier*, *frotter*), глаголы давления (*donner*, *rendre*, *payer*, *prendre*, *offrir*), декларативные глаголы (*demander*, *respondre*, *parler*, *prier*). Казалось бы, любой глагол может выражать идею побуждения, но в действительности в

языке существуют глаголы, лексическое значение которых несовместимо со значением побуждения. Императив невозможен с глаголами, которые имеют сему «humaïn», особенно безличные глаголы [9, р. 201—202]. Кроме того, есть глаголы, которые могут использоваться в побудительных высказываниях только в отрицательной или только в утвердительной форме [3, с. 231—232]. Образование императива от глаголов *être*, *avoir* ограничено фразеологическими сочетаниями.

Приступая к исследованию группы глаголов и глагольных выражений, употреблявшихся в побудительных высказываниях XIV—XV вв., мы предположили, что семантика глагола влияет на выбор модуса побуждения. Однако после наблюдения за функционированием глаголов мы пришли к следующим результатам.

1. Большая часть глаголов не содержит в своей семантике указания на то, какой вид побуждения они выражают, т. е. данные глаголы употребляются индифферентно к иллокутивной функции высказывания. В зависимости от ситуации общения, от характера взаимоотношений собеседников они могут выражать приказ, требование, совет, инструкцию, просьбу, призыв и т. д.

2. Перформативные глаголы (*conseiller*, *commander*, *défendre*, *mander*, *ordonner*, *prier*) сами по себе являются обозначением определенной иллокутивной функции: совета, приказа, запрета, мольбы и т. д. (о характеристиках перформативного предложения см. [2, с. 18—28]).

3. Особого интереса заслуживают группы глаголов: когнитивные, эмоционального состояния и перцептивные.

Когнитивные (или эпистемические [4]) глаголы: *savoir*, *reposer*, *croire*, а также глагол *prendre* в значении «предполагать, воображать». В побудительном высказывании эти глаголы не соотносятся ни с одним из видов побуждения.

Глагол *savoir* в побудительном предложении выполняет особую прагматическую функцию — сообщение адресату собственного знания:

Amille, mon cher ami doulz,
Sachiez droit à vous m'en venoie.
[18, р. 240]

...et sachez que je ne suis pas content
de moult de chouses qui me sont faictes.
[16, р. 74]

Говоря «*Sache, sachez que P*¹», адресант имеет в виду следующее: «я знаю², что Р; я считаю, что знание Р важно для тебя; я хочу, чтобы ты знал, что Р» [1, с. 30].

¹ Р — пропозиция высказывания.

² Операторы «я знаю», «я считаю» представляют собой тот пресуппозиционный фон, который управляет модальностью любого высказывания [6, р. 24].

Сообщение знания иногда осуществляется в форме совета:

Le Docteur
Pource sâchés bien sans mentir
Que les remèdes sont divers.
Et pour ce soyés bien espers
De porter les clefz du celier.
[8, p. 5—6]

или предупреждения:

Sachiez qu'encore n'est pas toute
Sa voulenté bien assouvie;
Car il pense, ains qu'il perde vie
Sire, à vous de plus en plus nuire,
Et s'il peut de touz poins destruire:
Tant est mauvais
[18, p. 225]

Но иллокутивная функция (совета, предупреждения) исходит не из семантики глагола, а лишь присоединяется к основной функции данного глагола (сообщение знания) и может быть определена, если учитывается ситуация произнесения высказывания.

Для семантики глаголов *croire*, *penser*, *prendre* в значении «предполагать» характерно то, что вершиной их лексического значения (их коммуникативный фокус) составляет содержание пропозиции [4, с. 18].

- (1) Or prenons que l'on le nous preste;
Et ceulx qui le nous presteront
En fin estre payez voudront:
Ou pris?

[13, 307—310]

- (2) Et par Dieu, c'est trop flageollé.
Prenons qu'il en ait affolé
six ou sept ou une douzaine,
et mangez, en sanglante estraine

[17, 1357—1360]

- (3) et pensez y que c'est ung grand
tas de blé.

[7, p. 269]

Эти путативные глаголы имеют своеобразную иллокутивную функцию: «Несмотря на некоторую недостаточность оснований, говорящий готов считать, что Р; говорящий хочет, чтобы и слушающий считал, что Р» [1, с. 31]. При этом глаголы различаются своими презумпциями: для глагола *prendre* — это презумпция неистинности пропозиции (Р) с точки зрения говорящего. Особенно четко это прослеживается в примере 2. Для глагола *penser* презумпцией является истинность Р (пример 3). Коммуникативным фокусом глагола *croire* — «верить» является компонент «быть в действительности» [4, с. 18]:

- (4) Et croi qu'el estoit en cel terme
En oisons et en prières.

Si vit entre les .II. lumières
Devant son lit saint Pierre ester
Qu'el cognut bien sans arrester.
[20, 320—4]

- (5) Croiez qu'il est fol ou testu,
Ou qu'il cuide estre entre ses bestes.
[17, 1214—5]

Говорящий убежден в истинности пропозиции и призывает адресата разделить свое убеждение (пример 4). В другом случае (пример 5) говорящий хочет убедить слушающего в истинности Р, призывает его поверить в это.

Синтаксической особенностью данных предложений является управление придаточным дополнительным предложением, вводимым союзом *que*. В XIV—XV вв. этот союз может быть и опущен:

Et sachés que les hommes font le contraire
de ce que dit est, car quelques femmes qu'ilz
aient, ilz croient generalmente qu'elles
soient meilleurs que toutes les aultres.
[16 p. 59]

Sachiez tout le monde guerpirent
Et lors corps moult souvent offrirent.
[21, 67—8]

Глаголы эмоционального состояния: (se) *doubter*, *avoir dubtance*, *faire doubte*, *s'esmaier*, *avoir garde*, *avoir dolour*, *avoir mesaise*, *ne chaille*. Значение этих глаголов препятствует их употреблению в утвердительной форме при выражении побуждения. Они соотносятся с отрицательным побуждением. Их синтаксическая особенность — употребление в независимых предложениях в отрицательной форме.

Глагол (se) *doubter*: иллокутивная функция данного глагола состоит в следующем: «я знаю, что Р; я хочу, чтобы ты не сомневался, что Р истинно». В пропозиции может быть выражена истинность чувств:

Vez ci pour quoy: vous estes maistre,
S'il vous plaist, n'en faites ja doubte,
De mon ceur et de m'amour toute
[18, p. 232];

истинность слов:

Le roy
Est-ce verité, messagier,
Que tu me diz?
Le messagier.
Sire, par Dieu de paradis,
Oïl, ja n'en aiez doubtance
[Ibid., p. 225];

истинность действий (угроза — ее подтверждение):

Vous aurés
Plus de cent coups, n'en doubtés mye
[14, p. 28];

угроза — ответ на нее:

Pathelin
Nostre Dame! moquin moquat,
Se tu ne payes largement.

Le Bergier
Dieux! a vostre mot, vrayement,
mon seigneur et n'en faictes doubte
[17, 1115—8].

Глаголы *s'esmaier*, *ne chaille*. Императив этих глаголов приобретает, по-видимому, следующую прагматическую функцию: «я знаю, что это тебя беспокоит; я считаю, что для этого нет оснований; я хочу, чтобы ты не беспокоился по поводу Р».

- (1) "Sire", dist il, "or ne t'esmaies
Ne de ce plus de dolour n'aies
Quar cil qui donne aucune chose
Ou qui a donner la dispose
A Dieu, qui touz les biens nous donne
Il qui touz bienffaiz guerredonne
A cent doubles li merira.
[10, 261—7]

- (2) Le Second Mary
Il n'y a rien mal
Ou l'avez vous eu?
La Seconde Femme
Ne vous en chaille;
Nous n'en devons denier ne maille,
Je l'ay payé en beau contant.
[11, 517—520]

В том и другом примере после просьбы «не беспокоиться» идет обоснование того, почему не нужно этого делать. Мотивировка дается в форме придаточного предложения с союзом *car* (пример 1). Причинная конструкция с союзом *car* или без него (пример 2), которая следует за глаголом в императиве, отражает естественную реакцию на вопрос «почему?», имплицированный императивным употреблением глаголов со значением «беспокоиться».

Глагольные выражения *être sûr*, *être certain*, *tenir pour vérité*, подобно глаголу *savoir*, при выражении побуждения также обладают собственной прагматической функцией — стремление убедить адресата в истинности сообщаемого знания:

Sire, pour verité tenez
Du saint sepulcre vieng tout droit;
S'ay puis passé par maint destroit:
Se scet Diex, sire.
[18, p. 220]

Je vous confesseré tout voir:
Dès lor que Aubin ma fille ot prise,
De lui amer fui si esprise
De bonne amour comme mon filz
Que soyez certain, sire, et filz.
[19, p. 345]

Говоря «Soyez sûr que P», адресант имеет в виду следующее: «я знаю, что P; я хочу, чтобы ты был уверен, что P истинно».

Перцептивные глаголы *oïr, escouter, regarder, entendre* в императиве чаще всего являются не чем иным, как вводными формулами (см., например [15, с. 77—81]), своего рода интродукторами, стимуляторами внимания и играют роль предупредительного сигнала о начинающемся высказывании [5, с. 41]:

- (1) Or escoutez, jeunes et vieux,
Et entendez bien ma parole.
[12, p. 71]
- (2) Escoutez: a mains de parolles,
la Court ne sera plus tenue.
[17, 1322—3]
- (3) Oëz qui tant abandonnez
Voz corps a touz aësemens
Et vains glorifiemens
Comment vaine gloire est punie,
Soit pour force ou pour seignourie.
[20, 444—450]

«Вводный» императив часто сопровождается обращением (примеры 1, 3), которое указывает, кому адресовано высказывание.

Императив перцептивных глаголов может заменять восклицательное предложение типа *Comme, comment, combien!*.. Так, в нижеследующих примерах побудительные высказывания легко трансформируются в чисто восклицательные:

Escoutez qu'elle est amyable
[11, 451]
=Comme elle est amyable!
Mais, pour Dieu, regardez quel perte
Ce seroit de ce gentil corps.
[Ibid., 429—431]
=Quel perte se seroit de ce gentil corps

Императивы-интродукторы, в функции которых могут употребляться глаголы *demander, considérer, dire*, служат также для преобразования прямого вопроса в косвенный:

Ne demandez s'il est bien aise...
[16, p. 51]
Or considérez si c'est bien fait,
mectre deux choses contraires ensemble.
[Ibid., p. 102]

Абстрактный вопрос приобретает благодаря императиву более конкретный, личностный характер. Автор вовлекает читателя (слушателя) в действие, заставляя его размышлять над излагаемыми фактами. В семантике императивного оборота *ne demandez pas* необходимо отметить следующую особенность: этот оборот представляет ситуацию как естественное следствие того, что предшествовало данному высказыванию.

Так называемый авторский императив [15, с. 82], по своей направленности частично сближающийся с глаголами-интродукторами, позволяет автору управлять изложением событий:

оборвать повествование, начать развитие новой сюжетной линии или вернуться к тому, о чем речь шла ранее. Привычным способом завершить авторское отступление от сюжетной линии и вернуться к изложению прерванной истории является использование императива таких глаголов, как *ravenir*, *retourner*:

Or retournons a cest noble home dont nous parlons...

[16, p. 96]

Or retournons à nostre clerc...

Or disons comment il devint prestre à Rommes...

[7, p. 265]

Итак, анализ глаголов, передающих идею побуждения в текстах XIV—XV вв., позволяет выделить следующие группы глаголов: 1) глаголы, способные выражать различные виды побуждения; 2) перформативные глаголы; 3) глаголы, выражающие идею побуждения нерасчлененно, глобально: когнитивные глаголы: глаголы эмоционального состояния, имеющие особые прагматические функции; перцептивные глаголы и глаголы авторского побуждения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Анпресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // *Прагматика и проблемы интенциональности*. М., 1988.
2. *Богданов В. В.* Перформативное предложение и его парадигмы // *Прагматические и семантические аспекты синтаксиса*. Калинин, 1985.
3. *Улиссона Н. И.* Побудительное предложение в современном французском языке // *Грамматические исследования*. Л., 1975. Ч. 2.
4. *Шатуновский И. Б.* Эпистемические глаголы: коммуникативная перспектива, презумпции, прагматика // *Логический анализ языка. Знание и мнение*. М., 1988.
5. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // *Язык и его функционирование*. М., 1986.
6. *Alexandrescu S.* Sur les modalités croire et savoir // *Langages*. 1976. N 43.
7. *Les Cent nouvelles nouvelles* // T. Wright. P., 1857—1858. T. 1—2.
8. *Le conseil au nouveau marié, à deux personnages, c'est assavoir: le Mary et le Docteur* // *Ancien théâtre français ou Collection des ouvrages dramatiques les plus remarquables depuis les Mystères jusqu'à Corneille*. P., 1854. T. 1. (ATF).
9. *Dubois J., Dubois-Charlier F.* *Eléments de linguistique française*. Syntaxe. P., 1970.
10. *Du duc de Sardaine* // *Trois contes Français du XIV siècle tirés du recueil intitulé "Le Tombel de Chartrose"* // S. Sandquist. Stockholm, 1982.
11. *Farce moralisée a quatre personnages, c'est assavoir: deux hommes et leurs deux femmes dont l'une a une malle teste et l'autre est tendre du cul* // Pichot E., Nyrop Ch. *Nouveau recueil de farces françaises de XV et XVI siècles*. P., 1880.
12. *Farce nouvelle à cinq personnages, des Femmes qui font refondre leurs marys* // ATF. P., 1854. T. 1.
13. *Farce nouvelle nommée la Folie des Corriers a quatre personnages* // *Recueil général des sotties* / E. Picot. P., 1902. T. 1.
14. *Farce nouvelle tres bonne et fort joyeuse de l'Obstination des femmes à deux personnaiges* // ATF. P., 1854. T. 1.
15. *Lorian A.* Montaigne. De l'impératif (étude de Style) // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1964. Bd 80, H. 1/2.

16. *Les XV. Joies de mariage* / J. Rychner. Genève; P., 1957.
17. *Maistre Pierre Pathelin. Farce du XV siècle*. M., 1938.
18. *Un miracle de Nostre-Dame d'Amis et d'Amille* // Théâtre français du Moyen âge / L. J. N. Monmerqué, F. Michel. P., 1839.
19. *Un miracle de Nostre-Dame comment elle garda une femme d'estre arse* // Ibid.
20. *Du sainte Gale qui ne se voult remarier* // Trois contes Français du XIV siècle tirés du recueil intitulé "Le Tombel de Chartrose" / S. Sandqvist. Stockholm 1982.
21. *De saint Paulin de Nole qui fut en servage pour autrui comme bon pas-tour* // Ibid.

**Парадигматические отношения на разных уровнях языка.
Свердловск, 1990**

Е. В. Морозова
Московский
педагогический институт
имени В. И. Ленина

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНЫХ ПАРАДИГМ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОПРОВАНСАЛЬСКИХ
ТЕКСТОВ)**

Рассматриваются структурно-семантические особенности оценочных парадигм в средневековой литературе. Выделяются группы слов (лексем), объединенных знаком «положительной» или «отрицательной» коннотации. Определяются условия функционирования лексем в качестве оценочных, в частности зависимость от непосредственной сочетаемости с другими лексико-семантическими единицами, а также от жанра текста. Делается вывод о парадигматических особенностях оценочных структур в средневековых текстах.

Оценка — один из видов модальности, присущей языковому выражению, получивший свое отражение в языковых структурах. Категория оценки предполагает наличие определенной шкалы ценностных стереотипов, на полюсах которой расположены понятия «хорошо» и «плохо», а между ними — бесчисленное множество оттенков. Сущность оценочных суждений определяется этическими концепциями соответствующей исторической эпохи.

Отношение к окружающему миру человека средневековья зафиксировано памятниками письменности. Материалом настоящего исследования послужили произведения старопровансальской литературы, оригинальные и переводные. Представляя культурный универсум, сложившийся в рассматриваемый исторический период, они выражают закономерности распределения оценочных суждений, присущих средневековому мировоззрению в целом. Не ставя задачей исчерпывающее описание оценочных структур средневековой литературы, представим основные особенности формирования парадигм оценки по шкале со знаком «плюс» и шкале со знаком «минус».

Оценка, являясь, очевидно, универсальной категорией [1],

может быть выражена самыми различными средствами языка. Прежде всего, это непосредственная экспликация того, что хорошо, а что плохо с точки зрения автора (составителя) текста. Прескрипция была ярко выражена в религиозной литературе, носившей отчетливо дидактический характер, «прескриптивной функция религиозной литературы заставляла, таким образом, эксплицировать оценку, носившую, как правило, категорический характер» [3, с. 111]: ...*tuh lhi mal veno del diable* [9, p. 333] — *все зло происходит от дьявола*. Постоянная оппозиция «между добром и злом, небесным и земным, материальным и нематериальным» [2, с. 127] выражается в суждениях с параллельными противопоставлениями. Например, Христос наставляет на путь истинный Марию-Магдалину: *Car el la partic dels deletz carnals, per eysso el li donec motz delietz spirituals* [0, p. 16] — *Ибо он отвратил ее от плотских наслаждений и даровал ей множество наслаждений духовных*. В соответствии с данным принципом зона положительного получает свои эпитеты-определения *esperital* — *духовный*, *celestial* — *небесный*, *divinal* — *божественный* и некоторые другие, которые противопоставляются определениям *mundanal*, *segla* — *мирской*, *terrenal* — *земной*, *materal* — *материальный* и некоторым другим, представляющим зону отрицательного: ...*Semblava far entre'ls homes via angelical que humana* [10, p. 144] — [*св. Франциск*] *жил среди людей жизнью не человека, но божьего избранника*. Подобные определения оценивают и одновременно классифицируют объект, причисляя его к той или иной системе ценностей.

Положительными характеристиками являются *bel* — *красивый*, *meravelhos* — *чудесный*, *clar* — *светлый*, *precios* — *драгоценный*, *noble* — *благородный*, *dous* — *нежный*. Они соотносятся с объектами и явлениями, изначально положительными в заданной ценностной шкале: *noble rey* — *именование бога*, *sang precios* — *кровь Христова*, *doussa Maire* — *дева Мария*. Всегда прекрасны святые праведники, а также их деяния; пример характеристики св. Энимии из «Жития св. Энимии» Бертрана Марсельского XIII в.: ... *fo bela per meravilha, si que natura no pos far negun temps de beltat sa par* [4, p. 2] — *...была она удивительно прекрасна, и никогда еще природа не создавала подобной красоты*. *Meravelhos* — одна из наиболее употребительных эмоционально-экспрессивных оценок всего, что расположено в зоне положительных ценностей клерикальной литературы, например оценка поцелуя, данного св. Франциском прокаженному. Подобное деяние, не волшебное по своей сути, вместе с тем вызывает у автора (составителя) оценку его как «чудесного», ибо оно является подвигом служения богу: *No saia veraiament de que mais se dia hom meravelhar en aquesta causa, o de la preondesa d'humilitat el baisament tant benigne, o de la clartat de la vertut el miracle tant meravelhos* [10, p. 152] — *Воистину не знаю, чему более должен дивиться чело-*

век в этом случае, глубине ли смирения сего благословенного поцелуя, свету ли добродетели сего пречудного чуда.

В зоне отрицательного используются оценки *laid, vil — уродливый, vilain — низкий, van — суетный, felon — коварный* и некоторые другие, например: *drago terrible et orrible — змей чудовищный и ужасный* (т. е. дьявол).

Помимо оценок, выраженных определениями, в клерикальной литературе присутствует система образов, в сопоставлении с которыми объект оценивается как положительный или отрицательный. К сфере высоких символов принадлежит понятие и образ света: *Dieus totz poderos, verais lums et clartatz — Господь всемогущий, истинный свет и ясность*. К символам мира несправедного относится змей, олицетворение дьявола: *Ou, tiran, dormes tu, membre de Satan, am la serpent regina* [8, р. 80] — *О, тиран, ты спишь, прислужник дьявола, вместе со своей змеей королевой* (обращается к языческому царю Мария-Магдалина).

Оценка часто сопровождает объекты и явления, само название которых уже содержит аналогичную сему качества: *mal peccat — дурной грех, orrible peccat — ужасный грех, malvada eretgia — плохая ересь*. Подобные сочетания относятся к средствам интенсификации, которая предполагает движение по шкале оценок. Наиболее распространенным интенсификатором средневековой литературы выступает определение *gran*, выражающее стремление к гиперболизации, например: *Maria aiso plorava e disia ab gran dol* [8, р. 46] — *Мария плакала и говорила в великой скорби*. Особенно выразительна роль *gran* как собственно оценочного интенсификатора (положительного по преимуществу) в контекстах, полностью исключающих параметрическое или какое-либо качественное значение: *La puisela Epimia fo grans e bela* [4, р. 4] — *Девушка Энимия была [велика и] красива*.

Рассмотренные оценки характерны прежде всего для сочинений религиозной тематики. Оценка в светских сочинениях отличается в основном лексическим составом оценочных слов. Так, например, в «Жизнеописаниях трубадуров» наряду с *poble, bel, precios* широко используется оценка *avinenz — приятный*: *Peire d'Alverne ... bels e avinens fo de la persona* [11, р. 136] — *Пейре Овернский ... был красив и приятен на лицо*; *N'Aimerics de Belenoni ... trobet bonas cansos e ballas e avinenz* [там же, р. 30] — *сеньор Аймерик де Беленони ... сочинял хорошие песни, красивые и приятные*. Куртуазная система ценностей также предполагала антиномическое разделение объектов и явлений: соответствующих нормам куртуазного поведения и не соответствующих этим нормам: *Us fols gelos clau e rescos la plus bella dona del mon* [6, р. 116] — *Один безумный ревнивец запер и закрыл на замок самую красивую женщину в мире*. Гиперболизированная оценка также типична в куртуаз-

ной литературе (*самый превосходный, единственный в мире*). как и в клерикальной.

Параметрические определения, попадая в ряд положительных качественных характеристик, также приобретают интенсификационно-оценочное значение (в противном случае образ может превратиться в карикатурный). Так, например, описание внешности идеального рыцаря в куртуазном романе «Фламенка» (XIII в.) включает следующие детали: ...le naz foh bels e avinenz, loncs e dreitz ... lo col a dreg e gran e gros ... las mans ac grans e fortz e duras [6, p. 106] — *...нос был красив и привлекателен, длинен и прям ... шею имел прямую, и большую, и толстую ... руки имел большие, и сильные, и твердые.*

Ряд оценок встречается практически в любом типе текстов, особенно часто в сочетании со словом *bon*, с самыми разными оттенками данного широкого понятия. *Bon* характеризует явление или объект как обладающий всеми необходимыми (положительными) свойствами, требуемыми в данной ситуации: ...e aministra nos ... e dejunis e oracios e predicatios enaissi cum es costuma de bos crestias [7, p. 11] — *...и дай нам и посты, и молитвы, и проповеди, как это в обычае у добрых христиан* (т. е. у настоящих, истинных христиан); En Lanfranc Cigalla ... fo bon trabador e fatz mantas bonas chansos [11, p. 122] — *Сеньор Ланфранк Чигала ... был хороший трубадур и сложил много хороших песен.* Значение *bon* с оттенком «истинный», «настоящий» переключается с *ver*, *verai* — *настоящий, подлинный*. Обе оценки подчеркивают совершенство, полноту качеств, присущую определенным субстанциям: ...aqui ou so li ver crestia, aqui es lo paire el fil el Sant Esperit [7, p. 12] — *...там, где пребывают истинные христиане, там находится отец и сын и дух святой.*

Оценке «настоящий», «подлинный» соответствуют лексемы *ver* (*verai*) и *fin*. При этом первая всегда сопряжена с объектом или явлением из сферы положительных образов, а вторая определяет как положительные (или нейтральные), так и отрицательные объекты или явления: *argent fi* — [марка] *чистого серебра*, *fin amor* — *истинная любовь* [куртуазная], но *amor verai* — *истинная любовь* [к богу]; N'Archimbautz es gelos fins [6, p. 84] — *сеньор Арчимбаут истинный* [подлинный] *ревнивец*.

Менее статично распределяются оценки в исторических хрониках. Если в религиозно-дидактических текстах положительные качества и свойства всегда принадлежат тем, кто находится на службе господу, а прочие в большей или меньшей степени являются пособниками дьявола, то в светских сочинениях носителем положительного идеала выступает куртуазный рыцарь, которому обычно противостоит отрицательный персонаж — ревнивец, противник правил куртуазии. В хрониках перед составителем стояла задача охарактеризовать поступки людей, зачастую очень противоречивые, соотнося их с существующими

ценностными понятиями. Выбирая форму и способ передачи своего отношения к событиям, он должен был ориентироваться на тот или иной образец из существующих литературных жанров. В силу своей жанрово-стилистической неформленности средневековые хроники на народных языках представляли собой, как правило, гетерогенный тип повествования.

Так, например, Гильем де Тюдела, автор первой части «Песни о крестовом походе против альбигойцев» (XIII в). определяет отряд одного из участников похода, северофранцузского крестоносца: ...lo cons de Sant-Pol am bela gent armada [5, р. 34] — *граф де Сен-Поль с прекрасно вооруженными людьми*. Здесь bel — оценочный интенсификатор. Положительные оценки получают как крестоносцы, так и еретики-альбигойцы: E cela ost jutjero mot eretge arder e mota bela eretga [там же, р. 42] — *И это войско [под предводительством графа де Монфора] приговорило множество еретиков к сожжению и множество прекрасных еретичек*. Отрицательную оценку получают богатые и знатные люди, не внемлющие просьбам бедного певца: ...'lh ric home malvatz, que deurian estre pro, que no volon donar lo valent d'un boto [там же, р. 28] — ... *богатые люди плохие, ибо должны быть щедры, а не хотят дать даже пуговицы*. Подобные жалобы поэтов на скупость сильных мира сего характерны для поэзии трубадуров.

Гильем дает абсолютные оценки-сравнения: Lavaurs fon tan fortz vila, que anc e nulh regnat plus fort en terra plana non vi om que fos natz [5, р. 164] — *Лавор был таким хорошо укрепленным городом, что никогда ни в одном государстве не было более хорошо укрепленного города на равнине, еще не видел такого человек, на свет рожденный*. Для характеристики рыцарей из стана крестоносцев и из войска еретиков-альбигойцев автор использует сходные куртуазные понятия: A un riche baron, qui fu pros e valent, ardit e combattant, savi e conoisent, bos cavalers e larcs e pros e avinens [там же, р. 86] — *Один мужественный барон, который должен быть отважен, и доблестен, и смел, и бесстрашен, и мудр, и знающ, и прекрасный рыцарь, и щедрый, и блистательный, и привлекательный* (так представлен жестокий предводитель крестоносцев граф Симон де Монфор); N'ot plus ric cavalier en Toloza ni el comtat, ni plus lars despesaire, ni de major barnat [там же, р. 164] — *Не было более могущественного рыцаря ни в Тулузе, ни во всем графстве, ни более щедро дающего, ни более благородного рода* (таким представил автор одного из альбигойских рыцарей, графа Аймери из замка Лавор).

В заключение следует сказать, что оценка — постоянный модальный компонент средневековых сочинений. Оценка представлена в средневековых памятниках достаточно однозначно — «хорошо» или «плохо», что соответствовало средневековым этическим учениям, исключавшим понятие «золотой середины».

В каждой из сфер интеллектуальной деятельности имелись свои оценочные и одновременно классифицирующие понятия, признаки и сравнения. Два полюса оценки — отражение амбивалентного характера средневековых представлений о мире. В зависимости от функционального жанра текста языковое выражение оценок варьировалось.

Парадигма положительной оценки помимо семантически значимых лексем складывается также из интенсификаторов. Следует отметить, что эмоционально-экспрессивная оценка употребляется значительно чаще в зоне положительного, чем в зоне отрицательного. Для усиления оценки используются гиперболические сравнения. Таким образом, оценочные парадигмы знаком «плюс» или «минус» формируются из синтагм (развернутые сравнения, экспликация), номинативных единиц (образы олицетворения, именования предметов и явлений) и определений-эпитетов (в том числе и интенсификаторов). При структурировании оценочной парадигмы средневековья следует также принимать во внимание конкретную подсистему ценностной иерархии, представленную в памятнике письменности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
2. Лухачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
3. Чельшьева И. И. Особенности выражения оценки в средневековых романских текстах на материале кликальной литературы // Функциональная семантика и проблемы синтаксиса. М., 1987.
4. *Bertran de Marseille*. La vie de Sainte Enimie Poème provençale du XIIIe siècle / Ed. par C. Brunel. P., 1916.
5. *La Chanson de la croisade contre les albigeois* / Ed E. Martin-Chabot. P., 1976. T. 1er.
6. *Flamenca*: Roman occitan du XIIIe siècle. P., 1988. (Bibliothèque médiévale).
7. *Rituel cathare* // Le Nouveau Testament, traduit au XIIIe siècle en langue provençale, suivi d'un Rituel cathare / Publ. par L. Cledat. P., 1887.
8. *Sainte Marie Madeleine dans la littérature provençale: Recueil des textes provençaux...* / Par C. Chabaneau. P., 1887.
9. *Traduction de Liber scintillarum* // Bartsch K. Chrestomatie provençale X^e — XVe siècles. 6e ed. Marburg, 1904.
10. *La vida del glorios Sant Frances* / Ed. par I. Arthur. Uppsala, 1955.
11. *Les vies des troubadours*. P., 1985. (Bibliothèque médiévale).

Л. П. Олдырева
Латвийский университет

**РИТОРИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ВЫБОРА
И ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ**

Рассматриваются риторические критерии оценки формы слова в практике авторов английских риторик. Особое внимание уделяется канонам, регламентирующим риторическую оценку глагольной парадигмы и словопроизводства. Каноны исходили из комплекса представлений об идеале языковой формы: благозвучие, удобство артикуляции и т. п. В основе критериев лежат заимствованные из античной риторики принципы риторической оценки средств — точность и чистота.

Советы и рекомендации риторик — сочинений, составивших целую эпоху в истории гуманитарной культуры, дают уникальный материал к размышлениям над многообразием факторов языкового развития. В риториках мы встречаемся с опытом целенаправленного воспитания лингвистического вкуса¹, способного, по замыслу авторов риторик, к действительному влиянию на ход языковых изменений. Умение оценить риторические возможности языка и происходящие в нем изменения — это то критическое видение языка, которое культивировали риторик. Даже если рекомендации и запреты риторик могли оказаться впоследствии утопичными, система оценок и критериев, лежащих в основе этого критического видения, интересна как пример воздействия человека на язык, воздействия, протекающего в сфере выбора и оценки.

В данной статье речь пойдет об одном аспекте такого воздействия — о разработанных английскими риториками XVIII в. критериях оценки и выбора языковых средств. Часть этих критериев вошла в рекомендации практической стилистики современного английского языка. Однако система представлений, положенных в основу этих критериев, не всегда осознается, и эта неосознанность оставляет непонятными случаи конфликтного столкновения рекомендаций риториков и реальной истории тех языковых явлений, к которым рекомендации были столь пристрастны. Случаи именно такого рода будут разобраны в этой статье.

Исходным понятием разработанного риториками учения о стиле было понятие ясности в английской традиции — *perspicuity*. С анализа этого понятия (чаще со ссылкой на Квинти-

¹ Лингвистический вкус — понятие, развиваемое в работах К. Фосслера в связи с изучением эволюции и нормативных описаний языка [4]. Оно в какой-то мере перекликается с идеями учения о вкусе, разрабатываемого риториками XVIII в.

лиана, чем на Аристотеля и Цицерона²) начинался в английских риториках XVIII в. разбор словоупотребления, фразировки, порядка слов и композиции периода. Лишь при выполнении этого фундаментального для риторики требования могла идти речь о достижении иных стилистических достоинств, таких как сила (энергия, живость — в зависимости от классификации, которой придерживался автор риторики), изящество (красота, элегантность) и благозвучие (гармония, музыкальность звучания). Ясностью нельзя было жертвовать ни одному из этих риторических достоинств, как бы привлекательно оно ни было [7, р. 235; 8, р. 288—291].

В согласии с ориентацией на ясность³ выстраивается в риториках свод правил и стилистических рекомендаций: вначале идут запреты на нарушение ясности — самый категоричный вид риторических рекомендаций, далее следуют приемы, обучающие краткости, живости, благозвучию слога [8, р. 307—308]. Последовательность оценки и подбора языковых средств формирует (во всяком случае, была призвана формировать) у обученного риторике человека умение различать явления, способствующие или, наоборот, мешающие ясности слога. Взгляд на английский язык сквозь призму риторической *perspicuity* обнаруживает в нем явления, суть которых противится ясности стиля, и в этом случае роль риторики не только предупреждать об этой коренящейся в природе английского языка опасности, но и давать советы, способствующие преодолению несовершенства языка.

Так, анализ известных в английской риторической традиции девяти канонов «Философии риторики» Дж. Кембэла убеждает нас в том, что они задуманы Кембэлом как критерий мотивации выбора в случае конкуренции языковых единиц и исходят из требования ясности [8, р. 157—174]. Отвергая в первом каноне употребление *got* и *hid* в формах перфекта *I have got* и *I have hid*, Кэмбэл делает это, не приемля неясности, кроющейся в этих причастных формах, поскольку они могут употребляться и как формы претерита. Отсутствие грамматической омонимии в словах *gotten* и *hidden* делает их в смысле ясности и чистоты неуязвимыми (они морфологически самодостаточны и не нуждаются в контексте), и Кембэл рекомендует к употреблению

² «*Institutio oratoria*» Квинтилиана — наиболее цитируемый текст в английских риториках того времени. Этот факт, как и вся традиция ссылок на классику греко-римской риторики, прокомментирован в статье Х. Хардинга [9, р. 90—105].

³ Анализ стиля в риторике Аристотеля начинается с разбора ясности: «...определим, что достоинство стиля заключается в ясности (*saphe*); доказательством этого служит то, что раз речь не ясна, она не достигнет своей цели» [1, с. 129]. Далее Аристотель перечисляет важнейшие для греческого языка условия, способствующие достижению ясности слога: адекватное употребление союзов и местоимений, соблюдение грамматического согласования и управления [там же, с. 135—136].

в качестве перфекта именно эти формы — I have gotten, I have hidden [8, p. 159].

В том же каноне не рекомендуются к употреблению конверсивные формы — слова типа *forward*, *backward*. Амбивалентность этих слов, употребляемых в качестве предлога и наречия, может затруднять восприятие смысла. Подобных ситуаций можно избежать, употребляя варианты, оформленные как разные части речи: *forward* для предлога и *forwards* для наречия. Тогда эти пары слов угрозы для ясности слога не представляют, и Кембэл рекомендует их, присовокупляя к своей рекомендации опору на аналогию, действующую в языке в пределах данной группы слов (Кембэл имеет в виду слова *afterwards* и *homewards*, не имеющие дублетов и не изменяющие своему статусу наречия).

В тех же девяти канонах Дж. Кембэла мы встречаемся с предубеждением риторики против идиоматического употребления слов. Действительно, идиоматическое выражение в определенном контексте может стать препятствием в восприятии смысла высказывания. Не следует забывать, что риторики XVIII в. включены в интеллектуальную парадигму Просвещения с его культом здравого смысла и стремлением рационализировать все сферы духовной жизни, в том числе и языковое поведение. Совершенно естественно, что интеллектуальный напор должен был привести к эстетизации ясности⁴, для которой всякое проявление неясности было одновременно нарушением эстетики слова.

Не только изменение, но и аналогичное, противоречащее здравому смыслу развитие в идиоме исконного значения слова могло стать причиной неясности слога. Так, в выражении *a river's emptying itself* в значении «река втекает в...» Дж. Кембэл видел противоречие исконному значению глагола *empty*, ибо, «втекаая», река не «вытекает», осваивая свое русло безводным; следовательно, употребление *empty* в приведенном выражении (оно, кстати, осталось в этом употреблении вопреки критике Дж. Кембэла) неуместно и неверно, логично употребить выражение *a river falls into the sea*, которое соответствует как логике значения глагола *fall*, так и образу восприятия «впадения реки в море» [Ibid., p. 172].

Современному специалисту пристранное отношение к идиоматике и омонимии может показаться несколько парадоксальным, ибо богатство идиоматики, особенно идиоматики глагольной, равно как и экономия языковых средств в грамматической

⁴ Характерен такой фрагмент из самой популярной риторики XVIII в. Х. Блэра: ясность — «...это качество, обладающее положительной красотой (positive Beauty). Мы благодарны тому автору... который освобождает нас от утомительных усилий поиска смысла, который раскрывает тему своего сочинения, не вводя нас ни в какие недоумения и запутанность, чей стиль течет, словно прозрачный ручей, в котором все видно до самого дна» [7, p. 235].

омонимии (особенно в парадигме глагола), окружены ореолом положительного отношения знатоков английского языка. В английской фразеологии сложилась традиция восхищения богатством идиоматики английского глагола [3, с. 168—172], и эта традиция подкреплена весьма разработанной словарной практикой фиксации *phrasal verbs* и *English idioms*. Между тем именно эти черты английского языка как явления, не способствующие ясности стиля, вызывали нарекания риторик.

Для истории английского языка показательно критическое отношение риторик к развитию полисемии и идиоматики глаголов (особенно односложных германизмов типа *hold*, *take* и *stand*): оно должно было настраивать риторически образованного носителя языка на осторожное отношение к словоупотреблениям⁵, ставшим ныне отличительной чертой английской лексики, должно было настораживать его как угроза риторической *perspicuity*.

В этом настороженном отношении английской риторики к развитию глагольной полисемии и идиоматики содержится важный фактор воздействия риторики на языковые изменения: риторика выступает как консервативное сдерживающее начало, она стремится своими рекомендациями и запретами «приглушить» действие тех языковых изменений, которые противоречат риторическому идеалу ясного стиля. Этот лингводидактический консерватизм опирается, как мы видим, на применяемую в риторике систему критериев оценки стиля речи. Парадокс возникает, когда эти критерии переносятся с суждения о конкретном высказывании на явления общего плана, когда риторика судит о развитии языка или о сути того или иного языкового явления сквозь призму разработанных ею стилистических достоинств речи.

Конфликт риторики и развития языка не лишен между тем некоторой обоснованности. Та, если бы мы попытались сейчас зарегистрировать и проанализировать употребление фразовых глаголов (*phrasal verbs*) вне контекста, трудность, с которой сталкивается всякий изучающий английский язык и читающий англоязычную периодику, мы были бы вынуждены признать правоту авторов старых риторик. Тип словоупотреблений таких слов, как *take*, *get*, *hold*, находящийся на пределе многозначности, возможной в лексической единице, а также на пределе

⁵ В «Философии риторики» Дж. Кембэла порицается, например, употребление перечисленных глаголов в следующих предложениях: «*he has not hold long in one mind*», «*you take me*» (в значении «ты понимаешь меня»), «*he stands upon security*». Вместо них Дж. Кембэл рекомендует употребление свободных от двусмысленности *continue* (вместо *hold*), *understand* (вместо *take*) и *insist* (вместо *stand*). Так, вызывающая неясность стиля идиоматичность германских глаголов (в терминах Кембэла, *the idiomatical use*) преодолевается заменой значительно менее многозначными заимствованиями *continue* и *insist* или более морфологически мотивированным германским *understand* [8, p. 172].

возможностей расширения фразеологического пространства ее обитания⁶, действительно, не способствует ясности стиля. И ссылка на возможные трудности иностранца, сталкивающегося с этой особенностью английской лексики, более чем уместна, ибо авторы риторик XVIII в. учитывали в своих рекомендациях и их интересы [5, р. 195]. Риторика писалась с претензией на статус английского языка как международного. Во всяком случае, авторы риторик желали, чтобы их язык стал международным, и очень много для этого сделали. Достаточно упомянуть школу элокуцинистов XVIII в., давших английской лексикографии орфоэпический стандарт и систему транскрипции [6; 10]. Естественно, что при такой ориентации риторическая система описания грамотного (не только грамматически, но и риторически) владения речью должна была предусмотреть основные трудности изучающего английский язык как иностранный и предупредить его против возможных и наиболее характерных для этого языка погрешностей в стиле. Так, в какой-то мере своими рекомендациями риторика пытались предупредить трудности межъязыкового общения.

Старания эти, ограниченные рамками представлений классических категорий риторики, оказались тщетными, как и не совсем корректным оказался сам тип «риторического» суждения о языке⁷. В перспективе развития лингвистических учений некорректность риторик XVIII в. в оценке языковых форм и их изменений, а также обскурантизм риторических рекомендаций получают надлежащую историографическую интерпретацию (которой не будем здесь касаться). Более интересным для современной практики описания языков, избегающей давать оценки выразительным и коммуникативным возможностям языковых единиц, строя и тенденциям развития, может оказаться опыт риторики, пытавшейся разработать критическую компоненту (Дж. Кембэл так и назвал это умение — *verbal criticism*), отсутствующую в современной лингводидактике. Опыт риторики и по сей день сохраняет свою познавательную силу, ибо все порицаемое риториками как погрешность, например против ясности стиля, действительно содержит в себе возможность

⁶ Фразеологическое пространство обитания, увеличивающееся наиболее активно у многозначных слов за счет образования новых идиоматических значений, — понятие, фигурирующее в гипотезе А. А. Поликарпова о жизненном цикле слова [2, с. 66]. Это пространство — результат растрачивания своих значений и одновременно симптом, согласно упомянутой гипотезе, старения лексической единицы.

⁷ В данной статье рассматривалась лишь одна категория этого плана — ясность. Однако в риториках Х. Блэра, Дж. Кембэла и Дж. Пристли [11] есть ряд суждений и регламентаций, исходящих из иных (упоминавшихся выше) стилистических категорий: сила, краткость, благозвучие; эти регламентации пересекаются в своем консерватизме и эстетических идеалах с теми, что были высказаны в связи с регламентацией ясности стиля.

такой погрешности. Неадекватность обнаруживается тогда, когда риторы не учитывают компенсаторных явлений и тенденций в развитии английского языка, «подстраховывающих» речь от стилистических погрешностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аристотель*. Риторика // Античные риторика / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1978.
2. *Поликарпов А. А.* К теории жизненного цикла лексических единиц // Прикладная лингвистика и автоматический анализ текста. Тарту, 1988.
3. *Смит Л. П.* Фразеология английского языка. М., 1959.
4. *Фосслер К.* Грамматика и история языка. К вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении // Логос. Пб., 1910.
5. *Baron D. E.* Grammar and Good Taste. New Haven; London, 1982.
6. *Benzie W.* The Dubbin Orator Thomas Sheridan's influence on 18 c. rhetoric and Belles Letters. Leeds, 1972.
7. *Blair H.* Lectures on Rhetoric and Belles Letters. London, 1785. V. 3.
8. *Campell G.* The Philosophy of Rhetoric. N. Y., 1849.
9. *Harding H. F.* Quintilian's Witnesses // Historical Studies of Rhetoric and Rhetoricians. N. Y., 1961.
10. *Howell W. S.* Sources of the Elocutionary Movement in England: 1700—1748 // Historical Studies of Rhetoric and Rhetoricians. N. Y., 1961.
11. *Priestley Y.* A Course of Lectures on Oratory and Criticism. London, 1977.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка. Свердловск, 1990

Н. А. Плещев
Свердловский
педагогический институт

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Рассматривается класс слов, который до сих пор не привлекал к себе достаточного внимания в грамматических описаниях. Этот класс образует субстантивные относительные дериваты в адвербиальных позициях, обозначаемые термином «относительное наречие».

В данной статье рассматривается класс слов, занимающих особое (промежуточное) место в системе частей речи немецкого языка и их основных грамматических разрядов. Этот класс образуют отсубстантивные относительные дериваты в адвербиальных позициях (в статье они обозначаются термином «относительное наречие») [1].

Поскольку относительные наречия не имеют морфологических категорий, формально они охарактеризованы своими синтаксическими позициями и связями. Изучение значительного

объема текстов второй половины XVIII в. показало, что относительные наречия употребляются в качестве зависимых членов глагольных и адъективных групп. В рамках настоящей статьи мы ограничимся лишь анализом структурно-семантических особенностей относительных наречий в адъективной синтаксической группе.

В адъективной синтаксической группе относительное наречие (ОН) зависит от прилагательного. Компоненты этой группы располагаются контактно и находятся друг к другу в отношении поясняемого и поясняющего: ОН выступает в качестве поясняющего компонента, прилагательное — поясняемого компонента, что не позволяет рассматривать эти компоненты как равноценные. В таких словосочетаниях ОН характеризует признак, обозначенный именем прилагательным, уточняя и конкретизируя его путем присоединения к прилагательному дополнительной характеристики. Например: *In vielen kleinen Republiken herrscht bürgerliche Freiheit, ohne daß man sie politisch frei nennen könnte; Das ökonomisch reizlose Gebiet ... geriet schnell in Vergessenheit* [7, S. 255]. В словосочетаниях ОН с прилагательным предметное отношение ОН накладывается на признак, выраженный прилагательным, в результате чего между ними складываются разнообразные и весьма сложные отношения.

Исходя из структурно-семантических особенностей ОН и прилагательных и складывающихся между ними семантических отношений в адъективных словосочетаниях с ОН в роли зависимого слова можно выделить три структурно-семантических класса.

Первый структурно-семантический класс объединяет адъективные словосочетания, в которых ОН ограничивает объем понятия, выраженного прилагательным, например: *Was lange Zeit durch die Beredsamkeit und die Friedfertigkeit diplomatisch begabter Männer in der Künstlerrepublik Berlins niedergehalten worden war, ist in diesem Jahre zum Ausbruch gekommen* [3, S. 16]; *Obwohl der Hof noch durch die Anlage eines kleinen eingeschossigen Doppelhauses geschmälert wird ... nimmt der Hof ... doch etwa die Hälfte des ganzen Gebäudes ein, so daß das Bauterrain bei weitem nicht in dem baupolizeilich zulässigen Maase ausgenutzt worden ist* [Ibid., S. 316].

ОН, определяя и уточняя непосредственно прилагательное, могут придавать ему разнообразную характеристику, оттенки которой иногда трудно определить. Чаще всего ОН выражает понятия, связанные со сферой социальной и познавательной деятельности человека, с разного рода социальными явлениями, например: *Nun ist's der allgemeinen Erfahrung nach, unwiderstehlich, daß wo viel Kraft und Reizbarkeit ist, zugleich viele Leidenschaften entstehen müssen, die größten — theils zu moralisch schlimmen Gesinnungen und Thaten führen* [13, Bd 3,

S. 170]; Alles und Alles möchte ich in das für mich metaphysisch und moralisch sublime Wort zusammenfassen [Ibid., Bd 2, S. 324].

Ко второму структурно-семантическому классу мы относим адъективные группы, в которых ОН, в той или иной мере приближающиеся к качественно-относительным дериватам, оказывают влияние на восприятие степени интенсивности признака, выраженного прилагательным. Например: Wir gingen zum Spandauer Tor ein, dann durch die melancholisch angenehme Lindenstraße und noch ein Gassen durch [5, S. 90]; Wer auf Offenbarung Anspruch macht und dadurch Andere leiten und lehren will, muß entweder durch göttlich luminöse Weisheit oder autorische Kraft leiten [13, Bd 1, S. 121]; Nur an eine wörtlich oder gar ängstlich treu Übersetzung darf man weder dem Französischen noch dem Spanischen gegenüber denken [10, S. 1].

Во многих случаях смысловая связь между ОН и прилагательным базируется на известном соответствии признака, выражаемого прилагательным, предметному отношению, которое устанавливается между значением субстантивной основы ОН и значением определяемого существительного. Прилагательное выражает признак, который как бы имплицитно предполагается возможным и вероятным и тем самым «выводится» из этого предметного отношения, ср.: Nach dieser, wo nicht gar diplomatisch genauen, doch wenigstens diplomatisch umständlichen Darlegung des Stammbaums und folglich des Beweises von der Apartmentmäßigkeit dieses Sitzes, hoffen wir nun von dem gütigen Leser freien Paß für dessen Begleitung [15, S. 81]. Толкование субстантивных групп diplomatisch genaue Darlegung, diplomatisch umständliche Darlegung принимает следующий вид: «eine Darlegung, wie sie von einem Diplomaten geboten, ausgeführt u. s. w. wird, eine diplomatische Darlegung ist genau, umständlich». Ср. также: altfränkisch ländlichen Boden [12, S. 322]; ... er hatte feurige Augen und männlich braune Wangen [4, S. 482]; Im Munde jungfräulich andächtige Unschuld [13, Bd 3, S. 278]. Как правило, в подобных случаях также можно отметить восприятие известной степени полноты признака, выражаемого прилагательным, в основе чего и лежит отношение соответствия этого признака той качественной характеристике определяемого имени, которая вытекает из его связи с ОН (синтаксически опосредованной подчинением ОН прилагательному). То соответствие, о котором говорилось выше, не обязательно предполагает наличие прямой отнесенности признака, выражаемого ОН, к предмету, обозначаемому основой ОН: «eine diplomatisch umständliche Darlegung» может реально исходить и не от дипломата. Соответствие, таким образом, может в частных случаях устанавливаться через сопоставление, сравнение и сопровождаться отвлечением признаков от их реальных носителей.

Соответствие, не связанное с необходимостью непосредственной прямой предметной референции, опирается в большей мере на известные признаки понятия о классе предметов (или об уникальном предмете) как на сигнификат субстантивной основы ОН, чем на прямые референциальные связи этой субстантивной основы. Это не означает, что прямые референциальные связи исключаются, речь идет только об их необязательности, ср.: ... auf dem bisher altfränklich ländlichen Boden ... — где говорится как раз о территории des alten Frankenlandes.

Как видно из изложенного выше, несмотря на синтаксическое подчинение ОН следующему за ним прилагательному, находящее выражение в наречной форме соответствующего субстантивного деривата, в плане семантических связей ОН отчасти соотносится и непосредственно с определяемым существительным. Эта тенденция проявляется иногда с большой определенностью, что дает основание выделить особый, третий структурно-семантический класс адъективных словосочетаний с ОН в их составе, ср. следующий пример: Ich wußte nichts und hatte von den militärisch französischen Angelegenheiten und Lagen nicht die mindeste Kunde [13, Bd 6, S. 186]. Здесь могут разнообразно переплетаться линии независимого, параллельного смыслового подчинения ОН и прилагательного ядру субстантивной группы — существительному, которому морфологически непосредственно подчинено только прилагательное — ядро «своего» словосочетания и те или иные, иногда с трудом поддающиеся истолкованию линии смысловых связей ОН и адъективного ядра соответствующей определительной группы. Дело в том, что в рассматриваемых случаях и прилагательное — ядро адъективного словосочетания представляет собой, как правило, прилагательное относительное, так что дана возможность каких-то предметных отношений также между явлениями, обозначаемыми основами обоих ОН. Не касаясь конкретного характера связей между формально-грамматически последовательно подчиненными определяемому существительному ОН, отметим, что эти внутренние отношения между ОН ограничивают положение об их независимо-параллельном смысловом подчинении определяемому существительному. Это находит выражение прежде всего в том, что здесь неосуществима «трансформация» с выраженным соподчинением двух ОН одному определяемому — подчинением бессоюзным или при посредстве союза und. Ср.: Geheimnisse aus der Ehe; oder die Kunst eine glückliche, eine lange Ehe zu führen, durch philosophisch medizinische Gründe erwiesen [2, S. 914]; ... ihre liebsten Unterhaltungen betrafen gewöhnlich sentimentalisch religiöse Betrachtungen über den Zustand der Liebenden jenseits des Grabes [16, Bd 3, S. 102]; Freilich unser diktatorisch journalistisches Zeitalter wird diesen Gedanken fein anspießen und Krucifige schreien [13, Bd 4, S. 64].

Структура субстантивных словосочетаний такого рода лежит в основе широко распространенных официальных наименований государственных учреждений, в которых содержится «отсылка» к терминам König или Kaiser, ср.: ... königlich Preussische Collegium der Aerzte und Wundärzte. [8, S. 108].

Благодаря тесному семантическому объединению групп слов, представленных выше примерами philosophisch medizinische Gründe, sentimentalisch religiöse Betrachtungen etc., создается почва для словосочетания, которое формально (графически) выражается дефисным написанием соответствующих сочетаний слов. Примеры: Von ungefähr fügt'es sich, daß ich einmal neben Herrn Zimmermann, itzigem königlich-großbritannischen Leibarzt in Hannover, da er noch in Brugg war, am Fenster stand, einem militärischen Zuge zusahe [14, Bd 1, S. 10]; Diese allgemeine Revisions-Nothwendigkeit in Ansehung unserer bürgerlich-moralischen Begriffe, dieses Bedürfnis des Geistes ... scheint mir ein erster wesentlicher, allgemeiner und incalculabel wohlthätiger Effekt der neuen Ordnung zu sein [13, Bd 4, S. 94]; Seine physiognomische Kenntniß vereinigt sich mit allgemeiner moralisch-politischer Menschenkenntniß [Ibid., S. 65]; ... das phlegmatische ... geht so der Nähe nach, glatten Weges hin nach seinem kleinen oder mäßigen Horizont, keinen Schritt leichter weiter, in gleichgültigem Nichtachten alles Uebrigen, zur ökonomisch-epikurischen Cartenphilosophie noch am bequemsten [Ibid., S. 31].

В плане синтаксического анализа соединений такого рода важно подчеркнуть, что их употребление не ограничивается присубстантивной атрибутивной функцией. Они встречаются также в подчинении разнообразным глагольным формам, как финитным, так и нефинитным, например: Wie sich Leichhardt theoretisch-wissenschaftlich in jahrelangen Studien und Reisen durch weite Teile Europas für seine Aufgabe vorgebildet hatte [7, S. 257]; Gleichwohl hat er sich zu verschiedenen Zeiten nicht bloß theoretisch-kritisch, sondern selbst produktiv mit diesem Fache beschäftigt [10, Bd 2, S. 325]; In ihnen ist der epische Gehalt der Erzählung meist verflüchtigt zur bloßen Grundlage einer Situationsmalerei, welche nicht sowohl die Thaten als die Empfindungen und Gedanken ihrer Helden und Heldinen lyrisch-sentimental, rhetorisch darstellt [11, S. 22]; Da viele meiner Freunde, wahre Republikaner, nicht glauben wollen, oder nach Ihren so schönen republikanisch-schweizerisch klingenden Freude- und Freiheitsliedern nicht glauben können, daß Sie dieselbe gehalten [13, Bd 6, S. 188]; Ich sol ihn auf eine andere Art bei Voelderndorf betten, welchem ich dabei ein Wort über den sündlich-politisch usurpierten Wernlein sage will [17, Bd 3, S. 36].

Можно предположить, что возникновению тенденции к словосложению в сфере рассматриваемых образований в немалой

степени способствовали прежде всего случаи употребления цепочки контактирующих ОН именно в приглагольных позициях, ср.: *republikanisch-schweizerisch klingende (Lieder)*. Дефис в таких случаях особенно удобен, чтобы устранить угрозу недоразумений в отношении того, имеем ли мы здесь дело с последовательным или параллельным семантическим подчинением ОН. Дефис (словосложение) предоставляет возможность недифференцированного выражения всего комплекса семантических связей в словосочетании как в целом. В этом, по-видимому, его основной функциональный смысл. Исследования «сложных слов» рассматриваемого типа как в истории немецкого языка, так и на современном этапе почти полностью отсутствуют за исключением краткого обзора в книге В. Флейшера о современном немецком словообразовании [6, S. 227—228].

Также не претендуя на полноту анализа, отметим следующее. Для истолкования смысловых отношений в словосочетаниях, включающих в свой состав сложные слова типа *bürgerlich-moralische Begriffe, sich theoretisch-wissenschaftlich vorbilden etc.*, естественно попытаться применить трансформации в какие-то иные формы словосочетаний или, по меньшей мере, попытаться представить себе иначе оформление сочетания тех слов, из которых состоят сложные слова. В отдельных случаях это, по-видимому, возможно, ср.: *republikanisch-schweizerisch klingende Freude- und Freiheitslieder, welche wie die Lieder in der Republik Schweiz* — или: *in der republikanischen Schweiz, или: in der schweizerischen Republik klingen*; за словосочетанием *unsere bürgerlich-moralische Begriffe* стоит понятие *bürgerliche Moral*, которое можно использовать для трансформации этого словосочетания в *Begriffe unserer bürgerlichen Moral*. Однако подобного рода преобразования далеко не всегда возможны. Ср.: *Herr Lessing macht noch eine Unterabtheilung der sittlichen Fabel, in mythisch-sittliche, wo der Fall der Fabel allein möglich ist; ... und in hyperphysisch-sittliche, wo der Fall der Fabel allein möglich ist, unter Voraussetzung, daß wirklich existierende Wesen die ihnen zukommende Eigenschaften in einem höhern Grade, in einem weitem Umfange, wirklich besitzen* [10, S. 333—334]. Здесь автор прямо говорит о том, что употребляемые им сложные прилагательные служат классификации басен; образования *mythisch-sittliche, hyperphysisch-sittliche Fabeln* включают в свой состав в качестве первых компонентов указания на признаки, по которым вид *sittliche Fabel* делится на подвиды, причем это делается совершенно безотносительно к тому, можно ли из *Mythos* либо ОН *mythisch* и *Sitte*, либо ОН *sittlich* образовать какие-либо словосочетания. В. Флейшер считает подобные образования разновидностью «Коруплативкомпоста». Эта характеристика справедлива в известных пределах и прежде всего потому, что внутри сложного слова детерминативные отношения компонентов представляют собой лишь част-

ный случай, а в основной массе случаев имеют место своеобразные отношения взаимной конкретизации, причем языковая форма не дает ответа на вопрос о том, который из двух членов сложного слова скорее следует принимать за конкретизируемый и который за конкретизирующий, ср.: *sich theoretisch-wissenschaftlich Vorbilden* — *sich Vorbilden in theoretischer Wissenschaft* или *sich Vorbilden in wissenschaftlicher Theorie* (вряд ли, однако, *sich Vorbilden in Theorie und Wissenschaft*, поскольку «теория» мысленно располагается в пределах «науки»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Плещев Н. А. Отсубстантивные относительные дериваты в адвербиальных позициях в немецком литературном языке второй половины 18 века и тенденции их развития: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.
2. *Allgemeine medizinische Annalen des Jahres*. Altenburg, 1800.
3. *Berlinische musikalische Zeitung* (historischen und kritischen Inhalts). Berlin, 1794.
4. Bodmer J. J. Lessingische unäsoptische Fabeln. Zürich, 1760.
5. Bräker U. Der arme Mann im Tockenburg. Berlin 1953.
6. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache, Leipzig, 1976. S. 227—228.
7. Forster G. Idyll auf Tahiti. Berlin; Weimar, 1963.
8. Haller A. Vorlesungen über die gerichtliche Arzneiwissenschaft. Bern, 1962. Bd 2. Teil 2.
9. *Hamburgisches Magazin oder gesammelte Schriften zum Unterricht und Vergnügen*. Hamburg, 1751—1765.
10. Herder Werke. Stuttgart, 1893. Bd 2.
11. Kant J. Zur Naturphilosophie. Kleinere Schriften. Berlin, 1873.
12. Kortum C. A. Die Jobsiade. Leipzig, 1956.
13. Lavater J. K. Ausgewählte Schriften. Zürich, 1841—1842. Bd. 1—3.
14. Lavater J. K. Physiognomische Fragmente zur Beförderung der Menschenkenntniß und Menschenliebe. Bd 1. Leipzig, 1775—1778.
15. Lichtenberg G. G. Ausführliche Erklärung der Hogarthischen künstere Stiche. Erfurt, 1949.
16. Musäus J. K. A. Volksmärchen der Deutschen. Berlin, 1756.
17. Richter J. P. Jean Pauls Sämtliche Werke. Briefe 1780—1793. Berlin, 1956.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка.

Свердловск, 1990

В. П. Хабиров
Свердловский
педагогический институт

СООТНОШЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ИМЕНИ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ЯЗЫКЕ-ИСТОЧНИКЕ

В статье анализируется парадигма имени в креолизованном языке санго и его языке-источнике — этническом санго. Рассматриваются классификационные категории имени, а также специфическое для языка-источника имя зависимое — отглагольное существительное.

Язык санго (национальный язык ЦАР) относится к языкам изолирующего типа с редуцированной в результате креолизации морфологией, и выделение классов слов, в отличие от флектив-

ных языков, в санго возможно на основе семантической маркированности (категориально-семантических свойств) и синтаксической валентности знаменательных слов. Однако конкретная семантическая маркированность не охватывает все лексемы санго. Часть лексем санго семантически маркирована принадлежностью к определенному классу, другая часть лексем семантически не маркирована совсем, т.е. за определенным классом не закреплена, и актуализация грамматических свойств происходит в высказывании.

В класс существительных санго входят слова, обладающие категориальной семантикой предметности и стоящие в позиции субъекта, прямого или косвенного дополнения к глаголу. Следовательно, эта категория прежде всего синтаксическая. Существительные в санго могут детерминироваться с помощью таких слов, как *táá*, подчеркивающего определенный признак существительного: *à yèkè táá bǎngō tì mbì* (это|есть|действительно|одежда| [генитивная частица] |моя); *gī*, служащего для выражения единственности и исключительности предмета: *à yèkè gī kùndá Pierre* (это|есть|только|черепаха|Пьер).

По семантико-грамматическому значению существительные подразделяются на одушевленные, неодушевленные и имена собственные. Единственная категория, которую имеет существительное в санго,— это категория числа. Предметные существительные (одушевленные и неодушевленные), обладающие обобщенной семантикой предметности, заключают виртуальное понятие о предмете безотносительно к числу, и их форма может не выражать ни единичности, ни множественности. Вне контекста, вне употребления существительное может обозначать и один и более чем один предмет. В каждом конкретном случае актуализация в отношении множественности происходит с помощью:

- 1) контекста (нулевой показатель множественности \emptyset);
 - 2) аффикса *á-*;
 - 3) слов, передающих значения количества:
 - а) *íníngì* — много (нулевой показатель множественного числа);
 - б) *kúé* — все (нулевой показатель множественного числа);
 - в) числительных (нулевой показатель множественного числа).
- Однако здесь не наблюдается строгого соблюдения этих правил. Рассмотрим примеры выражения множественности в соответствии с вышеперечисленными пунктами:

1) *ngàngà à kè tì fàà zò gírìrì* (колдун|он|отказался| [глагольная частица] |убивать|людей|раньше);

2) *ázò à sàrà kà míngì gírìrì* ([мн. ч.] + человек|они|сделали|работы|много|раньше);

3): а) *zò míngì à guè tì sàrà kà nà vílè gírìrì* (\emptyset человек|много|они|ушли| [глагольная частица] |делать|работу|в|городе|раньше);

б) $\bar{k}\bar{o}t\bar{a} \bar{r}\bar{e}m\bar{b}\bar{e} \bar{t}i \bar{m}bi \bar{a} \bar{f}\bar{a}\bar{a} \bar{k}\bar{u}\bar{e} \bar{a}w\bar{e}$ (большие|Ø зубы| [гени-
тивная частица] |мои|они|сломались|все [сов. в.]);

в) $\bar{z}\bar{o} \bar{u}\bar{s}\bar{e} \bar{a} \bar{g}a \bar{b}\bar{i}r\bar{i}$ (Ø человека|два|они|пришли|вчера).

Таким образом, там, где отсутствует показатель множественного числа \acute{a} , присутствует нулевой показатель Ø, указывающий, например, в первом случае на недискретную множественность, неисчисляемость. Примеры 2 и 3а в отношении семантики множественности идентичны. В примерах 3а, 3б и 3в существительные могут выражать множественность и с помощью показателя \acute{a} : $\acute{a}z\bar{o} \bar{m}\bar{i}ng\bar{i}$, $\acute{a}k\bar{o}t\bar{a} \bar{r}\bar{e}m\bar{b}\bar{e}$ ($\bar{k}\bar{o}t\bar{a} \bar{a}r\bar{e}m\bar{b}\bar{e}$), $\acute{a}z\bar{o} \bar{u}\bar{s}\bar{e}$.

Некоторые слова в санго имеют значение собирательности, иногда двойственности и часто употребляются со словами, передающими значение количества. Значение собирательности имеют слова: $\bar{r}\bar{e}m\bar{b}\bar{e}$ — зубы, $\bar{l}\bar{e}$ — зерно, зерна, $\bar{k}\bar{z}\bar{a}$ — волосы, $\bar{k}\bar{a}ng\bar{i}$ — термиты-солдаты с большой красной головой. Слово $\bar{m}\bar{a}b\bar{o}k\bar{o}$ — рука часто употребляется в значении «две руки», $\bar{g}\bar{e}g\bar{e}$ — нога в значении «две ноги», $\bar{l}\bar{e}$ — глаз в значении «два глаза». Следует заметить, что слова $\bar{k}\bar{z}\bar{a}$ — волосы, $\bar{k}\bar{a}ng\bar{i}$ — термиты могут употребляться и с показателем множественного числа \acute{a} . В этом случае они обозначают предметы, составляющие исчисляемое множество, а элементы этого множества являются качественно однородными. В качестве иллюстрации вышесказанного можно привести следующие примеры: $\bar{s}\bar{o} \bar{l}\bar{e} \bar{t}i \bar{k}\bar{a}f\bar{e}\bar{e}$ (вог|Ø зерна| [гени-
тивная частица] |кофе); $\bar{k}\bar{o}t\bar{a} \bar{r}\bar{e}m\bar{b}\bar{e} \bar{t}i \bar{m}bi \bar{a} \bar{f}\bar{a}\bar{a} \bar{k}\bar{u}\bar{e} \bar{a}w\bar{e}$ (боль-
шие|Ø зубы| [гени-
тивная частица] |мои|они|сломались|все|
[сов. в.]); $\bar{m}\bar{a}b\bar{o}k\bar{o} \bar{t}i \bar{l}\bar{o} \bar{a} \bar{u}\bar{e}k\bar{e} \bar{v}\bar{u}k\bar{o}$ (Øруки| [гени-
тивная частица] |его|они|есть|черные); $\bar{l}\bar{o} \bar{m}\bar{u} \bar{n}\bar{a}m\bar{a} \bar{n}\bar{i}$: $\bar{l}\bar{e} \bar{t}i \bar{l}\bar{o}$, $\bar{g}\bar{e}g\bar{e} \bar{t}i \bar{l}\bar{o} \bar{k}\bar{u}\bar{e}$
(он|взял|зверя|этого|глаза| [гени-
тивная частица] |его|ноги| [ге-
нитивная частица] |его|все); $\bar{l}\bar{o} \bar{m}\bar{u} \bar{a}m\bar{b}\bar{e}n\bar{i} \bar{k}\bar{a}ng\bar{i} \bar{a} \bar{t}\bar{e} \bar{n}\bar{i}$ (он|
взял| [мн. ч.] +несколько|термитов|он|сдел|их).

В определительной синтагме, зависимый компонент которой относится к разряду прилагательных, показатель множественного числа \acute{a} может занимать различные позиции, т. е. быть в препозиции к прилагательному, определяющему существительное, в препозиции и к прилагательному и существительному одновременно:

$\acute{a} + Adj + N$	$\acute{a}r\bar{e}nd\bar{e}r\bar{e} \bar{d}\bar{a}$	красивые дома
$Adj + \acute{a} + N$	$\bar{p}end\bar{e}r\bar{e} \acute{a}d\bar{a}$	красивые дома
$\acute{a} + Adj + \acute{a} + N$	$\acute{a}r\bar{e}nd\bar{e}r\bar{e} \acute{a}d\bar{a}$	красивые дома
$\acute{a} + Adj + Adj + N$	$\acute{a}r\bar{e}nd\bar{e}r\bar{e} \bar{k}\bar{o}t\bar{a}$	красивые боль-
	$\bar{d}\bar{a}$	шие дома
$\acute{a} + Adj + \acute{a} + Adj + N$	$\acute{a}r\bar{e}nd\bar{e}r\bar{e} \acute{a}k\bar{o}t\bar{a}$	красивые боль-
	$\bar{d}\bar{a}$	шие дома

Что касается этнического санго-якома, являющегося языком-источником креолизованного санго, точнее его варианта денди, то образование множественного числа здесь подчиняется отчасти тем же закономерностям, что и в креолизованном санго (в плане употребления показателя множественного числа á), однако с одной очень существенной разницей, заключающейся в том, что выражение множественности происходит за счет изменения тональной схемы предикативной синтагмы [4, р. 46].

*Этнический
санго-якома*

Креолизованный санго

<i>kólí ì báà</i>	<i>kólí à báà</i>	<i>мужчина смотрит</i>
<i>ʼakólí ì bá</i>	<i>akólí à báà</i>	<i>мужчины! смотрят</i>
<i>à bàrà</i>	<i>à bàrà</i>	<i>он здоровится</i>
<i>à bárá</i>	<i>à bàrà</i>	<i>они здоровятся</i>
<i>à gèrèsà</i>	<i>à gèrèsà</i>	<i>он забывает</i>
<i>à gèrésá</i>	<i>à gèrèsà</i>	<i>они забывают</i>

Безусловно, выражение множественности путем изменения тональной структуры глагола связано с наличием в этническом санго-якома грамматически значимых тонов, утраченных национальным санго в процессе его креолизации. Следует заметить также, что повышение или понижение тонального регистра в глаголе санго-якома связано не только и не столько, по нашему мнению, с выражением множественности, сколько с видовой реализацией.

Другой отличительной чертой этнического санго-якома (языка-источника) в области именной категориальности является наличие в системе так называемого имени зависимого (nominal dependant) [3, с. 27], представляющего собой первый член дополнительной синтагмы, в которой второй член либо местоимение, либо существительное, без которого первый компонент существовать не может. Характерное отношение между компонентами — отношение дополнительности (детерминации). Имя зависимое представляет собой слово, входящее в тематическую группу частей тела, терминов родства:

1. <i>CV</i>	<i>lí</i>	<i>голова</i>	9. <i>CV, V̄₂</i>	<i>kùā</i>	<i>друг</i>
2. <i>CV̄</i>	<i>tī</i>	<i>рука</i>	10. <i>CV̄CV̄</i>	<i>kēngē</i>	<i>мужской секс</i>
3. <i>CV́</i>	<i>lé</i>	<i>глаза</i>	11. <i>CV̄CV̄</i>	<i>gègè</i>	<i>нога</i>
4. <i>CV̇</i>	<i>kó</i>	<i>муж</i>	12. <i>CV̄CV̄</i>	<i>sàmbá</i>	<i>одна из жен</i>
5. <i>CV̄V̄</i>	<i>mèé</i>	<i>грудь</i>	13. <i>CV̄CV̄</i>	<i>yāngá</i>	<i>рот</i>
6. <i>CV̄CV̄</i>	<i>yōgō</i>	<i>ягодицы</i>	14. <i>CV̄CV̄</i>	<i>kúgú</i>	<i>бедро</i>
7. <i>CV̄CV̄</i>	<i>kúyà</i>	<i>кузен</i>	15. <i>CV̄CV̄</i>	<i>dōndō</i>	<i>вагина</i>
8. <i>CV̄CV̄</i>	<i>rèkō</i>	<i>спина</i>	16. <i>CV̄CV̄V̄</i>	<i>kàtèé</i>	<i>грудь</i>

Приведем примеры некоторых случаев употребления части вышеприведенных имен зависимых в этническом санго (ЭС) в сравнении с креолизированным санго (КС):

ЭС: *lì lò* *lì mbì* *lì 'é* *lì kólí*
 КС: *lì tí lò* *lì tí mbì* *lì tí 'é* *lì tí kólí*
 его голова моя голова наша голова голова ^{мужчины}

ЭС: *gèré lò* *gèré mbì* *gèré 'é* *gèré kólí*
 КС: *gèré tí lò* *gèré tí mbì* *gèré tí 'é* *gèré tí kólí*
 его ноги мои ноги наши ноги ноги мужчины

ЭС: *yāngá lò* *yāngá mbì* *yāngá 'é* *yāngá kólí*
 КС: *yāngá tí* *yāngá tí* *yāngá tí 'é* *yāngá tí kólí*
 ^{lò} ^{mbì}
 его рот мой рот наш рот рот мужчины

Отличие имени существительного (ИС) от имени зависимого (ИЗ) в этническом санго-якома и креолизированном санго состоит в следующем:

Признаки имен	Этнический санго		Креолизированный санго	
	ИС	ИЗ	ИС	ИЗ
Способность функционировать без дополняющего	+	—	+	—
Возможность употребления детерминатива между дополняемым и дополняющим	+	—	+	—
Преимущественное употребление детерминатива между дополняемым и дополняющим	—	—	+	—
Дифференциация детерминатива в зависимости от принадлежности 2-го члена синтагмы к существительным одушевленным / неодушевленным	+	—	—	—
Семантическая специализация 1-го члена синтагмы (термины родства, частей тела)	—	+	—	—
Подтвержденность тональным изменениям 1-го члена синтагмы	—	+	—	—

Комментируя таблицу, кроме уже отмеченных характеристик имени зависимого, следует заметить, что в некоторых работах раскрывается семантическое содержание категории имени зависимого как передающее понятие «неотделяемой принадлежности», очевидно, по аналогии с трактовкой подобного феномена

в языках манде [5, р. 53]. Деление на два вида принадлежности — «отделяемую» и «неотделяемую» было справедливо подвергнуто критике С. И. Томчиной в ее работе по языку манинка [2, с. 102]. На примере языка санго видно, что так называемая «неотделяемая принадлежность» становится «отделяемой» в креолизованном языке (в результате креолизации): *sàmbá mbí* — одна из моих жен (ЭС) = *sàmbá tí mbí* (КС), *bé lò* — сердце его (ЭС) = *bé tí lò* (КС). В некоторых работах делались попытки экстраполировать языковые отношения (отношения между языковыми единицами) на социальную структуру общества, семейные отношения, например: «отделяется» ли жена от мужа (см. пример с *sàmbá*) [5, р. 166].

В креолизованном санго также выделяется дополнительная синтагма с непосредственным присоединением компонентов, например: *dà pzàrà* (дом|бога) — церковь; *ngú pzàrà* (вода|бога) — дождь; *pàgà kòndò* (яйца|курицы) — яйцо; *mbugu wá* (порошок|огня) — пепел; *tà wé* (горшок|железа) — кастрюля; *wáli gàgá* (женщина|рынка) — торговка. Первым элементом здесь могут быть и слова, обозначающие части тела: *kɔ́a lí* (растительность|головы) — волосы; *kɔ́a yaŋgá* (растительность|рта) — борода; *dù pɛgɛ* (отверстие|зада) — анус. Однако вариантом вышеперечисленных синтагм в креолизованном санго является та же дополнительная синтагма, но с опосредованным (с помощью детерминатива *tí*) присоединением компонентов: *dà tí pzàrà*, *ngú tí pzàrà*, *pàgà tí kòndò* и др. (см. примеры выше).

Опосредованность присоединения компонентов, как представляется, невозможна только в такой дополнительной синтагме, в которой первым компонентом является существительное *wà* — человек, обозначающее понятие деятеля и характеризующее вид активности или состояния последнего: *wà zibà* (человек|слепоты) — слепой, *wà tò* (человек|войны) — враг, *wà nzìngà* (человек|бедности) — бедняк. Невозможность вставки детерминатива, очевидно, можно объяснить заимствованным характером данных образований.

В этническом санго-якома (в отличие от креолизованного санго) наблюдается дифференциация детерминативного элемента (*tí/tè*) в дополнительной синтагме в зависимости от принадлежности второго компонента к одушевленному или неодушевленному существительным: *dà tí kɔ́dɔ́gɔ́* (дом| [детерминатив] |деревни), *dà tè kɔ́li* (дом| [детерминатив] |мужчины).

В системе имени как этнического санго, так и креолизованного существует категория отглагольного существительного, образуемого с помощью номинализирующего суффикса *-ngɔ́* и обозначающего «факт действия» или «акт действия». Отглагольное существительное, образованное от процессуальных глаголов, мо-

жет употребляться в функции подлежащего, дополнения или обстоятельства, но всегда в рамках дополнительной синтагмы либо с непосредственным присоединением компонентов: например: fāngō gānzá à yékè yé só à yékè tū mūngō ([акт | обрезания] | ганзы-неофита | он | есть | вещь | которую | они] | обязательный вид | перенимают | [акт | перенимания]) — *Обрезание является обычаем, который нужно перенять*; pēndērengō tí finí yé só à gbótò lò ([факт | красоты] | детерминатив] | новой | вещи | этой | он | захватил | его) — *Красота этой новой вещи захватила его*; alá sárà tàsìjò nà mūngō kólí (вы | обращайте | внимание | относительно | [акт | выбора] | мужчины) — *Вы будьте внимательны относительно замужества*; bírì lò gā nà tēngō kòbè (вчера | он | пришел | после | [акт | принятия] | пищи) — *Вчера он пришел после еды*.

Будучи образованным от квалификативных глаголов типа *za* — *быть острым*, *úlè* — *быть сухим*, отглагольное существительное может выступать в функции прилагательного (определятельная функция): *úlēngō ñàtà* (*сушеное* | *мясо*), *zāngō lè* (*острое* | *лезвие*). Образование отглагольных существительных связано с тональными изменениями исходной формы в этническом и креолизованном вариантах.

Этнический санго [4, с. 46]

$C\bar{V}, C\bar{V}, C\acute{V}, C\acute{V}\bar{V} \rightarrow C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\bar{V}_1\bar{V}_2 \rightarrow C\bar{V}_1\bar{V}_2 - ng\bar{o}$
 $C\acute{V}C\bar{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o} / C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\acute{V}_1\bar{V}_2 \rightarrow C\bar{V}_1\bar{V}_2 - ng\bar{o} / C\bar{V}_1\bar{V}_2 - ng\bar{o}$
 $C\acute{V}C\acute{V}\bar{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o} / C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\acute{V}C\acute{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\acute{V}C\acute{V}C\acute{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o} / C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$

Креолизованный санго

$C\bar{V}, C\bar{V}, C\acute{V}, C\acute{V}\bar{V} \rightarrow C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\bar{V}_1\bar{V}_2 \rightarrow C\bar{V}_1\bar{V}_2 - ng\bar{o}$
 $C\acute{V}C\bar{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\acute{V}_1\bar{V}_2 \rightarrow C\bar{V}_1\bar{V}_2 - ng\bar{o}$
—
 $C\acute{V}C\acute{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\acute{V}C\acute{V}C\acute{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$
 $C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} \rightarrow C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V}C\bar{V} - ng\bar{o}$

Имя прилагательное представляет собой категорию, принадлежность к которой можно определить по месту компонента в определительной синтагме, а также по семантической маркированности данного компонента в плане обозначения непроецессуальной признаковости. Порядок следования элементов в определенной синтагме «определяющее — определяемое»: *kétè māmá* (*маленькая* | *мать*) — *младшая сестра матери*; *kōtā māmá* (*большая* | *мать*) — *старшая сестра матери*; *vùkō lè* (*черный* | *глаз*) — *зрачок глаза*; *vùgū lè* (*белый* | *глаз*) — *белок глаза*; *vùkōmbùnzú* (*черный* | *белый* | *человек*) — *белый человек со смуглой кожей*.

В функции прилагательного может выступать и отглагольное существительное.

Числительные по способу выражения своего значения сближаются с существительными, например: *bàlè ɛ̀kò* (десяток | один) — десять; *bàlè ɛ̀kò nà ɛ̀kò* (десяток | один | единица) — одиннадцать; *bàlè úsè* (десяток | два) — двадцать; *bàlè úsè nà ɛ̀kò* (десяток | два | у | один) — двадцать один; *ngbàngbò bàlè ɛ̀kè* (сотня | десятков | одна) — тысяча и т. д.

Таким образом, все именные категории в санго синтаксические. В меньшей степени это характерно для этнического языка и в гораздо большей степени — для креолизованного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кузнецов П. С. О местоимениях в языке ван // Африканский этнографический сборник. М.; Л., 1959. Вып. 3.
2. Томчина С. И. Введение в синтагматическую морфологию языка манинка. Л., 1978.
3. Хабиров В. П. Классы слов в языке санго // Реализация языковых единиц в тексте. Свердловск, 1986.
4. Boyeldieu P. Etudes yakoma // Bibliothèque de la SELAF. P., 1975. N 47—48.
5. Boyeldieu P., Diki-Kidiri M. Le domaine ngbandi // Bibliothèque de la SELAF. P., 1982. N 93.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка. Свердловск, 1990

В. П. Донгаузер
Свердловский
педагогический институт

ЗНАЧЕНИЕ И ЭКСПОНЕНТ СЛОВА ПРИ КОНТАКТНОЙ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ СВЯЗИ

Исследованы виды корреляций между значением и экспонентом слова на разных этапах контактной межъязыковой связи немецкого и русского языков. В языковых процессах, имеющих место при контактной межъязыковой связи, в зависимости от складывающихся экстралингвистических условий, предопределяющих динамику межъязыковых изменений, можно выделить три этапа — начальный, усиленный, интенсивный. Представлены результаты исследования корреляций экспонента и значения как заимствованных из русского языка, так и исконных слов на каждом из выделенных этапов контактной межъязыковой связи.

На начальном этапе контактной межъязыковой связи (КМС) воспринимающий язык испытывает необходимость в лексических инновациях, представляющих собой обозначения новых предметов, лиц, местностей и понятий [3]. Входят заимствуемые слова в воспринимающий язык с интерферированным экспонентом языка окружения. При этом значения лексических заимствований и исконных слов могут быть следующими.

1. Значение сохраняется. Например, во франкский говор такие слова русского языка, как *комод*, *самовар*, *вареники*, *курай*, *перемет*, *сноп*, *река Молочная*, *Канада*, *Крым*, *оглобля*, *березанцы*, *председатель*, вошли соответственно в форме: [kʰa'mot], [samo'vɛr], [va'renik'a], [kʰɛɹai], [pere'met], [ʃnopka], [mo'l'oʃ], [kʰa'nɛda], [krim], [ho'l'obl'a], [pere'sɛnr].

Интересен факт образования форм подзыва некоторых животных на начальном этапе КМС. Во франкском говоре форма подзыва домашних животных основана главным образом на звукоподражании, например гусей подзывают многократным повторением [vul'i], свиней — многократным повторением [vuc]. В новой среде, имея возможность ведения массового скотоводства, немцы заимствовали названия некоторых животных из русского языка, употребляя их в многократном повторении для подзыва животных. Так возникла форма подзыва телят — [ti'l'oʃ — ti'l'oʃ], овец — [pa'raʃka — pa'raʃka].

2. Значение соответствует плану содержания слова, с которым идентифицируется. Так франкским говором были заимствованы из русского языка слова *балка* [pa'l'ɤa] и *базар* [pa'sɛr], несмотря на имевшиеся в говоре немецкие слова с идентичным названием [kruft] die Kruft и [mark] der Markt. Интерферированная форма заимствований употребляется в настоящее время в немецкой речи гораздо чаще, нежели исконная, что свидетельствует о вытеснении последней. Можно предположить еще два этапа в развитии франкского говора, когда исконный и интерферированный экспонент употреблялись для обозначения одного и того же значения с приблизительно равной частотностью (в этом случае мы наблюдали бы смешение в употреблении [2]), а в самом раннем периоде с большей частотностью исконной формы.

3. Значение может смениться, актуализируясь в интерферированном экспоненте, например [ʃatnik'] означает в немецкой речи представителей старшего поколения рассыльного при сельсовете. Образована эта форма от русского [ʃsad'n'ik]. Во франкском говоре эквивалентное значение имеет слово [raidr] der Reiter, которое никак не ассоциируется носителями говора со значением слова *рассыльный*. Перенос значения по функции произошел, по-видимому, из-за отсутствия во франкском говоре слова со значением «рассыльный» и незнания вследствие слабого языкового контакта русского слова *рассыльный*.

Знакомясь с атрибутами религиозных праздников русского и украинского народов, немцы заимствовали название традиционного пасхального блюда не в форме его исконного экспонента, а обозначением самого праздника. Так, слово [paska] во франкском говоре означает «кулич, выпекаемый на пасху и освящаемый в церкви».

Метонимического переноса значения как результата заимствований из языка окружения в исконном словаре франкского говора не обнаружено.

4. Значение может быть сужено и стать специализированным. Так, русское слово *пирог* употребляется носителями франкского говора в форме [pa'roka] со значением «выпечка с начинкой»: [ʼflai pa'roka] — *пирог* с мясом, [ʼkʰaɪpsara.go.ka] — *пирог* с тыквой, [ʼpɔnara.go.ka] — *пирог* с фасолью и т. п., тогда как исконное [ʼkʰuʷa] der Kuchen стало употребляться для обозначения выпечки со сладкой начинкой не внутри теста, а сверху: [apri'koza.kʰuʷa] — *пирог* с абрикосами, [ʼepi.kuʷa] — *пирог* с яблоками, [ʼflʰauma.kʰuʷa] — *пирог* со сливами, [ʃ traizl' kʰuʷa = ʼrivl' kʰuʷa] — *пирог* со штройзелем и т. п., диалектное [ʼtul'a] die Birne после заимствования из языка окружения [ʼkruʷa ka] для обозначения только дикой груши и ее плодов стало применяться исключительно в значении «культивированная садовая груша и ее плоды»; в слове [haɪ'pʰuʷs] — *арбуз* заимствован лишь экспонент в интерферируемой форме, так как во франкском говоре имелось слово с эквивалентным значением — [ʼvazgm'e'l'ɔn], но в говоре имелось еще и [ʼsukgm'e'l'ɔn] Zuckermelone со значением «дыня». При сравнении экспонентов этих двух слов нетрудно заметить, что значения слов, выражающиеся этими экспонентами, различаются только благодаря различным значениям их определяющей части, выраженной через [vazr-] — Wasser- и [sukr-] — Zucker-. После заимствования из языка окружения экспонента для обозначения одного из членов противопоставления отпала необходимость в самом противопоставлении через определяющие части. Второй предмет (*дыня*) обозначается идентичной частью экспонентов бывших сложных слов, т. е. [m'e'l'ɔn].

Таким образом, разные определяющие части двух сложных слов, имеющих общее определяемое, при смене экспонента одного из слов нейтрализуются, а оставшийся член разрушенного противопоставления обозначается экспонентом определяемой части, так как экспонент определяющей части в этом случае не релевантен.

5. Значение может быть расширено и использоваться для обозначения разных предметов, объединяющихся по какому-либо признаку (функции, форме, цвету и т. д.). Например, слово *баклажаны* заимствовано говором в форме [rok'l'e'ʃ ana], которая служит экспонентом как для обозначения баклажанов, так и для обозначения помидоров с той лишь разницей, что при обозначении баклажанов, когда в контексте отсутствует информация, о каком именно овоще идет речь, используется определение, т. е. [ʼpl'au'i rok'l'e'ʃ ana].

Примером расширения значения исконного слова может слу-

жить слово [p'au.p'ega] Bläubergen, обозначающее и чернику, и голубику, и паслен, не имевших, видимо, достаточного распространения в хозяйственной практике колонистов и не закрепившихся в результате этого в концептуальных значениях разных слов, как это случилось в русском языке.

Итак, на начальном этапе КМС основную долю заимствованных слов составляют слова, обладающие совершенно новым содержанием. Затем в количественном отношении следуют слова с идентичным значением, а количество заимствований с расширенным, суженным и новым (приобретающим новое) значением приблизительно равно, но меньшее, чем с идентичным значением. Заимствования с интерферируемым экспонентом воспринимаются всеми носителями франкского говора как «исконно» немецкие слова. Это свидетельствует о том, что языковые единицы контактирующих языков не имеют на начальном этапе КМС общих характеристик в плане выражения. В плане содержания наблюдается изосемия отдельных лексических единиц, сужение и расширение значений как заимствованных, так и исконных слов. Смена значений исконных слов как результат заимствования лексических единиц не обнаружена.

Усиленная КМС характеризуется с экстралингвистической точки зрения интенсификацией контакта немецкого и русского языков в результате введения в национальную школу в начале века русского языка как предмета и преподавания географии и истории на русском языке. Быстрый рост населения в немецких колониях и закон о наследовании хозяйства вынуждали колонистов арендовать землю у русских помещиков и монастырей или менять вид трудовой деятельности, что также приводило к усилению КМС. Языковой контакт с русскоязычной средой и жителями украинских деревень осуществлялся в этот период главным образом мужским населением немецкоязычных колоний. Результатом усиленного контакта языка явилось частичное овладение немцами звуковым строем русского языка и украинского. У диафонов вырабатываются сходные фонетические характеристики, что стало основанием частичной интерференции экспонентов не только слов, заимствованных из языка окружения, но и исконно немецких.

Известно, что в немецком языке билабиальные и лабиодентальные согласные в позиции перед гласными переднего ряда, а заднеязычные согласные перед и после гласных переднего ряда произносятся с оттенком палатализации. Идентифицируя палатализованные аллофоны немецких согласных с палатализованными согласными русского языка, немцы стали произносить палатализованные аллофоны со степенью палатализации русских палатализованных согласных, например: [p'īr] Bier, [f'īs] Füße, [k'eja] gehen, [v'ik'] Wiege и т. д.

Идентификация озвонченных аллофонов немецких глухих

согласных в интервокальной позиции и между сонорным и гласным в безударном слоге со звонкими согласными русского языка явилась причиной произнесения немцами озвонченных аллофонов в немецких словах со степенью звонкости русских согласных, например: [ˈk̥ɛrda] Garten, [ˈl̥umba] Lappen, [vazɹ] Wasser, [l̥ʰaza] lassen и т. п. При поддержке русских заимствований, ставших реальностью немецкой речи и произносимых в ней (пусть частично) согласно норме языка окружения, палатализованные и озвонченные аллофоны немецких согласных обособились в самостоятельные фонемы, реализуясь в немецких словах согласно произносительной норме русского языка. Это свидетельствует о сдвиге в артикуляции.

Если интерференция экспонентов немецких слов является следствием сближения фонетических характеристик диафонов, то интерференция экспонентов заимствований из языка окружения в этот период основывается на расхождении в правилах звуко сочетания, в дистрибуции, на усвоении русского произношения в школе через написание и на фонемах, аллофонах которых не нашли отражения в звуковой системе языка окружения. Примерами могут служить следующие слова: [ˈʃ paŋka] *испанка* (название болезни), [sʰemˈlʰaŋka] *землянка*, [poˈsʰolok] *поселок*, [komˈiˈsɛr] *комиссар*.

Во франкском говоре в начале слова невозможны сочетания согласных st, sp, и они заменяются соответственно на [t, p]; невозможно также появление шумного звонкого согласного в начальной позиции слова (за исключением v), вот почему вместо [zʰ] немцы произносят [sʰ] в слове *землянка*. Интерес в данном случае представляет еще и тот факт, что, переняв палатализованность переднеязычных (а в немецком языке переднеязычные согласные никогда не палатализируются), звонкость согласного в начальной позиции слова остается еще вне восприятия. Ср. также [saˈvʰedusˈi] *заведующий*, где в интервокальной позиции произносится звонкий [d], а в начале слова — глухой [s].

В речи старшего поколения часто не наблюдается чередования гласных o//a в безударной позиции русских слов. Такая интерференция встречается гораздо чаще, чем интерференция согласных. Объясняется это, видимо, тем, что представители старшего поколения носителей франкского говора изучали русский язык через его письменную форму в школе, а также влиянием той произносительной нормы, которая была характерна для носителей русского языка, в среде которых немцы овладели звуковой системой языка окружения. Контрастным примером слову *поселок* [poˈsʰolok] может служить слово *барабан*, произносимое некоторыми представителями старшего поколения как [paɹaˈpaŋ] — слово-омоним, обозначающее деталь колдца.

Убедительным примером интерференции, основанной на пересечении аллофонного варьирования фонем систем контактирующих языков, могут служить долгие гласные франкского говора (см. примеры в начале статьи).

Займствования в период усиленной КМС, как следует из приведенных выше примеров, функционируют в немецкой речи главным образом с частично интерферированным экспонентом, хотя имеются уже слова русского языка, произносимые согласно норме языка окружения. В основном это уменьшительно-ласкательная форма имен собственных, употребляемых в говоре наряду с их немецкими вариантами и полной формой, например: [ˈkat̪a] — [kʰat̪l̪] — [kʰataˈr̪ina], [ˈvan̪a] — [hans] — [joˈhanes], [ˈmi̯a] — [m̪i̯x̪l̪] — [ˈm̪i̯x̪ael̪], а также полные имена [al̪eˈksandr̪], [v̪laˈd̪im̪ir̪], [ˈv̪ikt̪or̪].

Большинство займствований составляют слова, обозначающие новые понятия, географические названия. Такие, например, как [pr̪iˈkas̪ːik̪] *приказчик*, [ˈvolost̪] *волость*, [s̪iˈb̪ir̪] *Сибирь*, [ʃ̪ aˈlandr̪] *шаланда*, [kol̪ektiv̪iˈzac̪ija] *коллективизация*, [kol̪xos] *колхоз* и т. п. Растет число займствованных слов, имеющих идентичное исконным словам значение, примерами могут служить [paˈtrak̪] — [knex̪t̪], [naˈsl̪edn̪ik̪] — [ˈervar̪], [ˈplotn̪ik̪] — [ˈʃtel̪majr̪], [pl̪en̪] [ˈkfaŋn̪ aft̪], [monaˈst̪yr̪] — [kl̪o̪ʃtar̪] [maˈyas̪in̪] — [ˈkʰunzum̪] и приведенные выше формы имен собственных. В этом случае мы наблюдаем образование омосемичных пар, займствованный экспонент которых вытесняет из немецкой речи исконный экспонент слова.

В период усиленной КМС, как и на ее начальном этапе, встречаются случаи сужения значения займствованных слов, сужения тематической сферы их употребления. Так, займствованное слово [kat̪ka] — *кадка* употребляется в немецкой речи только в значении шести-семиведерной емкости, предназначенной для доставания воды из колодца. Во всех остальных случаях употребляется немецкое [ʃtenr̪] *Stender*. Точно также слово [maˈk̪itr̪] — *макитра* вошло во франкский говор только со значением «большой керамический сосуд, предназначенный для замачивания пампушек в чесночном соусе», тогда как функция этого предмета в быту украинцев гораздо шире.

Примером сужения значения исконного слова в результате займствования в рассматриваемый период развития франкского говора может служить слово [kʰɛn̪] *Kahn*, имевшее значение «любое судно, приводимое в движение веслами или шестом независимо от его размеров и назначений». Поселившись на берегу Днепра, немцы вместе со средствами передвижения по воде заимствовали и их названия. Так в говор вошли слова [ʃalandr̪] *шаланда*, [duˈb̪ifka] *дубивка* (лодка больших размеров), а слово [kʰɛn̪] стало употребляться наряду со словом [kaˈjuk̪] *каюк* со значением «небольшая двухвесельная лодка».

Другой пример: слово [pṛēj] *der Brei* почти полностью вытеснено русским ['kaʃa] *каша* не только в своем обобщающем значении «блюдо определенного вида», но также и в конкретизированном, т. е. как компонент сложного слова — ['raɪs,kaʃa] *рисовая каша*, ['h'aṛza,kaʃa] *пшениная каша*, ['maɪa,kaʃa] *манная каша* и т. п., кроме ['k'ɪnl's,pṛēj] — «каша из пшеничной муки на молоке, предназначенная для кормления младенцев».

Как следует из приведенных примеров, экспонент исконных слов, значение которых сужается, не претерпевает влияния интерференции в силу того, что он состоит из фонем, аллофоны которых в данной позиции не пересекаются с аллофонами других фонем системы языка окружения. Теоретическая возможность такого пересечения при возникновении соответствующей фонетической позиции остается, а с ней и появление (полностью или частично) интерферированных экспонентов слов с суженным значением.

Расширение или смена значения заимствуемых из языка окружения слов при усиленной КМС не наблюдается.

Во время и сразу после окончания Великой Отечественной войны советские немцы были переселены из европейской части страны в ее восточные и юго-восточные районы. Носители исследуемого говора были поселены в городе Березовском Свердловской области. В индустриальном городе бывшие крестьяне в силу сложившихся обстоятельств приобщились к промышленному производству. Переход из одного класса в другой, из одного языкового и культурного окружения в другое языковое и культурное окружение не мог не сказаться на дальнейшем развитии быта, культуры и языка немцев. Резко изменившийся социальный статус, новое место в общественном производстве потребовали от носителей франкского говора скачкообразного овладения языком окружения.

До интенсивного¹ языкового контакта старшее поколение носителей франкского говора русским языком почти не владело, среднее и молодое поколения могли изъясняться на русском языке, но, по свидетельству самих носителей франкского говора, ни один из них русской речью в совершенстве не владел.

В первые годы интенсивной КМС диалектная речь старшего поколения отличалась относительно небольшим количеством заимствований из русского языка только в силу того, что значительная часть представителей старшего поколения (а ее составляли главным образом женщины) не участвовала в процессе общественного производства, а занималась ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей дошкольного возраста. Среднему и младшему поколению носителей франкского говора, осу-

¹ Под интенсивным языковым контактом понимается такая КМС, при которой все члены определенного языкового сообщества ежедневно общаются с иноязычной средой на языке этой среды.

шествовавшему большую часть ежедневного общения с иноязычной средой на языке этой среды, было крайне необходимо хорошее владение языком окружения для нормального взаимопонимания на работе и в школе, где немецкий язык преподавался не как родной, а как иностранный. При интенсивном языковом контакте, как в нашем случае, подавляющему большинству взрослых и всей молодежи школьного возраста пришлось познавать многие новые понятия через слова русского языка. Наряду со словами, выражающими новые понятия, относящимися к сфере бытовой химии и техники, окружающей природы, производства, еще в большей степени, чем при усиленной КМС, происходит заимствование слов со значением, идентичным значению исконных слов.

Необходимо отметить, что большинство заимствований в период интенсивной КМС произносится в немецкой речи старшего поколения безынтерферентно. Частичная интерференция заимствований наблюдается в речи старшего поколения в словах, заимствованных в период усиленной КМС, в период неполного владения звуковым строем языка окружения, когда тема общения касается событий, происходивших в определенное историческое время, а также зависит от внимательности и заинтересованности говорящего [1]. В остальных случаях слова, как правило, произносятся неинтерферированно. Приведем пример из речи восьмидесятипятилетнего мужчины, вспоминающего события общественной жизни начала тридцатых годов: [ʃv'etkom'partija hat ira sovxos k'aiza] и после уточнения собеседника: [safxos h'enzi k'at odr en kal'xos] — последовал ответ, в котором уже отсутствовала интерференция согласных: [sofxos sofxos ʃv'etkom'part'ija].

В речи среднего поколения и части молодежи, владеющей немецкой речью, заимствования произносятся без какой-либо интерференции за исключением слов, вошедших в говор в период начальной КМС и претерпевших действие «фонологического сита». Принадлежность заимствованных слов русскому языку осознается носителями говора в зависимости от их облика. Слово, произносимое с частично интерферированным экспонентом и безынтерферентно, опознается как заимствованное. Слова, заимствованные в начальный период КМС и претерпевшие полное влияние звукового строя франкского говора, не вызывают у носителей говора сомнений в их «немецкой» истинности.

Иное положение в решении данного вопроса занимают имена собственные, особенно в уменьшительно-ласкательной форме, произносимой родителями согласно норме языка окружения. Ни один отец и ни одна мать не смогли с полной определенностью ответить на вопрос, являются ли имена их детей ['kat'a, 'ja ʃa, 'v'it'a, 'an'a, 'l'ena, 've'ra, 'van'a] и другие русскими или немецкими.

При заимствовании из языка окружения слов со значением,

идентичным словам говора, наблюдается не столько заимствование слова как единицы, обладающей двумя планами — планом содержания и планом выражения, сколько заимствование только плана выражения, т. е. экспонента, поскольку значение, представляемое этим экспонентом в языке окружения, уже имеется в заимствующем говоре. Причем довольно часто наблюдается сосуществование двух экспонентов одного значения в синтагме, например: [e'p'izl' ^vcut' ^vcut' m'el''naiprena indi sup] — *заправить суп небольшим количеством поджаренной муки* или [jec sinzi 'voifs'e fun kans n'e to] — *теперь они вовсе не то*, где повторение одного значения разными экспонентами служит для усиления смысла сказанного. Еще один пример: [tort im kar'jer ^vis so e 'oz'era en se un tort sin sajk'i...] — *там в карьере такое озеро и там чайки и лодки и все*. В этом примере сосуществование двух экспонентов одного значения свидетельствует о стремлении к большей «немецкости» речи, о чем свидетельствует и порядок следования экспонентов. Если бы значение слова *озеро* было представлено в предложении экспонентом [se], вероятность произнесения заимствованного экспонента была бы гораздо меньшей. Здесь уместно сделать следующее замечание. Анализ речевого материала показывает, что выбор последовательности экспонентов значения во многом зависит от ситуации общения, а именно от степени владения собеседниками немецкой речью. Если собеседники владеют ею лучше или на том же уровне, что и говорящий, то первое место в речи говорящего в большинстве случаев занимает исконный экспонент, а русский, как представляется, служит своего рода контролем. В противном случае первое место занимает экспонент языка окружения, а исконный, как уже было отмечено, придает речи большую «немецкость».

Чаше можно наблюдать фразы, в которых заимствованный экспонент вытесняет исконный, существующий несмотря на это в сознании носителей говора, но употребляющейся в речи крайне редко. Вот несколько примеров: [caus h'emar 'v'eny'ar za'бота k'at] — *на родине у нас было меньше забот*; [sv'etr m'e'n'ait six'] — *погода меняется*; is tes d'ej'stv'it'el'na so [v'ēr ɛ] — *это действительно так трудно?* Итак, казалось бы, обыденные, встречающиеся ежедневно по многу раз значения немецких слов *die Sorge*, *sich ändern*, *wirklich* представлены в речи на франкском говоре экспонентами языка окружения.

Примерами перехода исконных экспонентов в пассивный запас могут служить слова [f'edr,hal'dr = f'edr,ʃtift] и [rak,h'ert], употреблявшиеся активно еще тридцать лет назад всеми носителями франкского говора. В настоящее время они не употребляются даже в речи старшего поколения и вытеснены экспонентами русского языка [rucka] и [du'xofka].

Определить практически число экспонентов языка окружения, вытесняющих немецкие и сосуществующих с ними в немецкой речи, крайне затруднительно по той причине, что их выявление зависит от речевой ситуации, которая в свою очередь определяется темой коммуникации, степенью владения речью, возрастом собеседников, их интеллектуальным уровнем, социальным положением и т. д. Это обеспечивает обширный диапазон варьирования речевой ситуации. Теоретически же замена исконного экспонента экспонентом языка окружения может иметь место в любом речевом акте, содержащем значение, имеющееся в каждом из контактирующих языков.

В результате заимствования среди исконных и заимствованных слов периода интенсивной КМС встречаются еще слова с суженным значением, но количество их в сравнении с общим количеством заимствований невелико. Так, например, названия школьных предметов за исключением предмета «немецкий язык» [ti taic̣ sprɔx̄] выражены экспонентами русского языка, хотя возможность обозначения некоторых из них экспонентами франкского говора имела. Сравните [is'torija] и [kʃix't] die Geschichte или [rusk'ij ja'zyk] и [truziʃ sprɔx̄] die russische Sprache. Таким образом, наблюдается выражение одного из денотатов концептуального значения через заимствованный экспонент, тогда как другие возможные денотаты концептуального значения представлены исконным экспонентом. Происходит своего рода ограничение дистрибуции исконного экспонента.

Что касается экспонента исконных слов франкского говора, то при интенсивной КМС встречаются слова с интерферируемым, неинтерферируемым и частично интерферируемым экспонентом. Неинтерферируемый экспонент может состоять из фонем, аллофоны которых в процессе межъязыковой идентификации не обособились в самостоятельные фонемы, т. е. из долгих гласных и дифтонгов /ī, ē, ē̄, ō, ū, au, ai/, шумных глухих непалатализованных согласных /p^c, p, f, t^c, t, s, ʃ, c, k^c, k, x, h/, звонкого шумного непалатализованного /v/, глухого палатализованного /x'/, сонорных непалатализованных /m, n, r, ŋ/ и сонорных — палатального /j/ и палатализованного /l'/.

Билабиальные, лабиодентальные и фарингальный согласные не могут находиться в позиции перед гласными переднего ряда, а заднеязычные — в позиции перед и после гласных переднего ряда. Придыхательные и фарингальный могут находиться только в позиции перед гласными в начале морфемы, тогда как заднеязычный смычно-проходной сонант только после кратких гласных, что исключает возможность его использования в безынтерферентных экспонентах. Заднеязычный щелевой глухой встречается после гласных заднего ряда. Ограниченность дистрибуции многих из перечисленных согласных сводит число экспонентов слов в форме ед. ч. номинатива всего лишь к 200.

Интерферируемый же экспонент исконных слов в свою очередь должен состоять из фонем, возникших из аллофонов, нашедших в результате идентификации отражение в фонологической системе языка окружения. Это краткие гласные /i, e, a, o, u/, вариативность которых пересеклась с вариативностью гласных русского языка (за исключением /ы/), палатализованные глухие и звонкие /p', p'^c, b', f', v', m', l', r', t', k', k'^c, g', γ', x', η', h'/, звонкие непалатализованные /b, z, d, z^v, g, γ/. Сочетаемость этой группы фонем в исконных словах говора еще более ограничена, чем сочетаемость фонем предыдущей группы. Билабиальные, лабиодентальные и переднеязычные палатализованные согласные возможны только в позиции перед гласными переднего ряда, /k'^c/ и /h'/ могут встречаться как перед гласными переднего ряда, так и перед /a/, например: ['k'^car'ix] die Kirche, ['h'arza] Hirse; /x'/ может находиться только после гласных переднего ряда, остальные заднеязычные палатализованные могут быть перед и после гласных переднего ряда и /a/, звонкие при этом могут функционировать только в интервокальной позиции или в позиции между сонорными. Жесткое ограничение в дистрибуции практически исключает возможность появления в данной группе слов с гласными заднего ряда /o/, /u/, что также является причиной ограниченности группы слов (около тридцати), представленных полностью интерферируемым экспонентом.

Во всех остальных случаях экспоненты слов интерферируются частично. Расширение или смена значения заимствуемых и исконных слов при интенсивной КМС не наблюдается.

Подведем итог.

1. В языковых процессах, имеющих место при КМС, в зависимости от складывающихся экстралингвистических условий, предопределяющих динамику языковых изменений, можно выделить начальный, усиленный и интенсивный этапы.

2. На начальном этапе КМС заимствованные слова входят в говор с новым, идентичным исконному слову, суженным, расширенным значением или его сменой. В результате заимствований значение исконных слов может быть идентичным заимствованному, сужаться и расширяться. Факт сужения, расширения значений слов как исконных, так и языка окружения, а также заимствование инноваций говорит о разной общественной практике вошедших в контакт языковых сообществ. Думается, что разница в общественной практике контактирующих сообществ коррелирует с количеством инноваций, сужением и расширением значений.

Возможность смены значения, а также интерферируемость экспонентов заимствований, как и отсутствие интерференции исконных экспонентов, говорят о том, что в сознании носителей говора язык окружения как система не сложился, хотя в речи говора заимствования и присутствуют.

В первые десятилетия контакт франкского говора с русским и украинским языками был ослаблен по многим причинам: это освобождение колонистов от воинской обязанности; отправление культа и занятия в школе на родном языке; достаточно обширное соседство с другими немецкими колониями; ведение натурального хозяйства.

3. На этапе усиленной КМС заимствуются слова с новым, идентичным и суженным значением. При этом значения исконных слов могут быть или идентичными заимствованным, или суженными. Отсутствие на данном этапе заимствований со сменой или расширением значения говорит, как представляется, о завершении процесса нивелирования расхождений понятийного аппарата контактирующих языков.

Экспонент заимствований, а также исконных слов в зависимости от их фонемного состава может быть частично интерферирован или произноситься безынтерферентно. Все это свидетельствует о сложившейся в сознании носителей франкского говора системе языка окружения при отсутствии навыка ее нормативной реализации в речи.

Немецкая речь обогащается заимствованиями, наблюдается вытеснение исконных экспонентов и их сосуществование с заимствованными. Этот период в развитии системы франкского говора можно назвать, по Щербе, периодом смешанного языка с двумя терминами.

Усиление контакта франкского говора с русским языком было вызвано отменой части имевшихся у колонистов льгот, а именно введение воинской повинности и преподавания части предметов на русском языке, а также быстрый рост населения и закон о наследовании вынуждали немецких колонистов наниматься на работу к русским помещикам, заниматься ремеслом. Особенное усилие контакта франкского говора с русским языком произошло в период между первой мировой войной и началом Великой Отечественной войны. Однако проживание в рамках одного села, общение с близлежащими немецкими селами, отсутствие смешанных браков, преподавание в школе немецкого языка как родного, богослужение на родном языке сохраняли роль франкского говора как первичного языка по отношению к русскому, который в этот период играл в общении роль вторичного.

4. При интенсивной КМС франкским говором заимствуются слова с тем же характером значения, что и при усиленной КМС. Значения же исконных слов, как и при усиленной КМС, могут быть идентичными заимствуемым и суженными. Различие состоит в количестве заимствований и в частотности замещения исконного экспонента заимствованным при изосемии. Интенсивная КМС отличается большим числом названных явлений.

Функционирующая в немецкой речи неинтенферируемая форма русских заимствований и в подавляющем большинстве

частично интерферирующая форма слов франкского говора свидетельствуют об овладении немцами нормативной речью на языке окружения, который занял главенствующую роль в общении, и об утрате нормативной речи на франкском говоре, который занял по отношению к языку окружения вторичную роль в процессе общения. Общаясь с носителями языка окружения, немцы не прибегают к словам немецкого языка, тогда как общение между собой без употребления заимствований из русского невозможно.

Если в начале интенсивной КМС все поколения носителей говора общались между собой на немецком, то со сменой поколений и экстралингвистических условий, при которых молодое поколение воспитывается и обучается на языке окружения, старшее поколение вынуждено общаться с младшим на языке окружения. Молодое поколение, понимая немецкую речь, но не имея навыка общения с ее помощью, общается, прибегая к языку окружения. Среднее поколение предпочитает в общении с более молодыми пользоваться русской речью, а со старшими — франкским говором, реализующимся в речи, пестрящей русскими заимствованиями (см. схему).

КМС	Слово языка окружения								Язык	Речь
	Значение					Экспонент				
	но- бое	иден- тич- ное	су- жес- ное	рас- ши- рен.	сме- на	неин- терф.	час- тично интер	интер- фер.		
Началь- ная	+	0	v	<	≠			+ v 0 < ≠	-	v
Усилен- ная	+	0	v			+ 0 v	+ 0 v		+	<
Интен- сивная	+	0	v			+ 0 v			+	+
Одно- язычие									↓	↓
Интен- сивная		0	v			0 v	0 v	(0 v)	+	v
Усилен- ная		0	v			0 v	0 v		+	<
Началь- ная		0	v	<		0 v <			+	+
КМС	Слово воспринимающего языка								Язык	Речь

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев, 1979.
3. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка. Свердловск, 1990

М. А. Габинский
Институт литературы
и языка
АН Молдавской ССР

АКТИВНОЕ ПРИЧАСТИЕ — ИННОВАЦИЯ МОЛДАВСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Предлагаются критерии отличия герундия как глагольной формы от его адъективата. Критически рассматриваются мнения ряда лингвистов, недостаточно четко различающих эти понятия. На основе общелингвистических критериев активного причастия: сочетание субстантивно-адъективного комплекса категорий с глагольным управлением — констатируется приобретение этих черт адъективатом герундия в языке молдавской поэзии 80-х гг. XX в.

Как известно, сфера романского атрибутивного герундия привлекла внимание лингвистов давно. Так, если отвлечься от ведущихся уже второе столетие споров о том, насколько нормативен этот герундий в испанском языке [6, с. 294—306] (сходное о португальском [32, с. 220]), специальная обобщающая работа на эту тему относится к 1927 г. [31, с. 464—469]. С тех пор, однако, значительно продвинулись как разработка общелингвистических критериев отнесения образований к глаголу и имени, так и сама эволюция данной сферы. Наиболее интенсивной эта эволюция оказалась в дакорумынском, где она и обусловила появление ряда работ по теме. Эти работы, тем не менее, не учитывают некоторых сдвигов последних лет, фиксируемых, в частности, в молдавском варианте дакорумынского, и, кроме того, не освещают последовательно и более ранних стадий, эволюции, поскольку авторы не пользуются четкими критериями привлекаемых понятий. Вообще, к сожалению, разделы о так называемых «именных формах глагола», т. е. о понятии, в действительности самом себя исключающем, являются в румынских и молдавских грамматиках одной из сфер наиболее сильной путаницы. Вспомним хотя бы постоянные квалификации герундия при помощи понятия «валoare» («значимость»), реже — «семнификация» («значение»), под которым имеются в виду и качество на уровне классов слов, и свойство, и функция (употребление) и т. п.

Применяемые ниже критерии, опирающиеся на эксплицитации положений, имплицитно принимаемых за основу при описании самых разнообразных языков, таковы. Существительное есть слово, различающее все общесоматические категории соб-

ственным изменением и/или подчинением в них других слов¹. Глагол есть слово, 1) не различающее никаких категорий, не известных простым именным предикаторам; 2) распространяемое только известным им способом. Прилагательное есть слово, не существительное и не глагол, могущее распространять существительное, но не глагол. Во многих языках прилагательное согласуется с существительным в ряде категорий, но это не обязательный признак прилагательного, ср. молд. *gata* — готовый и т. п.

Особой разновидностью отглагольного прилагательного является причастие (активное, пассивное, прошедшего, настоящего и будущего времени, совершённости и т. д.) — взгляд не господствующий (причастие объявляется чаще формой глагола), но и не новый (см., например: «отглагольное прилагательное» [17, с. 207], «именная отглагольная форма» [16, с. 247]). Нами этот взгляд принимается, поскольку при отнесении причастия к формам глагола последние оказываются различающими категорий, не известные простым именным предикаторам данного языка, а на такой основе строго определить глагол не представляется возможным. Принимается нами и то (при учете данных множества языков), что: 1) в языке, где прилагательное изменяется по каким-то ему и существительному общим категориям, причастие также по ним изменяется (в частности, согласуется или нет); 2) активное причастие распространяется так же, как предикатор (т. е. управляет, как глагол).

При таком подходе предстает вполне оправданным как неусмотрение активного причастия в большинстве романских языков (испанском, португальском и др.), так и усмотрение его

¹ Определение слов разных классов следует в иерархии понятий после отбора необходимого минимума понятий неопределяемых (простейших), далее определения на их основе морфологической категории, словоформы и, наконец, слова. При этом определение существительного отправляется от понятия соматизма как названия физического тела, а определение глагола — от понятия предикатора, т. е. морфокомплекса, служащего исключительно средством предикации. Неделимый на другие самостоятельные морфокомплексы предикатор является простым. Именные предикаторы (свойственные лишь части языков, например, тюркским) образуются автоматически от любого соматизма (и, как выявляется позже, существительного, прилагательного и т. д.). В романских и многих других языках есть лишь именные предикаторы. Категориальное подчинение выражается как в согласовании в категориях (частный случай), так и в передаче их (ср. артикли разных языков). Полная передача существительным всех категориальных показателей своему определению налицо в баскском языке (подробнее см. [7, с. 14—127]). Сейчас подчеркнем, что понятия существительного и глагола основываются соответственно на понятиях соматизма и предикатора, но не отождествляются с ними. Между тем, если имплицитное включение в состав существительных одних лишь соматизмов встречается вне начальной школы редко, то такое же отнесение к глаголу одних лишь именных предикаторов («личных форм глагола») широко распространено по сей день (см., например, [25, с. 85]), противореча общепринятым положениям нормативных грамматик и лишая прочного основания решение вопроса о непредикаторных («именных») формах глагола, в частности о *гегундии*.

(как книжного образования — заимствования из латыни) в итальянском. Неоправданным же является усмотрение *participe présent* во французском, где, как известно, оно либо изменяется по тем же категориям, что и *participe passé* (*chantant, chantante, chantants, chantantes*), как и *chanté, chantée, chantés, chantées*), либо управляет, как глагол (*chantant une chanson*), но не совмещает одно с другим. Следовательно, в свете критериев, построенных на фактах намного большего числа языков, активного причастия во французском нет. Усматривают его там по давней традиции не на основе фактов самого французского языка, а в результате наделения его чертами, свойственными латыни, а именно латинского причастия, чей рефлекс на *-ant* совпал во французском с таким же рефлексом герундия. Фактически же во французском налицо отглагольное прилагательное (не причастие), например *chantant, chantante*, и герундий, например *(en)chantant*, употребляемый (без *en*) также атрибутивно. Таким образом, ни в одном романском языке до сих пор не наблюдалось ни унаследованного, ни возникшего на собственной почве активного причастия.

У дакорумынского герундия не отмечалось атрибутивного использования до XIX в., когда в период интенсивного французского влияния это употребление там прочно утвердилось, прежде всего в языке поэзии². Тогда же под влиянием французских форм на *-ant, -ante, -ants, -antes* дакорумынский герундий стал приобретать флексии как имя, что означало включение его в комплекс категорий, не известный простым предикаторам данного языка, т. е. его девербализацию. Этот комплекс по составу субстантивен, но поскольку он (за единственным стабильным исключением *суферинд* — «больной» < фр. *souffrant*) имеет не согласующий, а согласуемый характер, его носители являются не существительными, а прилагательными. Поскольку же приобретение именной флексии не воспрепятствовало сочетаемости адъективатов герундия с разными обстоятельствами (образа действия, места, времени, причины и др.), обозначился выход за пределы, подсказанные французскими образцами. Указанная сочетаемость подробно описана в предшествующих работах по теме, поэтому мы ее сейчас не иллюстрируем. Отметим лишь сочетаемость с *абя-абя* — «едва, еле-еле»: *мэтуриле де попушой абя-абя клэтинынде* [13, с. 95] — «еле-еле колышущиеся кукурузные хохолки», ср. здесь *клэтинынде* — активное по форме, но пассивное по значению, т. е. противоречие, отмечаемое уже у А. Доница и Б. Хаждеу (см. примеры [5, с. 90]), выход из которого сейчас намечается (см. далее пример из Л. Ботнару).

Несмотря на все это, до последних лет появление в дакорумынском активного причастия констатироваться не могло: не было его строго необходимого признака — глагольного управ-

² В последние годы тот же прием появился под дакорумынским влиянием в аромунском, также в поэтической речи (см., например, аромунские переводы М. Эминеску [28, с. 23]).

ления. Единственным известным нам по источникам и лингвистической литературе исключением мог бы быть пример из молодого, увлекавшегося тогда (в 1866—1870 гг.) данным приемом М. Эминеску: *Ши пасэря кынтэ, суспине-имитындэ / Ун кынте де-амор* — «И птица поет, подражающая вздохам/Песню любви», — где *имитындэ* могло бы рассматриваться как причастие, управляющее дополнением *суспине*, но необычная топика этого *суспине-имитындэ* позволяет усматривать здесь и окказиональное сложное слово³ (ср.: *Атыт де мултештиутоаре* [8, с. 125] — «Такая многознающая»⁴).

Увлечение адъективатами герундия в румынской поэзии XIX в. и дальнейший спад их употребительности подробно описан лингвистами — мы не расходимся с ними на уровне констатации фактов, но не принимаем ряда пунктов их интерпретации. Так, кроме указанной выше путаницы, связанной с понятием «валоаре», и имплицитного отнесения к глаголу лишь его предикаторных форм, отметим следующее. Некоторые авторы не различают синхронию и диахронию [24], допускают двусмысленность терминологии (ср. «герундий-прилагательные» [29, с. 254, 273, 276]) и, далее, не относят адъективаты герундия к «собственно прилагательным» (под которыми они имеют в виду первообразные прилагательные типа *хороший, плохой* и др.), в результате чего утрачивается критерий необходимого минимума адъективности [10, с. 124]. Исходя из общих принятых выше критериев, нельзя согласиться также с отрицанием номинальности у образования ввиду его глагольного управления [11, с. 42] или, наоборот, с признанием глагольности вопреки включению в именную комплекс категорий [26, с. 332]. Некоторыми авторами само по себе атрибутивное употребление герундия (типа *о пасэре збурынд* — «летающая птица») не отличается от дегерундизации его в той же функции (*о пасэре збурындэ*); см. [18, с. 133], где за общностью функции упускается из виду отсутствие/наличие именного (внеглагольного) комплекса категорий, т. е. различие на уровне классов слов. Неучет общелингвистических критериев, а также типологии активного причастия во множестве языков характеризует рассуждения о «противоречии между адъективированной формой и глагольным значением» адъективата герундия как «гибрида» или чего-то «искусственного» [27, с. 145—147], даже если это сопровождается ссылкой на его действительную дискредитацию слишком частым употреблением в поэзии XIX в. [29, с. 268]. Ср., далее, неправомерное отождествление самого процесса адъективации

³ Возможно, по этой причине данный пример отсутствует в списке адъективатов герундия, встреченных у М. Эминеску [29, с. 258—259].

⁴ Утверждение Ф. С. Котельника о способности рассматриваемых образований «принимать иногда дополнения так же, как и любая глагольная форма» [11, с. 42], не подтверждается ни одним фактом глагольного управления прямым дополнением (см. также [10]). Не случайно констатируется полное отсутствие прямого дополнения в случаях типа рассматриваемых [20, с. 72].

герундия с наличием небольшого числа его уже лексикализованных адъективатов типа *тремурынд*, на основании чего ошибочно констатируется, что «согласованный герундий не сохранился» ([26, с. 332], сходные рассуждения см. [23, с. 158]). Субъективизм в этом вопросе в значительной мере связан с личной неприязнью И. Йордана к адъективатам герундия [30, с. 421, 567]⁵. В качестве мотивировки при этом привлекается наличие синонимичных образований и обусловленность французским влиянием (например, [5, с. 90]), которое, однако, не объясняет всего даже уже описанного в данной области. Мало того, в таком случае, во-первых, встает вопрос о том, к чему привело бы устранение из данного языка явлений, обусловленных французским влиянием; во-вторых, следует констатировать, что многие молдавские поэты, употребляющие адъективаты герундия, французскому влиянию не подвержены и о французском происхождении приема не знают. Кроме того, вопреки существующему мнению [30, с. 567], адъективаты герундия могут быть именной частью сказуемого: *Друмуриле Патрией сынт ынтинсе, фрумоасе, кемынде спре ной реализэрь* — «Дороги Родины — дальние, прекрасные, зовущие к новым свершениям» [10, с. 126] — или: *Яр вой рэмынець лэкрэмынде* [2, с. 17] — «А вы остаетесь плачущими».

В свете всего вышесказанного следует отвергнуть заключения названных (и других) авторов, отрицающих реальность или литературность адъективации герундия в дакорумынском (на этом, например, недавно настаивала М. Аврам [22, с. 155]), как ошибочные, основанные либо на вкусовом подходе, либо на недостаточном охвате фактов. Последнее сказывается, в частности, в том, что из преобладания здесь непереходных глаголов делается вывод о невозможности переходных глаголов выступать в той же роли [10, с. 119—125; 20, с. 71—72; 24, с. 88; 29, с. 275], на основе чего наперед исключается возможность партиципализации герундия [20, с. 81]. Между тем адъективаты герундия переходных глаголов отмечаются уже в XIX в. (см. примеры [5, с. 90; 29, с. 265, 267]), правда, они имеют пассивное значение в активной форме, а в наши дни обычны употребления типа *ку фецеле кынтынде* [4, с. 116] — «с поющими лицами» или при речевой субстантивации: *ал нэскындей рэкнет априг* [9, с. 36] — «рожающей неистовый выкрик» — и т. д.

Таким образом, реальность типов: 1) *фатэ кынтындэ* — «поющая девушка», с адъективатом герундия; 2) *фатэ кынтынд ун кытек* — «девушка, поющая песню», с атрибутивным герундием, указывала на виртуальность совмещения именного согласования с глагольным управлением (т. е. активного прича-

⁵ Вообще, вкусовой подход к фактам рассматриваемой сферы довольно распространен (см., например, рассуждение о «перерождении герундия» в румынском [6, с. 304]). Между тем в испанском «перерождение» герундия, отчасти другого рода, дает редкие, типологические своеобразные примеры типа *don Pereciendo* — *дон Ни-гроша-за-душой*.

ствия) в типе 3) *фатэ кынтындэ ун кынте*. О том, что этот тип уже стал реальностью, говорят следующие примеры из поэзии 80-х гг. XX в. (характерно, что все цитируемые ниже поэты принадлежат к среднему и молодому поколениям): *ка мэтаса ербилор кемынде зорий* [15, с. 41] — «как шелк трав, зовущих зори»; *порнире а бузей шоптинде ун фиор* [19, с. 54] — «порыв губы, нашептывающей трепет»; *пе кэй склипитоаре ка фирул де натрэ, / аскунсэ суб крустэ де фулжер солар, / дукунде ку скрышинет прелунг ши прекар / папучий* [21, с. 59] — «по тропам, блестящим, как нитка основы, / что скрыта под коркой солнечной молнии, / ведущим с долгим и ненадежным скрежетом / туфли»; *Че рыурь ши мулт ми-с апроапе, / Ку лимпедэ фрямэт стропинде / Сэмынца де-о фи сэ'нколцяскэ, / Дар ши бэтрине морминте* [1, с. 112] — «Что за реки, мне очень близкие, / С ясным журчанием поливающие / Семена, которые взойдут, / И с ними старые могилы»; *ын извоаре / Диафана, нэкунде ун рыу* [12, с. 51] — «в истоках, / Прозрачных, рождающих реку»; *омизь розынде кэрць* [12, с. 119] — «черви, грызущие книги»; *ын збучуме, есенце луминынде* [12, с. 123] — пример двусмыслен, означая то ли «в волнениях, сущностях светящихся», то ли «в волнениях, освещающих сущности», в последнем случае налицо активное причастие, в пользу чего говорят первые два примера из того же автора; *Яр дунэ еа, — лумиле / Арзынде'н глачиале вешничий / Стелеле лор ынчинсе* [12, с. 183] — «А за ней — миры, / Сжигающие среди ледовых вечностей / Свои раскаленные звезды»; *Флорь де роуз рэкоринде образул* [14, с. 33] — «Цветы росы, освежающие лица». Наконец ср. возвратность в *ла ынкэ збэтын-дуса ынмэ а са* [3, с. 187] — «на еще бьющемся сердце своем» (как в ит. sbattentesi и т. п.).

Изложенное дает право констатировать проявление у молдавского адъективата герундия достаточной суммы признаков активного причастия как поэтической фигуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беликов С. Ев. Кишинэу, 1987.
2. Болдума И. Де ворбэ ку Инима. Кишинэу, 1987.
3. Ботнару М. Думиничь лукрэтоаре. Кишинэу, 1988.
4. Буков Е. Повестирь ши нувеле. Моменте лириче. Кишинэу, 1963.
5. Ваксман Б. Синтаксические функции герундия и конструкции с герундием в современном молдавском литературном языке // Ученые записки / Молд. филиал АН СССР. Кишинев, 1958. Т. 7—8. (Ин-т ист., яз. и лит.).
6. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. М., 1980.
7. Габинский М. А. Очерки по основаниям грамматики. Кишинев, 1972.
8. Дарие П. Стяуча чя дин лакримэ. Кишинэу, 1988.
9. Костенко Н. Версурь. Кишинэу, 1966.
10. Котелник Ф. С. Конверсия унитэцилор лексикале. Кишинэу, 1980.
11. Котелник Ф. С. Ноте привинд аджективеле жерундиале // Лимба ши литература молдованяскэ, 1971. № 2.
12. Кыркедан Д. Ултима кручиадэ. Кишинэу, 1988.

13. *Маринат А.* Драгосте. Кишинэу, 1963.
14. *Негриш А.* Колинд терестру. Кишинэу, 1988.
15. *Негриш А.* Секол ын флоаре. Кишинэу, 1980.
16. *Попов А. Н., Шендяпин П. М.* Латинский язык. М., 1970.
17. *Попов А. Н., Шендяпин П. М.* Латинский язык. М., 1975.
18. *Савка Н. И.* Формаря аджективелор ын лимба молдовеняскэ. Кишинэу, 1985.
19. *Телеука В.* Ынтоарчеря драматикулуй Еу. Кишинэу, 1983.
20. *Толоченко П. В.* Жерундиул. Натура граматикалэ ши фуункциле синтактиче. Кишинэу, 1978.
21. *Чиботару М. И.* Те цине минте ярба. Кишинэу, 1984.
22. *Avram M.* Exista un gerunziu trecut in limba romana ? // Studii si cercetari lingvistice. 1986. N 2.
23. *Beyrer A., Bochmann K., Bronsert S.* Grammatik del rumanischen Sprache der Gegenwart. Leipzig, 1987.
24. *Caragiu M.* Sintaxa gerunziului românesc // Studii de gramatică. București, 1957. B. 2.
25. *De los Mozos Mocha S.* El gerundio preposicional. Salamanca, 1973.
26. *Dimitrescu F., Pamfil V., Barborica E. etc.* Istoria limbii române. București, 1978.
27. *Edelstein F.* Sintaxa gerunziului romanesc. București, 1972.
28. *Eminescu M.* Puizii. Prin grai armanescu di Ch. Cutova ș. a. București, 1981.
29. *Hristea V.* Adjectivarea gerunziului // Studii și materiale privitoare la formarea cuvintelor in limba română. București, 1967. N 4.
30. *Iordan I.* Limba română contemporana. București, 1956.
31. *Spitzer L.* Attributives Gerundium im Portugiesischen, Rumanischen und Französischen // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 1927. N 50.
32. *Vázquez Cuesta P., Mendes da Luz M. A.* Gramática portuguesa. Madrid, 1971. T. 2.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка.

Свердловск, 1990

М. В. Лукичева
Свердловский
педагогический институт

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ КОЛЛОКВИАЛЬНОЙ СИНОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Изучается процесс появления коллоквиализмов в результате переосмысления имеющихся в языке номинаций. Анализируются наиболее типичные для коллоквиализмов способы переосмысления — метафоризация, метонимизация, сужение / расширение значения, проявляющие при образовании разговорных единиц ряд особенностей. Рассматривается механизм семантической деривации.

Семантическая деривация (семантическое словообразование, semantic derivation, unmittelbare Ableitung) — «возникновение новых семантических единиц вследствие изменения значений слов» [2, с. 424] — участвует в создании разговорных единиц

самостоятельно, а также сопутствует словообразованию и заимствованию. Если под первичной номинацией в семасиологическом аспекте понимается «форма, которая используется в своей первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях» [4, с. 243], то вторичная номинация является переносным, производным значением в семантической структуре слова, которое возникает как результат переосмысления имеющихся в языке номинативных средств. Процессы, участвующие в семантической деривации, бывают внешними и внутренними. Внешние имеют место, когда в создании переносного значения сходятся результаты переосмысления других единиц (внешних относительно возникающего ЛСВ): метафора, метонимия, синекдоха и т. п. Внутренние процессы связаны с переосмыслением структуры и значения непосредственно в рамках самого слова. Внутренние и внешние процессы могут действовать и параллельно, с преобладанием одного из них. Семантическая деривация бывает образной и безобразной.

Возникающие путем семантической деривации единицы становятся в дальнейшем базой для появления коллоквиализмов с помощью словообразовательных операций. Так возникают разговорные единицы, связанные друг с другом парадигматически — семантически опосредованным родством.

Все способы семантической деривации относятся к приемам стилистической выразительности, основанной на вторичной номинации, когда созданные выразительные средства сконструированы с учетом нормы естественного языка, в результате чего возникает метафорическая (переносная) речь [3, с. 139]. Тропы (сравнения, метафоры, метонимия) не только образная сетка, через которую воспринимается мир, но и определенное к нему отношение. Как изобразительно-выразительное средство они двусторонни: выражая денотативное содержание, формируют его смысл и оценку; выражая субъективное отношение, придавая, вследствие которой у какой-то единицы появляется новый ЛСВ, происходит как действие семного механизма, заключающегося в переключении, перерождении, полифункциональности, «игре» сем [5, с. 235—247; 9, с. 87]. В этот механизм включены архисемы, дифференциальные, интегральные и потенциальные семы. Специфика номинативных потребностей общедоступной сферы приводит к особенностям семантической деривации и обуславливает выбор средств, отличающихся от используемых в аналогичных процессах нейтральной деривации.

Возможность субкатегориального передвижения, метафорического и метонимического перерождения сем вызвана многочисленностью и разнохарактерностью связей и отношений между реальными объектами. Они сводимы к немногим элементарным логическим связям: соединение/разъединение, верх/низ, зависимость/независимость, правый/левый, ускорение/замедле-

ние, движение / покой, большой / маленький, много / мало, старый / новый, легкий / тяжелый, твердый / мягкий, натуральный / искусственный и т. п. В качестве сем эти свойства и отношения наличествуют в значениях слов, относящихся к разным, порой несовместимым, сферам. Так, сема «присоединение посредством чего-л.» присутствует в значениях глаголов *присоединять, прикреплять, пришивать, приклеивать, пристегивать, прицеплять, прибивать, приколачивать, привязывать, приплюсовывать, пригвозждать, привинчивать, прикручивать, приковычивать, привешивать, припиливать, примагничивать, припаивать, приваривать, приделывать, прилаживать, присобачивать, пришипандоривать* и т. д. Лишь у некоторых приведенных глаголов широкая объектная сочетаемость: *присоединять, прикреплять, приделывать, прилаживать, пришипандоривать, присобачивать*. Большинство ограничено в сочетаемости: *привинчивать (пробку), припиливать (булавку), пристегивать (брошь), привязывать (козу, веревку), приклеивать (марку)* и т. п.

В значении глагола основная идея присоединения эксплицируется словообразовательной моделью *при + [корень] + а + ть*, а корневая морфема передает информацию о характере, природе соединяемых объектов, способе и инструменте присоединения. Сам же факт опосредованного присоединения обязательно присутствует в семантике каждого глагола. В разговорной речи такой глагол может использоваться применительно к чужим референтам, что создает эффект свежести, неожиданности номинации, а информацию о характере производимого над объектом действия несет общая сема «присоединение посредством чего-л.», препятствуя неправильному пониманию высказываний: *припаять срок, пришить дело*. Возникают и окказионализмы: *прицепить отстающего, пристегнуть иностранца* и т. п. Первоначальная нестандартность и образность со временем стираются и таковыми не воспринимаются: *приковать внимание, привязаться к кому-л.* Аналогичные процессы можно наблюдать у многих немецких коллоквиализмов: *aussteigen* — «mit Fallschirm abspringen; etw., jn erledigen», «Beziehungen abbrechen»; *abnabeln* — «zur Selbständigkeit erziehen»; *Erblondung* — «Blondfärbung»; *anpöbeln* — «grob ansprechen». В таких единицах происходит переосмысление семантических ролей компонентов: носителем основного категориального признака становится аффикс, корень же образуется словом с атрибутивной, качественной и объектной семантикой: *abknöpfen* — «abnötigen», *Aufnordung* — «Rassenveredelung», *vertrottern* — «dumm werden», *verschmerzen* — «Unangenehmes ertragen».

Структура многих коллоквиализмов характеризуется полилогичной связью компонентов, которая часто подкрепляется их полисемией или омонимией. Если одна часть композита представлена единицей с элементарным, общим значением, а другой компонент характеризуется наличием парадигматических парт-

неров, то звуковой комплекс исходной нейтральной единицы способен потенциально вместить информацию, складывающуюся из значения омонима или ЛСВ исходной единицы и компонента с общелогическим значением: Doppeldecker — «Schnaps, doppelt Berufstätiger, Bigamist»; Schlußlicht — «Klassenschlechtster, Kleinwüchsiger, Letzter (-e, -es)»; Arschbetrüger — «kurzer Mantel, Jacke, sich Erbrechender»; Frühzündler — «Mensch mit schnellem Auffassungsvermögen, frühzeitig Berufsreifer» usw. По аналогии с последним словом возникло Spätzünder со значением «Mensch, der ein langsames Auffassungsvermögen hat». Если слову Frühzündler в технике соответствует понятие Frühzündung (преждевременная вспышка заряда), то явления, с которым коррелировало бы слово Spätzünder, нет. Его возникновение объясняется наличием лексемы Frühzündler, а также антонима spät у компонента früh-. У явления, именуемого Frühzündung, в технике нет антипода, в то же время у нетехнического явления, метафорически названного этим термином, — есть оппонент — явление с полярной характеристикой. Номинативная потребность решается чисто языковой операцией — заменой компонента früh- антонимичным ему spät-. Постепенно значение Spätzünder расширяется, и единица начинает употребляться в значении «Ereignis, das normalerweise hätte nicht eintreten sollen». Другой пример: словосочетание oben ohne, обозначавшее первоначально женскую одежду определенного покроя (oberteillos) и появившееся в связи с новой модой в начале 60-х гг., позволило на основе семы «отсутствие чего-л. в верхней части» возникнуть новым ЛСВ: 1) «Auto ohne Dach»; 2) «der Mensch nach Herausnahme künstlichen Gebisses»; 3) «die Dame ohne Lippen-Make-Up»; 4) «der Kahlköpfige»; 5) «der Dumme (er hat nichts im Kopf)». В то же время для выражения первичного значения теперь достаточно слова ohne: Hier darf man ohne. Омонимия обыгрывается и в Doppeldecker (см. выше); Verkehrssünder: 1) «Autokatastrophenverursacher»; 2) «der Geschiedene»; 3) «Säumiger Alimentenzahler». Многие коллоквиализмы — стабильные носители определенного смысла, они регулируются в словосложении, вносят в семантику новых слов свое значение: Schmalspur — «nicht vollwertiger, niedriger Qualität» (Schmalspurbeamter, -abiturient, -ingenieur, -jurist, -mediziner, -politiker, -lehrer, -akademiker usw.); -fresser — «unversöhnlicher Gegner» (Judenfresser, Pfaffenfresser, Kommunistenfresser). Вслед за появившимся в 1945 г. в Германии словом Wirtschaftswunder возник целый ряд композитов: Wirtschaftswunderbauch, -dokument, -eleganz, -hyäne, -kapitän, -karre, -kind, -knabe, -land, -polster, -kirche, прилагательное wirtschaftswunderlich и контаминация Wirtschaftswunderlich.

Полилогичность семантической связи компонентов коллоквиализма и, значит, возможность неоднократной семантизации этой связи объясняется часто невыраженностью синтаксической

связи компонентов, которая может быть атрибутивной, обстоятельственной, объектной (Kindergarten, Fliegenpilz, Seelenmassage usw.). Обычно связь компонентов единицы отражает реальные связи объектов или максимальную прагматическую выгоду для человека: Schlafpille: Pille für den Schlaf (сон положителен для человека), но Hustentablette: Tablette gegen Husten (кашель, как всякая болезнь, отрицателен для человека). В разговорном ЛСВ может обыгрываться логическая связь компонентов, нетипичная, прагматически не выгодная или просто неожиданная: steinreich — «an Gallensteinen leidend»; Wechselhaus — «Haus, in dem die Hausgehilfinnen oft wechseln».

Для обозначения обыденных объектов применяются научные, технические названия. Причиной «технизации» и «научнизации» современных экспрессивных средств стало проникновение научно-технических достижений во все, даже самые бытовые сферы жизни, общеизвестность и привычность технических и научных понятий во всех, в том числе малообразованных, слоях населения. Поэтому научно-техническая лексика легко метонимизируется и метафоризируется для разговорного именования ненаучных нетехнических объектов: Gehwerkzeug — Füße, Sehmaschine — Brille, Hafermotor — Pferdedroschke, Sprechmechanismus — Geschwätzigkeit, tiefgekühlt — abweisend, Pumpe — Herz, Tank — Harnblase. Наряду с этим научно-технические новшества, сложные нравственные, политические категории получают в качестве разговорных синонимов бытовую лексику: Gummilinse, Maulkorberlaß, Gehirnwäsche, nach dem Gehör parken usw.

Разговорные ЛСВ-метафоры возникают вследствие сопоставления референтов. Отражаемые объекты соотносятся в сознании друг с другом, сравниваются, противопоставляются, в результате чего сравниваться, противопоставляться начинают их имена. В этом проявляется экстралингвистическая обусловленность разговорных метафор: связи и отношения реальных объектов проецируются на связи и отношения их имен. Возможность метафоризации обеспечивается сходством самых различных объектов по форме, размерам, материалу, функциям и другим параметрам. Наличие сходных свойств у разнородных объектов означает их потенциальную сравнимость, а значит, множество оснований для метафорического переноса. Теоретически любое слово может быть употреблено в речи для названия любого объекта [8, с. 64]. Материал исследования убеждает, что для разговорных метафор характерна «примитивность», наглядность сравнения, что вызвано спецификой содержания и «цейтнотными» условиями разговорной речи.

В ономаσιологическом аспекте метафора выступает как употребление одного слова вместо другого, обладающего с первым общей дифференциальной или коннотативной семой. В семасиологическом плане метафора есть замена архисемы при

сохранении дифференциальной или с превращением коннотативной семы в дифференциальную [7, с. 60]. Разговорные метафоры-синонимы возникают как у синхронно не мотивированных нейтральных лексем, так и у мотивированных. Характер нейтрального синонима сказывается на характере метафоры. Возникновение разговорных синонимов у немотивированных единиц вызвано желанием говорящего мотивировать имя соответствующего денотата, привести известное содержание в соответствие с формой. Происходит это в рамках разговорной, не очень регламентированной, не скованной табу речи. Метафора стремится подключить к своей семантике экспрессивно-оценочную информацию, объективную и субъективную. Разговорные синонимы у мотивированных нейтральных единиц призваны исполнить собственно синонимическую функцию — обозначить известное содержание иными средствами. Это чистые перифразы — единицы, переименовывающие нейтрально названное. Они базируются на признаках, не актуализированных в исходном нейтральном синониме, ср.: 1) Lauseharke — Kamm; Lustwiese — Glatze; Wagenschmalz — Schminke; Drahtkommode — Klavier; 2) Lutschknochen — Mundharmonika; Kriegsschiffe — Dünnbier; Maulsperre — Redeverbot. Основные разновидности метафорической синонимизации следующие.

1. Метафора по внешнему сходству. Разговорность достигается сниженностью объекта сравнения, субкатегориальностью переносов (особенно распространено использование конкретного для обозначения более отвлеченного, абстрактного): Tomate — Fußball; Dachschaden — Geisteszerstörtheit; Birne — Kopf; Streng mal ein bißchen deine Birne an!

2. Метафора по сходству расположения объекта относительно других объектов (спереди/сзади, сверху/снизу, прикрепленный/неприкрепленный). Внешнее сходство поддерживается функциональной аналогией. Говорящего привлекает в таких коллоквиализмах возможность выделить отрицательные стороны функционирования или использования объекта. Номинация осуществляется на базе неосновных признаков и функций: Fassadenschmuck — Orden; Pelle — Kleid: Sie hat sich schon wieder eine neue Pelle zugelegt; Bauplatz, Tanzboden, Planschbecken — Glatze (в этом ряду для синонимии важен признак «ровный, гладкий» в значениях синонимизирующихся слов и исходной нейтральной единицы).

3. Метафора по сходству функции, положительной или отрицательной для референта первичного значения коллоквиализма, но негативной для нового референта. Впрочем, у объектов нет положительных и отрицательных функций, их оценка определяется потребностями человека. При переносе наименования одного объекта на другой объекты сравниваются по функциям. Их сходство фиксируется синонимичным употреблением номинаций, причем субъект исходит из положительности или отрица-

тельности функций объекта для себя. Положительное (для субъекта) проявление одного объекта оказывается отрицательным применительно к другому, так как у последнего иное предназначение: *Gesangverein* — *Parlament*; *Windfang* — *Mantel*. Основой переноса может быть и функция без ее оценочной характеристики. Разговорность создается тогда дальностью, субкатегориальностью переноса: *Tank* — *Harnblase*; *Antigrippin* — *Alkohol*; *Pumpe* — *Herz*: *Er war beim Arzt, die Pumpe macht nicht mehr richtig mit.*

4. Метафора по признакам объекта, в силу своей второстепенности не ставшим номинативной базой нейтральной единицы: *Plombenzieher* — *Kaugummi*; *Nußknacker* — *Mürrischer*; *strampeln* — *radfahren*.

5. Иносказательный оценочный перифраз семантики нейтрального слова путем метафорического переосмысления семантики последнего. Семантическая деривация выступает, как правило, параллельно со словообразованием. В коллоквиализме мотивируется семантика лишенного внутренней формы нейтрального слова: *Strahlenfalle* — *Photoapparat*; *Knetwalküre* — *Heilgymnastin*; *Gehirnverein* — *Betäubung*; *Herrenwinker* — *Seitenlocken*: *Solche Herrenwinker sind doch inzwischen aus der Mode.* Большинство таких метафор включает в себе образ в отличие от безобразных нейтральных номинаций. «Технизация», субкатегориальность переходов, объединение сем, коррелирующих с несовместимыми сегментами действительности, вносят в семантику коллоквиализма необходимые дополнительные смы: *Knochenmühle* — *Schwerarbeit*; *Groschengrab* — *Parkometer*; *dreikäsehoch* — *kleinwüchsig*; *Zimmerlinde* — *Ehefrau* (значение «дерево», предполагающее нахождение объекта вне помещения, и значение «помещение» сходятся в одной единице): *Deine Zimmerlinde läßt schon ein bißchen den Kopf hängen.* Метафоризация может сопутствовать и другим словообразовательным процессам: *Tütendreher* — *Einzelhändler*; *Einpauker* — *Nachhilfeler*; *Nicker* — *Empfangschef* (в основу последнего коллоквиализма, оформленного типичным суффиксом номинаций лиц мужского пола -*er*, положено представление о кивании головой — к месту и не к месту — как основной функции человека, занимающегося деятельностью, названной словом *Empfangschef*). То, что это действие в действительности не является основным и воспринимается скорее как негативное явление, придает слову требуемый отрицательно-оценочный, иронично-экспрессивный характер, вплоть до сарказма. Интересна тенденция давать объектам имена по действию, функции даже в тех случаях, когда основными параметрами являются качественные, статичные: *Blechspucker* — *Blasmusiker*; *Spirituskocher* — *Moped*; *Ehezerstörer* — *Fernsehgerät*; *Trottoirschleicher* — *Fußgänger* usw.

Метонимическое переосмысление как прием вторичной номи-

нации основан на реальной связи объекта с тем объектом, название которого переносится. Если метафора базируется на видимой, часто примитивной параллели, сходстве объектов, то в основе метонимии лежат более сложные мыслительные операции, скрытые возможности сопоставления, необходимость умозаключений, для которых в обиходном общении часто нет ни времени, ни возможности. Метонимия — внутрипарадигматическое явление в отличие от межпарадигматической природы метафоры. Метонимическому переосмыслению подвергается все слово или его часть. Разговорный метоним в качестве словообразовательного элемента участвует в дальнейшем развитии коллоквиальной номинативной системы. Для метонимии характерна как интра-, так и экстралингвистическая обусловленность, так как референты синонимизирующихся единиц объединены в действительности реальной связью, а не случайным или ассоциативным сходством: *Quadratschädel — Kopf; Knast — Freiheitsstrafe; Fratz — Kind: Das ist aber ein niedlicher Fratz!*

Метонимически связаны и синонимы, созданные на звуко-символической основе. Звукоподражательные элементы, участвующие в разговорном словотворчестве, полностью или частично воспроизводят звуки, свойственные обозначаемым референтам или сопровождающие их. Они могут самостоятельно создавать разговорные номинации: *Schnickschnack — leeres Gespräch; Wauwau — Hund, Aufpasser* — или сопутствовать другим процессам: *Anstandswauwau — Anstandsdame*. Немало таких номинаций относится к «детским» словам, т. е. изначально ограничено функциональной сферой обиходно-разговорной речи: *Schnippschapp — Schere; Eia, Heia — Kinderbett: Und jetzt gehen wir in die Eia; Puffpuff — Lokomotive*.

В синонимическом процессе могут шутивно обыгрываться и метонимические связи исходного нейтрального слова с определяемой частью другой единицы, результатом чего является каламбурное или ироническое значение: *Lautsprecher, Brotladen, Eßzimmer — Mund; Handschrift — Ohrfeige*.

Метонимической синонимизации близка номинация «от противного», когда в коллоквиализме эксплицируется признак, имплицитно отвергаемый в нейтральном синониме, не соответствующий его семантике. Родовой компонент логически исключает понятие, выраженное в нейтральном слове или его определяемой части. Истинное значение проявляет видовой, атрибутивный компонент коллоквиализма, метонимически или репрезентативно связанный с нейтральным синонимом. В разговорном слове возникает несоответствие элементов: один соответствует семантике нейтрального синонима, а другой противоречит ей: *Textillosigkeit — Nacktheit; Halbhoher — Kleinwüchsiger; Herumtreiberfrisur — Glatze*. Имеет место синестезия «...как способность слова в одном значении функционировать в

такой семантической сфере, которая является как бы совмещением двух сфер и представляет собой языковое отражение объективного свойства психики и ассоциации ощущений» [1, с. 429]: sauer — inaktuell, pessimistisch; braun — nationalsozialistisch (этот ЛСВ стал словообразовательным компонентом многих единиц: Entbräunung, braungefärbt, Braundeutsch, die braune Epoche usw.).

С нейтральной единицей нередко сближается ее эквоним, лишенный важной дифференциальной семы нейтрального слова или обладающий противоположной ей. Так, алкогольные напитки обозначаются именами безалкогольных. «Алкогольность» метонимически передается атрибутивным компонентом: Radauerwasser, Volksbelustigungswasser — Schnaps; Hopfenblütentee — Bier; Saft — Kraftstoff. Наблюдается и противоположное явление: безалкогольные напитки получают имена алкогольных: Fliegerbier, Kinderbier, Kinderwein — Limonade. Нейтральное слово может заменяться единицей, относящейся к объекту с количественно худшими параметрами, что непременно вносит в его семантику пейоративно-оценочный элемент: Bach — Nordsee, Millionennest — München; Kuhdorf, Lausennest — Kleinstadt: In diesem Kuhdorf weiß jeder alles. Нейтральное слово может, напротив, заменяться словом, в первичном значении именуящим объект с количественно большими или качественно лучшими параметрами, вплоть до использования возвышенных номинаций. Они создают диссонанс между незначительностью содержания и возвышенностью, помпезностью синонимизирующейся лексемы: Schmalspurakademie — Hilfsschule. Оппонировать члены некоторых пар могут и в обоих направлениях, осуществляя тем самым либо пейорацию, либо мелиорацию: See — Tümpel; Ozeandampfer — Kahn.

Метафорический или метонимический синоним возникает на основе оценочной семы: 1) отрицательной: Dalles — Krankheit; alt — schlecht; Krampf — Mißgeschick; abbröckeln — schwerverwundet; 2) положительной: Bonbon — Anerkennungspreis; hellklug; 3) парадигматически недифференцированной, проявляющейся в контексте: Fakultät — Berufszweig; Schau — Prahlerei usw.

Семантическая деривация первоначально нейтральных слов с целью синонимизации может происходить без переноса наименования с одного денотата на другой, а как результат внутренних изменений — в рамках значения или в сторону его сужения (специализация и конкретизация): Kaldaunen — Magen; Bau — Gefängnis; Leichnam — Körper — или расширения (генерализация и абстрагизация): ducken — gefügig machen; tauf frisch — allerneuest. В первом случае синонимизирующееся слово обозначает объект более высокого уровня обобщения и может применяться к денотату коллоквиализма как к одному из возможных денотатов, являясь для них родовым, категориальным именем.

В разговорном ЛСВ денотативная отнесенность сужается: из всех возможных денотатов остается один, совпадающий с денотатом первичного значения нейтрального синонима. Во втором случае более конкретное по сравнению с значением исходного нейтрального слова значение достигает в коллоквиализме уровня обобщения исходного значения нейтрального синонима. Гипоним по первичному значению нейтральной единицы в разговорном ЛСВ становится его синонимом. Расширяется сочетаемость данного звукового комплекса, появляются невозможные для первичного ЛСВ сочетания. Совмещение в одной единице ограничения определенных сочетаний и их наличия создает коллоквиально-экспрессивный эффект: bauen — herstellen; selbstgestrickt; verbraten — abnutzen: Die Mutter sagt, ich verbrate zu viel Geld.

Все способы семантической деривации действуют не только при появлении разговорных ЛСВ у нейтральных лексем, но и при дальнейшем развитии полисемии коллоквиализма. Сама «разговорность» — фактор, способствующий употреблению единицы относительно новых референтов. Поводом становится и просто неположительность семантики слова, а также отсутствие внутренней формы, однозначно коррелирующей с реальными объектами: Juchhe — Galerieplatz, Bett; Schuppen — Theater, Schule; bet — besiegt, müde, mittellos usw. Явление разговорной полисемии сложно и заслуживает отдельного глубокого исследования.

Сугубо разговорным способом возникновения нового ЛСВ у нейтральной единицы является неомотивация: осуществляется заведомо неверный морфемный анализ (слово разлагается на составные структурно-семантические компоненты) и одновременно синтез (конструирование из этих частей нового содержания на основе их семантических связей). Это создает множественность мотиваций и, как следствие, возможность каламбурного использования готового слова для соотнесения с новым мотивирующим основанием: Lautsprecher — Schreier; Bankbeamter — Rentner; offenherzig — dekolletiert: «Guck mal, die ist aber dekolletiert!» — «So offenherzig sollte man aber nicht rumlaufen».

Среди коллоквиализмов немало немотивированных переносов наименований на новый денотат. Объясняется их появление снижением интереса к образности, предпочтением «безродных» экспресsem, лишенных каких-либо ассоциативных связей: Zahn — Mädchen; Faß — Halbwüchsigenzusammensein; Zwirn — Dienstleifer; Fahrkarte — Fehlschuß (ср. в русском языке: *молоко* в значении «промах»), Sieb — Mädchenpensionat. Некоторые разговорные лексемы — результат формально-структурной мотивации: совпадения компонента какой-либо единицы с компонентом исходного нейтрального синонима при отсутствии общих семантических моментов: Brandbrief — Bettelbrief; Filmrolle — Abortpapierrolle, Bleifisch — Bleistift; Nachtigall — Nachtasyl. Это редкий случай семантической трансформации, мотивированной формой лексемы

[6, с. 25—36; 7, с. 67]. Созвучие, вызванное случайным частичным совпадением словообразовательных элементов, создает возможности для каламбура, иронии, намеренного искажения формы единицы. Некоторые разговорные ЛСВ — результат коллоквиальной интерпретации семантики компонентов слова. В них выделяются элементы — частотные, потенцирующие, на самом деле таковыми не являющиеся. Значение коллоквиализма суммируется из значений разговорных ЛСВ этих элементов. Налицо интралингвистическая обусловленность синонимии, ибо смежность, сходство, взаимодействие объектов номинации к процессу отношения не имеют. Референты прямых нейтральных ЛСВ слова *Stiftzahn*: 1) мед. «штифтовый зуб»; 2) техн. «цевочный зуб» — большинству носителей языка, неспециалистов в соответствующих областях, знакомы лишь приблизительно: со звуковой оболочкой связано представление о чем-то специальном, техническом. При шутовой интерпретации суммарной семантики разговорных значений компонентов это создает юмористический эффект: *Stiftzahn* — *Schulmädchen* (из *Stift* — *umg.* «Schule»; *Zahn* — *umg.* «Mädchen»). Подобные процессы имеют место и в случаях *Grünzeug* — *Jugendliche*; *Windhund* — *Leichtlebiger* — *Gebärmutter* — *Hebamme*. Семантической деривации может подвергнуться слово, один из компонентов которого (определяемый или определяющий) в каком-либо ЛСВ синонимичен соответствующему компоненту исходного нейтрального слова. Другая часть нейтральной лексемы в семантической трансформации участия не принимает и своей неуместностью создает искомый разговорный эффект: *Hausnummer* — *Schuhgröße*; *Kohlenkeller* — *Geldschrank*; *Puppenkarton*, *Backfischaquarium* — *Mädchenpensionat*.

Рассмотренные, а также некоторые другие способы семантической деривации действуют самостоятельно и, как правило, сопутствуют процессам коллоквиального словообразования и заимствования, что позволяет считать переосмысление основным фактором формирования системы разговорных номинаций в немецком языке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ананьев Б. Г. Теория ощущений. Л., 1961.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
3. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М., 1983.
4. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
5. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979.
6. Девкин В. Д. Разноструктурные номинации с функциональным сближением // Словообразование и проблемы номинации в германских языках. Горький, 1985.
7. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

8. Пазухин Р. В. О месте языка в семасиологической классификации // Вопр. языкознания. 1968.

9. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.

**Парадигматические отношения на разных уровнях языка.
Свердловск, 1990**

И. А. Чекунова
Киевский университет

**ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ
ОБЪЕКТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ РАЗНЫХ
ТИПОВ: ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Изучается характер взаимодействия беспредложных и предложных объектных конструкций в современном английском языке. Вариативность этих единиц рассматривается в плане выражения и в плане содержания. Выделяются ряды формальных и семантических вариантов объектных конструкций, а также анализируется случай смешанного типа. Устанавливается, что диапазон формального и семантического варьирования не ограничивается одним вариантом: чем длиннее вариативный ряд, тем вероятнее возможность наличия в нем вариантов разного типа.

Способность языкового знака отражать логико-предметные связи внеязыкового мира неизбежно ставит вопрос о соотношении его семантического объема и референциальной сущности. Сложность ответа на этот вопрос порождает различные, иногда противоречивые мнения, хотя исследователи разных направлений постоянно высказывают мысль о том, что существованию языка присуще изменение [2, с. 220], что вариативность средств выражения разных категориальных понятий является одной из очевидных особенностей речи [1, с. 377], поскольку вариативность языка — одно из фундаментальных свойств, обеспечивающих его способность служить средством человеческого общения, мышления, выражения и объективизации проявлений действительной жизни [3, с. 448—449].

Особый интерес в этом плане представляет изучение синтаксических конструкций, в частности объектных. Грамматически объектность традиционно рассматривается на уровне словосочетания со значением «действие + объект». Анализ лингвистического материала показывает: разные структурные типы объектных словосочетаний могут иметь идентичное семантическое содержание, т. е. они равноценны в функциональном плане, что ведет к расширению вариативных форм для выражения одного и того же категориального понятия.

Вариативность в плане выражения предполагает неизменяемость значения при вариативности его формального выражения и сохранении осязаемого структурного инварианта. Вариативность в плане содержания предполагает неизменяемость структуры при вариативности значения и сохранении смыслового инварианта [4, с. 90]. Несмотря на ряд работ, посвященных

данной проблеме, многие вопросы вариативности синтаксических единиц остаются невыясненными, в частности не изучены особенности семантического и формального варьирования объектных конструкций в современном английском языке, хотя эти единицы не раз являлись объектом специальных исследований.

В данном случае вариативность в плане выражения будет рассматриваться как формальное варьирование, а вариативность в плане содержания как семантическое варьирование. Особую роль в образовании вариативных форм объектных конструкций играет предлог, наличие которого в обычной беспредложной конструкции ведет к возникновению предложного варианта, т. е. прямообъектная конструкция трансформируется в качественно новый тип — предложно-объектный, что можно представить схематически: $VO \rightarrow V \text{ prp } O$. Таким образом, здесь наблюдается прогрессивное усложнение исходной структурной модели по принципу от простого к сложному.

Предлог, способный появляться в структуре объектных конструкций, обычно предлога не содержащих, можно определить как вариативный. В качестве такого вариативного предлога выступает практически любой из предлогов современного английского языка: *about, after, at, for, from, in (into), of, on (upon), over, with, out, to, through*.

Возникновение вариативного предлога в обычной беспредложной объектной конструкции по-разному отражается на ее семантике. В одних случаях этот предлог существенно не изменяет значение данной конструкции, в других — привносит определенные изменения, т. е. тождественность исходной и производной структур нарушается, что ведет к появлению как формальных, так и семантических вариантов. В первом случае варьирование проявляется в изменении структуры соответствующей глагольной конструкции при сохранении структурного инварианта и тождестве значения. Соотносимая с прямообъектной функцией, предложная структура признается ее оттеночным вариантом.

Обратимся к конкретным примерам, среди которых нами были вычленены следующие ряды формальных вариантов объектных конструкций.

1. VN—V after N: a) *They followed Sophie without any hesitation (Algren)*; b) *She didn't expect him to follow after her (Benet)*.

2. VN—V at N: a) *I saw a hand that clutched a shade... (Christie)*; b) *Brian was overjoyed, clutched at the small red book... (Sillitoe)*.

3. VN—V about N: a) *We play darts and argue politics (Sillitoe)*; b) *...you could no more argue longer about that... (Fowels)*.

4. VN—V for N: a) *... he again clamoured the letter (Chase)*; b) *Three younger children clamoured for a drink... (Sillitoe)*.

5. VN—V in N: a) Though he enrolled the league long ago, he never took part in its activity (Orwell); b) I enrolled in the Wyandotte Graduate School two years ago... (Vonnegut).

6. VN—V of N: a) They conceived a certain theory... (Christie); b) ...they made them able to conceive of everything being quite different (Murdoch).

7. VN—V on N: a) He didn't even try to embark any proceedings (Robbins); b) Let this be a lesson to you Comrade Parker, never to embark on any enterprise of which you do not see the end (Wodehouse).

8. VN—V with N: a) ...he wished to consult his confidential secretary... (Wodehouse); b) Have you consulted with Inspector? (Sayers).

Как видим, предложный вариант (b) сохраняет семантическое тождество с беспредложной конструкцией (a), т. е. варьирование здесь носит чисто формальный характер. Вместе с тем следует отметить, что помимо прогрессивной вариативности наблюдаются случаи и регрессивной вариативности, при которой образование формальных вариантов идет по принципу от сложного к простому, т. е. базовой моделью является предложная объектная структура, а вариантом — ее беспредложный эквивалент, ср.: a) Unwillingly she paid for her flowers (Robbins); b) It was clear he was not eager to pay the bill (Algren). Однако регрессивная вариативность наблюдается гораздо реже, чем прогрессивная, их соотношение 1 : 10.

Диапазон формального варьирования не всегда ограничивается одним предложным вариантом и способен расширяться за счет конструкций, имеющих по два и более семантически тождественных предложных варианта. Здесь в качестве примера можно привести следующий вариативный ряд: VN—V to N—V with N. Вариантами конструкций с глаголами *comply* и *confront* являются конструкции с предлогами *to* и *with*. Ср.: a) She didn't like to comply his projects (Benet); b) ...it gave them a sort of horrible satisfaction to comply with his outrageous demands (Maugham).

Дальнейшее расширение вариативного ряда за счет формальных вариантов допустимо, но в значительной степени ограничено возможностью появления формально-семантических вариантов, изменение структуры которых ведет и к семантическим изменениям. Подобные случаи будут рассмотрены ниже.

Некоторые формальные варианты ограничены территориально либо имеют различную стилистическую окраску. В частности, значительные расхождения в выборе типа объектной конструкции при сохранении семантического инварианта наблюдаются в британском и американском вариантах современного английского языка, комбинация этих типов может быть разной. Наиболее характерны следующие соответствия: 1) беспредложная

конструкция в британском варианте — предложная в американском; 2) беспредложно-предложная конструкция в британском — предложная в американском; 3) беспредложно-предложная конструкция в британском — беспредложная в американском; 4) предложная в британском — беспредложная в американском; 5) предложная в британском — беспредложно-предложная в американском; 6) беспредложно-предложная в британском — беспредложно-предложная в американском с другим предлогом.

Стилистическая отмеченность объектной конструкции нередко выражается в окказиональном опущении или введении предлога, не предусмотренного нормой. Особенно характерно это для разговорной речи. Так, стилистически маркированы конструкции с глаголами *abjure* (from), *imagine* (of), *confess* (of), *hinder* (to), *confide* (to), напр.: a) *You know, he adjured from his money!* (Robbins); b) *Just imagine of it!* (Stewart). В стилистически нейтральных предложениях данные глаголы с этими предлогами обычно не употребляются.

В некоторых конструкциях наблюдается тенденция к преимущественному употреблению беспредложного или предложного варианта, а при наличии нескольких предложных вариантов — одного из них, определенную роль в этом может играть семантика прямого дополнения. Так, глагол *report* допускает беспредложное управление независимо от семантики прямого дополнения. Если же прямое дополнение выражено существительным одушевленной семантики, то в 29 случаях из 37 наблюдалось предложное управление: Ср.: a) *Bessie Glass's eyes alone could report these facts...* (Salinger); b) *You know he never reports anyone to Evvy* (Murdoch); c) *...London managers sent representatives to report on her* (Maugham).

Глаголы *stab*, *prod*, *bite* характеризуются беспредложным управлением при дополнении — абстрактном существительном (a), предлог *at* возможен с дополнением — одушевленным существительным (b), а предлог *in* (into) с дополнением — существительным конкретно-предметной семантики (c): a) *The idea stabbed his resistance at the beginning...* (Sillitoe); b) *...She ran between them and stabbed at Riccio in the stomach* (Robbins); c) *He watched how the knife stabbed in the wood* (Dahl).

Основной формой управления дополнением для глагола является беспредложная форма, однако если дополнение выражено существительным абстрактной семантики, возможно появление предлога *of* в 31 случае из 97. Ср.: a) *They had all reasons to doubt her honesty* (Vonnegut); b) *She had never in her life for a single second doubted of Bill's absolute fidelity to her* (Murdoch). Если дополнение выражено одушевленным существительным, возможно употребление предлога *about*: *I haven't got so very much to doubt about myself...* (Sayers).

Формальное варьирование может иметь и более узкий характер, обусловленный определенной семантикой существительных

в позиции прямого дополнения. Например, беспредложная конструкция с глаголом *vote* возможна при предикативном дополнении или дополнении, выраженном существительным обобщенной семантики: а) *...an amateur theatrical society I belong voted to do Tennessee Williams' A Street-car Named Desire...* (Vonnegut); б) *... most would vote Labour...* (Sillitoe). Вариативный предлог *for* появляется в случае, если дополнение выражено одушевленным существительным: *Those keen, clear-sighted citizens refused to vote for him...* (Wodehouse).

Как указывалось выше, помимо формальных вариантов вариативный ряд определенной объектной конструкции может быть образован и единицами, изменение структуры которых ведет к некоторым семантическим изменениям. Примерами такой формально-семантической вариативности служат следующие вариативные ряды.

1. VN — V from N. Предлог *from* способен несколько модифицировать значение глагола *suffer*: в беспредложной конструкции этот глагол имеет значение «выносить», в предложном варианте — значение «страдать»: а) *She had suffered such tortures...* (Maugham); б) *You suffer from a defective memory* (Orwell).

2. VN — V in N — V through N. Конструкции с глаголом *hunt* в значении «обыскивать» имеют варианты с предлогами *in* и *through*. Ср.: а) *She hunted her bag...* (Fowles); б) *He hunted through his pocket-book* (Sayers); в) *Then he hunted in the pockets of the car...* (Sayers). В предложных вариантах, по-видимому, имеются некоторые различия в характере передаваемого действия: предлог *through* указывает на всестороннее, тщательное исследование объекта, предлог *in* предполагает частичное обследование объекта, проводимое без особых усилий и старания.

3. VN — V to N — V for N. Прямообъектные конструкции с глаголами *telegraph*, *call*, *telephone*, *ring*, *wire* имеют синонимические варианты с предлогами *to* и *for*. Предлог *to* конкретизирует направленность действия к адресату, предлог *for* в отдельных случаях, особенно с глаголом *ring*, изменяет значение глагола и сообщает ему сему «вызывать», например: а) *Shall I ring him up when I get back?* (Sayers); б) *...you had better ring through to St. Peter...* (Sayers); в) *He rang for the maid* (Sayers) — *...rang the bell...* Как видим, в последнем случае наблюдается импликация объекта действия.

4. VN — V at N — V in N — V through N. Конструкции с глаголами *shoot*, *jump*, *aim* (в значении «целиться») имеют по три семантических варианта, образуемых предлогами *at*, *in*, *through*. В то время как исходная беспредложная конструкция с глаголом *shoot* обозначает полное завершенное действие, то с появлением предлога *at*, указывающего на направление действия, но не определяющего его результат, значение глагола «застрелить»

меняется на «выстрелить в». Аналогичное, но более конкретное, указывающее на попадание в цель значение имеет предлог *in*. Предлог *through* указывает именно на конечный результат действия и определяет значение глагола как «прострелить». Ср.: a) ...she would shoot him with his own gun (Vonnegut); b) I'd go to India and shoot at tigers (Sillitoe); c) A pang of pain had shot through his body (Orwell); d) He shot at the very middle of the apple (Dahl).

5. VN—V *in* (into) N—V *over* N—V *to* N. Предложные конструкции с глаголом *cross* имеют предложные семантические варианты, образуемые предлогами *in* (into), *over*, *to*, выражающими пространственные характеристики действия. В конструкциях с предлогами *in* (into), *to* объект действия обычно уходит в импликацию. Конструкция с предлогом *over* может сохранять объект действия на синтаксическом уровне, так как прямое дополнение беспредложной конструкции переходит в косвенное в предложном варианте: a) They crossed the playground... (Murdoch); b) He crossed into the Cherry Orchard... (Sillitoe); c) He crossed to his desk... (Chase); d) I cross over Threadneedle street... (Dahl).

6. VN—V *after* N—V *at* N—V *in* (into) N—V *to* N. В предложных вариантах конструкций с глаголами *point*, *indicate* предлоги передают различные пространственные характеристики действия: *at*, *to* — конкретное направление, *after* — последовательность направления, *in* (into) — неопределенный характер направления действия: a) The old man pointed his stick... (Fowles); b) Devid pointed at the drawing... (Fowles); c) She pointed to his shoes (Maugham); d) A Malay woman pointed with a smile into the mountainside... (Sillitoe); e) They pointed after him (Chase).

Анализ лингвистического материала показывает, что возможность сосуществования в одном вариативном ряду единиц формального и формально-семантического порядка находится в прямой зависимости от его длины. Рассмотрим ряды комплексного варьирования данных типов.

1. VN—V (a) *round* N—V *over* N. Этот вариативный ряд характерен для конструкций с глаголами *hand*, *sweep*. Вариант с предлогом *over*, по-видимому, следует классифицировать как формальный, поскольку он не вносит каких-либо оттенков значения, в то время как вариант с предлогом (a) *round* можно определить как формально-семантический, так как предлог ограничивает сферу распространения действия, указывая на его пространственные ограничения. Ср.: a) He finally gave up, handed bullet in to a ballerina to read (Vonnegut); b) Mor handed over his glass (Murdoch); c) ... as they entered Chinese servants in uniform were handing round cocktails and olives (Maugham).

2. VN—V *at* N—V *in* (into) N—V *on* (upon) N—V *over*

N — V through N — V to (towards) N. Вариативный ряд прямо-объектных конструкций с глаголами ascend, descend, climb, clamber, mount насчитывает шесть вариантов, из которых два являются формальными и четыре — формально-семантическими. Формальные варианты образуются при помощи предлогов at, on (upon), которые не вносят изменений в семантику объектных отношений и соотносятся между собой как абсолютные синонимы. Предлоги to (towards), over, in вносят дополнительные пространственные характеристики действия. To (towards) указывает на цель действия, конечный его пункт. Предлог over определяет конечный результат действия. Предлог in (into) ограничен в своем употреблении, поскольку возможен лишь с дополнением, обозначающим предмет, полый внутри, так как этот предлог указывает на то, что результатом действия является проникновение внутрь чего-либо. Предлог through вносит в конструкцию значение «прохождение через что-либо с некоторыми трудностями». Как правило, в конструкциях с предлогом through наблюдается импликация основного объекта действия, так как предлог указывает на способ достижения действия, не определяя его объект. Ср.: a) They've climbed Everest (Stewart); b) He climbed cautiously at the window (Chase); c) I'd like to climb on every single Cuillin in turn... (Stewart); d) He began to climb to the upper plateau... (Chase); e) He climbed towards the summit... (Sillitoe); f) ...we turned left and climbed over the ridge of the Chilterns... (Dahl); g) The covered lorry stood fifty yards away, and he climbed in the back (Sillitoe); h) He climbed into the helicopter... (Chase); i) ...they began to climb through a forest of firs... (Chase). Нередко наблюдается сочетание формальных и семантических предлогов в одном словосочетании. Наиболее характерны сочетания предлогов on — to: He climb up on to the wide wooden top rail... (Dahl).

3. VN — V after N — V at N — V for N — V on N — V to N. Парадигма прямообъектных конструкций с глаголом call определяется пятью предложными вариантами. Варианты с предлогами on, to являются формальными. Формально-семантические варианты определяются предлогами: after, указывающим на возобновление окончившегося действия; at, сообщающим конструкции оттенок агрессивности субъекта по отношению к объекту; for, свидетельствующим, что субъект выполняет указанное действие, прибегая к помощи посредника. Ср.: a) Why didn't you call me? (Sayers); b) ...she saw him leaving and called to him (Algren); c) After a while she called on him again ... (Chase); d) ...his mother called after him (Orwell); l) ... she called at him once more (Robbins); f) Mary picked them up, called for the sheriff (Vonnegut).

Корреляция разных типов объектных конструкций — прояв-

ление межмодельной беспредложно-предложной вариативности данных единиц. Диапазон формального и формально-семантического беспредложно-предложного варьирования достаточно широк и предоставляет набор разноструктурных средств для обозначения одного категориального понятия с разной степенью расчлененности составляющих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
2. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
4. Степанова М. Д. Вопросы лексико-грамматического тождества: на материале современного немецкого языка // Вопросы языкознания. 1967. № 2.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка.

Свердловск, 1990

Г. Г. Соколова
Московский
педагогический институт
имени В. И. Ленина

КОМПОНЕНТНЫЙ СОСТАВ ПРОИЗВОДНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В процессе образования первичных и производных фразеологических единиц используется довольно ограниченный круг лексико-семантических групп, в связи с чем встает вопрос о специфике компонентного состава вторичных и третичных производных ФЕ. Анализ ЛСГ выявляет их неравномерную фразеологическую активность, создавая ясное представление о компонентной специфике производных ФЕ, предопределяющей семантико-функциональные особенности этих единиц, а также вскрывает национальную характеристику компонентного состава, дополняя уже имеющиеся данные по первичным ФЕ.

Слова-компоненты, широко используемые в процессе формирования первичных фразеологических единиц (ФЕ) французского языка, далеко не всегда вовлекаются в процессы транспозиции фразеологических единиц, ограничивая таким образом качественный и количественный состав вторичных и поствторичных ФЕ [2, с. 438—439]. Это явление объясняется тем, что семантика многих первичных ФЕ, независимо от их принадлежности к определенному функциональному классу, не представляет собой основы для формирования производных ФЕ и дальнейшего развития компонентного состава ФЕ.

Как известно, номинативные и коммуникативные ФЕ [1] используют в качестве «строительного материала» аналоги [см.: 2] лексических единиц определенного круга ЛСГ [3, с. 22], в связи с чем уточнение рамок компонентного состава производных ФЕ проводится исходя из данных анализа наиболее фразеологически активных ФЕ, среди которых ведущее место принадлежит словам-компонентам соматизмов, терминов родства, зоонимов и

др. В то же время нельзя не отметить, что названные семантические типы компонентов входят преимущественно в первичные ФЕ — вербальные, реже субстантивные и изредка в коммуникативные ФЕ.

При рассмотрении этого вопроса ставится задача последовательно определить, в какой степени термины родства, соматизмы и зоонимы (как обозначения наиболее близких человеку и основательно изученных понятий) представлены в системе фразеобразования французского языка [см.: 3, с. 5—21]. В первую очередь обратимся к изучению фразеологических единиц с компонентами — терминами родства, поскольку во фразеологии основных европейских языков они представляют универсалию [там же].

Во французском литературном языке насчитывается немало фразеологических метафор и метонимий с компонентом *enfant*, существующих как обозначения различных понятий религиозного (*enfants de Dieu* — «*chrétiens*», *enfants du diable* — «*débauchés*», *enfants de l'église* — «*les fidèles*», *les enfants des hommes* — «*les humains*») и социального характера (*enfants de l'amour* — «*enfants nés hors mariage*», *enfant de la balle* — «*personne élevée dans la profession de ses parents*»). Большинство их входит в число первичных ФЕ, по настоящее время не являющихся основами производных ФЕ, ибо внутренняя форма этих ФЕ не вызывает у говорящего ассоциаций, кроме тех, с которыми они уже соотносятся в системе языка [3, с. 57—96].

Перечисленные первичные субстантивные ФЕ, за исключением *enfant trouvé*, не характеризуются развитием семантической структуры и, таким образом, не образуют производных. В то же время отдельные фразеологические единицы с компонентом *enfant*, например *enfant terrible du parti*, способствуют формированию вторичных ФЕ: *enfant terrible* — посредством эллиптической транспозиции исходной ФЕ (имеет место усечение конечного компонента), сопровождающейся расширением значения производной [там же, с. 101—134].

ФЕ с высокой частотностью употребления *enfant de choeur* — «*une personne très naïve*», в отличие от своего варианта женского рода (*enfant de Marie*), восходит к коммуникативной ФЕ *ce n'est pas un enfant de choeur* — «*c'est une personne sans scrupule*». Образовавшаяся в результате эллиптической транспозиции вторичная ФЕ *enfant de choeur* послужила производящей основой для двух субстантивных единиц и одной вербальной.

Субстантивные поствторичные ФЕ *un enfant de choeur de la messe de minuit* — «*un voleur opérant de nuit*», *un enfant de la messe de nuit* — «*un poseur*» дополнили фразеосемантические группы со значением «правонарушение» [4, с. 92—96] и «образ поведения». Вербальная поствторичная ФЕ *étouffer un enfant de choeur* — «*boire un coup de vin rouge*», построенная на игре слов антиклерикального характера (прислуживавшие в церкви дети

носили красную одежду), входит во фразеосемантическую группу «употребление алкогольных напитков».

В компонентный состав вторичных ФЕ перешли используемые первичным фразеобразованием слова-компоненты *messe, minuit, nuit* — обозначения религиозных и временных понятий. Принципиально объем компонентного состава ФЕ не расширился; расширился ограниченный состав компонентов вторичных ФЕ. Вербальная ФЕ₁ (вторичная ФЕ) включает слово-компонент *étouffer* (ЛСГ «лишение жизни»), фигурирующий в первичном фразеобразовании (*vx étouffer une négresse* — «*boire une bouteille en entier*»), расширяя его фразеологическую активность. (Как известно, фразеологическая активность характеризует слова-компоненты и равна числу ФЕ, образуемых лексической единицей.)

Несмотря на невысокую фразеологическую активность, слово-компонент *papa* входит в состав первичных, вторичных и поствторичных ФЕ: *papa gâteau* — «*un homme qui aime combler les enfants de cadeaux*», *filis à papa* — «*un jeune bourgeois*», *de papa* — «*du temps passé, démodé*». Производная адвербиальная ФЕ *à la papa fam.* — «*d'une manière calme et tranquille*» восходит к первичной ФЕ *faire qch à la papa* — «*faire qch sans se presser*» [5]. В основном адвербиальные ФЕ весьма редки как первичные единицы. Как правило, они образуются от вербальных ФЕ в результате утраты опорного вербального компонента (что имеет место в данном случае) и в дальнейшем выступают как производящие фразеологические основы адъективных ФЕ. В данном случае в результате конверсионной транспозиции без транспозитора 13 ФЕ₁ *à la papa* формирует адъективную ФЕ₂ *à la papa* со значением «*sans complications*».

В словаре А. Рея исходная ФЕ не фигурирует, поэтому в синхронии адвербиальная ФЕ выступает как первичная, а адъективная — как вторичная ФЕ (ФЕ₁). Следовательно, классификация ФЕ на первичные, вторичные и поствторичные носит относительный характер, так как зависимости между ФЕ определяются тем, анализируются они в синхронном или диахронном плане.

При транспозиции адвербиальных ФЕ в адъективные компонентный состав исходной и производной ФЕ идентичен. При формировании вторичной адъективной ФЕ из первичной компонентный состав производной ФЕ суживается: *l'Algérie de papa* — «*l'Algérie du temps passé*» // *de papa* — «*de temps passé, démodé*». Близкое по значению к *papa* слово-компонент *père* входит в состав ряда первичных коммуникативных единиц (*contenter tout le monde et son père, à père avare fils prodigue etc.*), но производные ФЕ с этим компонентом на основе коммуникативных единиц не образуются. Такие производные адвербиальные ФЕ, как *père et mère* — «*comme des grands*», *en bon père de famille* — «*avec soin, économie, mesure*», восходят к вербальным:

faire qch comme père et mère и agir en (bon) père de famille.

Компонентный состав производных ФЕ утрачивает глаголы *faire* и *agir* (ЛСГ «активное действие») по сравнению с первичными ФЕ. Не образуют производных единиц коммуникативные ФЕ с компонентом — термином родства *filles* (*la plus belle fille* (*du mode*) *ne peut donner que ce qu'elle a*, vx. *filles* и *ville* qui *parlementent* sont à moitié rendues), ибо по своей природе они афористичны, что является существенным препятствием в образовании номинативных ФЕ: афоризм вызывает только одну ассоциацию у говорящего. Субстантивная производная *la fille de l'air* образуется посредством эллиптической транспозиции из вербальной ФЕ *jouer la fille de l'air* — «s'enfuir»; глагол *jouer* утрачивается (ЛСГ «игра»).

Матан не входит в компонентный состав фразеологических единиц; *oncle*, *tante*, *fils*, *frère*, *sœur* существуют только в первичных ФЕ и не переходят в компоненты производных единиц. Отдельные немногочисленные компоненты-соматизмы образуют производные ФЕ. Среди них первое место следует отвести слову-компоненту *tête*. Так, субстантивная производная ФЕ *une mauvaise tête* — «*personne désobéissante*» образуется в результате эллиптической транспозиции из вербальной ФЕ *faire sa mauvaise tête* — «*refuser d'obéir*», утрачивающей опорный вербальный компонент *faire*, выполняющий не только строевую функцию, как многие глаголы широкого значения — основы вторичных субстантивных и адverbальных ФЕ. В образовании вторичной субстантивной ФЕ *tête froide* — «*une personne raisonnable*» участвует вербальная первичная ФЕ *garder la tête froide* — «*être de sang-froid*», где опорный компонент входит в ЛСГ «присмотр»; опорный компонент утрачивается при формировании производной единицы.

Первичная субстантивная ФЕ *tête de Turc* — «*souffre-douleur*» способствует расширению фонда производных ФЕ французского языка, участвуя в образовании производной вариантной вербальной ФЕ посредством глаголов *être* (ЛСГ «существование») и *servir* (ЛСГ «помощь»); *être* (*servir*) *la tête de Turc* de qqn — «*être une personne haïssable*».

Участвуя в транспозиции ФЕ, эти глаголы увеличивают свою фразеологическую активность. Следовательно, при формировании производных (вторичных) ФЕ возможна не только утрата компонентов (обычно грамматически опорных), но и пополнение компонентного состава вторичных единиц. Иными словами, формирование вторичных ФЕ не всегда связано с сокращением состава компонентов ФЕ, т. е. этот процесс не является односторонним, как это можно предполагать исходя из чрезвычайной продуктивности эллиптической транспозиции.

Компонент-соматизм *tête* последовательно фигурирует в вербальной ФЕ *avoir une idée derrière la tête* — «*avoir une idée qu'on ne confie à personne*», во вторичной ФЕ *une idée derrière*

la tête — «une idée qu'on cache aux autres» и поствторичной ФЕ de derrière la tête — «cachée, dissimulée», возникшей посредством конверсионной транспозиции с транспозитором. Соматизм tête, являясь компонентом вариантной ФЕ se taper (se cogner) la tête contre les murs — «faire des efforts désespérés», переходит в компонентный состав вторичной окказиональной субстантивной единицы la tête contre les murs — «efforts inutiles, désespérés». Э. Базен использует эту ФЕ в качестве заголовка своей книги «La Tête contre les murs».

Аналогичный процесс утраты опорного компонента — глагола avoir привел к формированию вторичной субстантивной ФЕ, обозначающей действующее лицо по его основной характеристике: la tête fêlée — «une personne un peu folle» (avoir la tête fêlée — «être un peu fou»).

Посредством эллиптической транспозиции при редукции глагола движения marcher на основе ФЕ marcher coude à coude — «marcher la main dans la main» сформировалась вторичная адвербиальная ФЕ coude à coude — «la main dans la main». Другие ФЕ с компонентом coude отличаются пассивностью в формировании производных ФЕ.

Участие соматизма bras в образовании вторичных ФЕ различных функциональных классов происходит параллельно эллипсису глаголов нескольких ЛСГ: резания (couper: couper bras et jambes) — «décourager» // bras et jambes — «les membres», получения (recevoir: recevoir à bras ouverts — «accueillir avec une grande cordialité» // à bras ouverts — «avec une grande cordialité»), активного действия (taper, cogner: taper, cogner à tour de bras // à tour de bras — «violemment»). Адвербиальная ФЕ à bras — «à la main», образуя производную субстантивную ФЕ с компонентом voiture, расширяет не только компонентный состав производной ФЕ, но и фразеологическую активность компонентов. При формировании вторичной субстантивной ФЕ coup de main — «aide momentanée sollicitée (ou offerte)» эллиптируется глагол ЛСГ «давание» — donner (donner un coup de main — «aider»). Более активно, чем main, в создании производных ФЕ участвует соматизм pied. Входя в компонентный состав адвербиальных ФЕ₁ comme un pied — «très mal» и адъективной ФЕ₁ en pied («en titre, bien installé») и утрачивая при транспозиции ФЕ глагол ЛСГ «движение под музыку» danser и существительное ЛСГ «воинские звания» capitaine, pied посредством эллиптической транспозиции переходит из компонентов первичной ФЕ (avoir les pieds nickelés — «être paresseux débrouillard») в субстантивную ФЕ₁ (pieds nickelés — «chancard»), а затем в поствторичную вербальную ФЕ (jouer aux pieds nickelés — «jouer au petit gangster») путем присоединения глагола ЛСГ «игра» jouer.

При конверсионной транспозиции mettre à pied — «destituer, renvoyer» образование производной субстантивной ФЕ mise à pied — «destitution, renvoi» сопровождается количественным

сохранением компонентного состава, поскольку инфинитив заменяется супплетивной формой. Соматизм *barbe*, входя в состав первичных и вторичных ФЕ, влияет на изменение служебных слов-компонентов: производная единица образуется в результате конверсионной транспозиции с транспозитором *de*, исходная утрачивает транспозитор-артиклъ: *barbe bleue* — «*personnage cruel pour son épouse et en général pour les faibles qui sont en son pouvoir*» // *de barbe bleue* — «*terrifiant*».

В отличие от терминов родства и соматизмов зоонимы значительно реже пополняют компонентный состав производных ФЕ. Такие довольно продуктивные в первичном фразеобразовании зоонимы, как *âne*, *caille*, *carpe*, *chèvre*, *colombe*, *coq*, *couleuvre*, *cugne*, *écrevisse* etc., остаются словами-компонентами, проявляющими фразеологическую активность исключительно на первом этапе формирования ФЕ французского языка. Компоненты-зоонимы, образующие коммуникативные ФЕ, фразеологически пассивны; во всяком случае, данные словаря А. Рея подтверждают этот тезис (*il boirait la mer et les poissons, la sauce fait passer le poisson, une hirondelle ne fait pas le printemps*) [5]. Только на основе некоторых первичных вербальных ФЕ в результате эллиптической транспозиции образуются субстантивные, адвербиальные и вербадъективные производные ФЕ. Далеко не все номинативные ФЕ, относящиеся к основным функциональным классам, способствуют формированию производных ФЕ. Тот факт, что образованию производных ФЕ с компонентами-зоонимами способствует эллиптическая, а не конверсионная и не деривационная транспозиция, подчеркивает наибольшую продуктивность именно этого подвида вторичной транспозиции в образовании узуальных ФЕ французского языка.

В приводимых ниже примерах формирование производных единиц осуществляется в результате редукции глаголов широкого значения (*être*, *mettre* etc.) или глаголов движения (*marcher*). На основе вербальных ФЕ *être le bouc émissaire* — «*être personne sur laquelle on fait retomber tous les torts*» и *mettre la poule au pot* — «*avoir une aisance convenable*» возникли соответственно *le bouc émissaire* — «*personne sur laquelle on fait retomber tous les torts*», *la poule au pot* — «*une aisance convenable*». Утрата глаголов широкого значения и движения, грамматически опорных компонентов исходных первичных ФЕ, определила названным типам глаголов незначительное место в компонентном составе вторичных ФЕ. Они сохраняются в составе производных ФЕ лишь в тех редких случаях, когда вторичные вербальные ФЕ восходят к коммуникативным. Не менее распространен примером эллиптической транспозиции является образование адвербиальных ФЕ из первичных вербальных единиц. Однако именно для ФЕ с компонентами-зоонимами этот тип транспонированных ФЕ менее характерен. В качестве примера приведем вербальную ФЕ *marcher à pas de loup*, на основе которой воз-

ника производная ФЕ à pas de loup — «avec précaution», включающая зооним loup, используемый и фразеологической неологией (р. ex. les jeunes loups — «jeunes gens à une grande force perforatrice»).

Проанализированный материал традиционных ФЕ с компонентами — терминами родства, соматизмами и зоонимами свидетельствует о том, что среди производных ФЕ с указанными типами компонентов явно преобладают соматизмы. Этот факт следует рассматривать как одну из тенденций развития компонентного состава фразеологических единиц французского языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. М., 1976.
2. Соколова Г. Г. Тенденция образования фразеологических единиц на материале французского языка. М., 1988.
3. Соколова Г. Г. Фразеобразование во французском языке. М., 1987.
4. Соколова Л. Г. Внутренняя структура фразеосемантической группы *empechement* // Иностранные языки. М., 1974. Вып. 10.
5. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P., 1984.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка.

Свердловск, 1990

К. С. Зеленцова
Уральский
политехнический
институт

ИЗУЧЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ ГНЕЗДАМИ В ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Рассматриваются отношения между двумя крупными классами (парадигмами) слов — лексико-семантическими группами (ЛСГ) и словообразовательными гнездами (СГ) в английском и русском языках, проводится сопоставление структур гнезд каждой ЛСГ в обоих языках. Обнаружено наличие определенной зависимости между ЛСГ и СГ, которая проявляется в разных словообразовательных потенциях каждой ЛСГ. Выявлены общие черты и расхождения в структурах гнезд трех ЛСГ в двух языках. В результате сопоставления структур СГ в английском и русском языках выделено три группы гнезд.

Как известно, Ф. де Соссюр сформулировал два основных вида отношений, существующих между элементами языка, — синтагматические и ассоциативные (парадигматические). Первые представляют собой отношения в линейной последовательности, вторые существуют между элементами как членами различных классов [7, с. 121—123].

В классы, или парадигмы, обладающие разным объемом, включаются элементы на основе каких-либо свойств. Так, к лексико-семантической группе (ЛСГ) принадлежат слова, отно-

сящиеся к одной части речи и соотносимые друг с другом по общности признаков категориально-лексического характера. В словообразовательное гнездо (СГ) объединяются однокоренные слова, связанные формально-семантическими отношениями производности.

Задачей статьи является изучение некоторых взаимоотношений между двумя крупными классами (парадигмами) слов — лексико-семантическими группами и словообразовательными гнездами в английском и русском языках. Материалом для исследования послужила 1000 отыменных гнезд (по 500 гнезд каждого языка), построенных от существительных — вершин одинаковой семантики. Исходные существительные принадлежат трем ЛСГ: «химические вещества», «минералы», «приборы». При построении гнезд использовались английские и англо-русские химико-технологические словари, а также толковые словари английского и русского языков [1; 2; 4; 9; 10; 11; 12].

Анализ СГ проводился по следующим структурным параметрам: глубина, измеряемая числом образующих его ступеней; сложность, равная общему количеству словообразовательных структур, соответствующих всем членам гнезда; валентность вершин или члена гнезда, равная количеству функциональных классов слов, к которым относятся непосредственные производные. Лексический объем гнезда исчисляется общим количеством лексических единиц, составляющих гнездо. Гнезда изображаются в виде векторных графов, направления ребер которых соответствуют: вертикальное — существительному, направленное влево, — глаголу, вправо — прилагательному. Горизонтально направленное ребро соответствует наречию [6].

Следует отметить, что существует точка зрения, согласно которой для словообразования менее существенны тематически ориентированные ЛСГ, чем объемные семантические категории, такие, как категории лица, предметности, одушевленности, абстрактности, и другие [5; 8]. Однако исследование терминологии, проведенное нами на материале английского языка, обнаружило релевантность для терминологического словообразования лексико-семантических групп [3].

Определенный интерес представляет изучение отношений между ЛСГ, к которым относятся существительные — вершины гнезд, и структурой СГ в русском языке и сравнение результатов этого исследования с выводами, полученными при анализе СГ и ЛСГ в английском языке. Рассмотрение зависимости между тремя ЛСГ и обслуживающими их графами, моделирующими гнезда, в русском языке показало, что каждая ЛСГ характеризуется специфическим в количественном и качественном отношении набором графов гнезд (табл.). Так, 22 графа моделируют 170 гнезд ЛСГ «химические вещества», 11 графов зарегистрировано в ЛСГ «минералы», 14 структур моделируют 170 гнезд ЛСГ «приборы».

ЛСГ	Графы												
Химические вещества	35 	28 	26 	22 	14 	12 	6 	5 	5 	3 	1 	1 	
Минералы	23 	25 	22 	8 	6 	5 	4 	3 	3 	3 	3 		
Приборы	21 	39 	8 	6 	6 	4 	4 	4 	4 	3 	3 	1 	1

Качественное своеобразие гнездовых структур в каждой ЛСГ проявляется в разнице глубины, сложности, валентности, а также в разном наполнении производными словами. Например, в ЛСГ «химические вещества» отмечается наличие большого количества гнезд глубиной в 3—4 деривационных шага, сложностью в 12—15 словообразовательных структур, с валентностью вершины — 3, валентностью производных слов первой ступени деривации — 2—3, развитием трех ветвей — субстантивной, адъективной и глагольной и высоким лексическим объемом — до 30 слов. Для графов, обслуживающих ЛСГ «минералы» и «приборы», характерны несложные (чаще от двух до пяти словообразовательных структур) и неглубокие (до трех деривационных шагов) структуры с частым отсутствием глагольной ветви. Их лексический объем невысок — до 15 слов.

Таким образом, в русском языке, как и в английском, существует определенная зависимость между ЛСГ и СГ, которая проявляется в разных словообразовательных потенциях каждой ЛСГ, что находит выражение в специфическом наборе графов, обслуживающих ту или иную ЛСГ.

При сравнении структур гнезд каждой ЛСГ в русском и английском языках обнаружили их общие черты и особенности. Общее в структуре гнезд заключается, во-первых, в том, что ЛСГ «химические вещества» обладает наибольшим количеством структур в обоих языках, и, во-вторых, в данной ЛСГ зарегистрированы самые сложные, глубокие, разветвленные и насыщенные структуры гнезд.

Структуры гнезд в русском и английском различаются моделирующей силой. Так, в английском языке для ЛСГ «приборы» типична глагольная ветвь *crank* → *to crank*; *kiln* → *to kiln*; *spat* → *to spatulate*; *funnel* → *to funnel*; *yoke* → *to unyoke*; *trelis* → *to trellis*; *choke* → *to choke*, *to unchoke*. В русском языке гнезда с глагольной ветвью обладают низкой моделирующей силой: *фильтр* → *фильтровать* → *фильтрование*, *фильтрация*, *фильтровальный*, *фильтрационный*; *насос* → *насосывать* → *на-*

сасывание; шприц → шприцевать → шприцевание. Для ЛСГ «минералы» глагольная ветвь в русском языке также частотнее, чем в английском языке. Ср.: уралит → уралитовый;

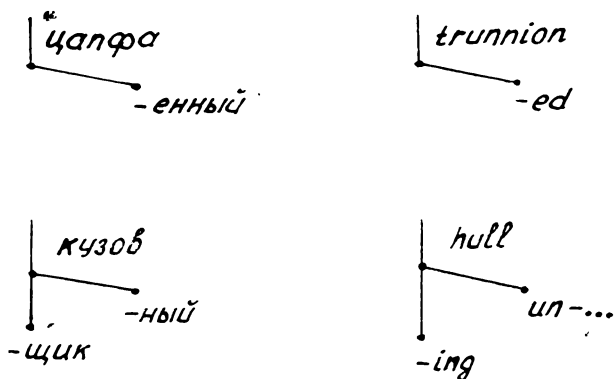

Рис. 1

турмалин → турмалиновый; лигнит → лигнитный; каолин → каолинит, каолиновый; пегматит → пегматитовый; uralite → uralic, to uralitize → uralitization; tourmaline → tourmalinic, to tourmalinize

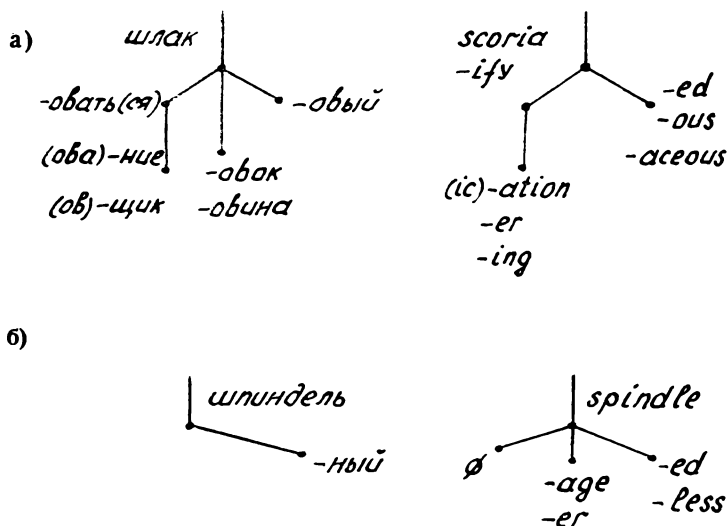

Рис. 2

ze → tourmalinization; lignite → to lignitize, lignitic, lignitiferous, lignitous; kaolin → to kaolinize, kaolinite, metakaolin, kaolinic → kaolinization, nonkaolinic, kaolinitic; pegmatite → to pegmatize, pegmatoid, micropegmatite, pegmatitic → pegmatization, pegmatoid.

Сопоставление структур гнезд от одинаковых в смысловом отношении существительных-вершин позволило выделить три группы гнезд: 1) гнезда с полным совпадением структур в русском и английском языках (рис. 1); 2) гнезда с частичным совпадением структур (рис. 2). Здесь обнаружено две подгруппы: а) большей сложностью характеризуется гнездо в русском языке; б) большей сложностью обладает гнездо в английском языке; 3) гнездо с несовпадением структур (рис. 3).

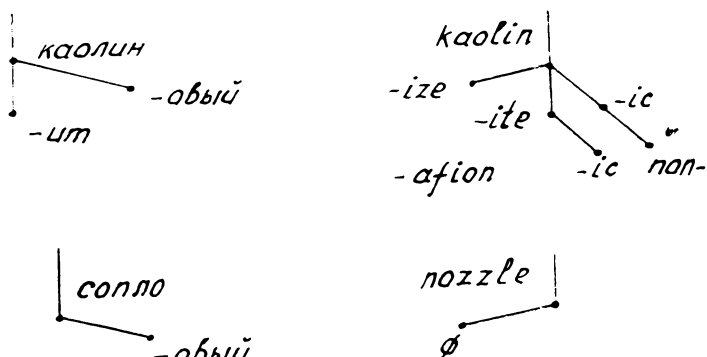

Рис. 3

Итак, в результате анализа крупных классов слов — СГ и ЛСГ в русском и английском языках было установлено, что: 1) существуют определенные взаимоотношения между ЛСГ и СГ, которые проявляются прежде всего в разных словообразовательных потенциях каждой ЛСГ: это общая типологическая черта обоих языков; 2) имеются общие и различные черты в структурах гнезд, выбранных для анализа ЛСГ: богатством и разнообразием структур в обоих языках характеризуется ЛСГ «химические вещества», графы гнезд ЛСГ «минералы» и «приборы» специфичны в каждом языке; 3) полное совпадение, а также несовпадение структур гнезд, построенных от существительных-терминов одинаковой семантики в обоих языках, составляет незначительное количество. Основная масса графов гнезд в анализируемых ЛСГ представляет собой случаи частичного совпадения структур с большей сложностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дымищ Л. Б. Англо-русский химический словарь. М., 1964.
2. Кедринский В. В. Англо-русский словарь по химии и переработке нефти. М., 1979.
3. Махнутина К. С. Специфика словообразовательных гнезд в терминологии на материале английской химической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньева. М., 1981—1984.
5. Слонимская И. И. Семантические особенности отыменного словообразования в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

6. *Соболева П. А.* Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
7. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
8. *Шишкина А. С.* Система отыменных гнезд современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
9. *Condensed chemical dictionary* / Ed. by A. and E. Rose. N. Y., 1966.
10. *Hack I. W. D.* Hack's chemical dictionary. N. Y., 1969.
11. *The Random House Dictionary of the English language.* N. Y., 1967.
12. *Webster's Third New International Dictionary of the English language.* N. Y., 1969.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка.

Свердловск, 1990

**Н. Н. Лобанова
Л. В. Логинова**
Свердловский институт
народного хозяйства

ОСОБЕННОСТИ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПАРАДИГМ НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ И СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЯХ

Рассматривается место лексической деривации в общей динамической системе современного французского языка и ее связь с синтаксическими процессами, т. е. словообразовательная парадигма исследуется как элемент порождения текста. Делается попытка описания структурной схемы словообразовательных и синтаксических конструкций, набор которых образует деривационные парадигмы на разных уровнях.

Учение о построении речи во всех ее функциональных разновидностях, в том числе и в научном стиле, опирается на главную единицу языка — слово как наименьшую единицу, способную к синтаксическому функционированию. Значение слова в современной лингвистике представляется в виде структуры со сложной организацией. Дифференциальные компоненты значения (семы), совокупность которых формирует данное значение слова и отличает от другого значения того же слова, отражают совокупность признаков обозначаемого объекта и являются минимальными единицами смысла на парадигматической оси [3; 4].

Вместе с тем слово содержит не только парадигматические, но и синтагматические семы, которые представляют собой семантическую основу его сочетаемости с другими словами при формировании предложения. Процесс построения речи не сводится только к объединению слов (в соответствии с правилами их сочетания) в предложения, где реализуются номинативные значения слов. Такой подход дает возможность рассматривать слово как динамическую единицу, сущность которой состоит, по мнению Л. В. Мурзина, «в ее непрерывном функционировании, видоизменении, обновлении» [2, с. 41]. Но в отличие от предложения, которое отражает свойства текста, слово не имеет этой характеристики, хотя предложение и составляется из слов. Это отличие отражает основное противоречие между текстовой и внетекстовой природой слова.

Слово как динамическая единица характеризуется, прежде всего, способностью служить элементом порождения текста. Это обуславливает необходимость рассмотрения процесса словообразования в коммуникативном аспекте, и тогда лексическая деривация «является, как это ни парадоксально, синтаксическим процессом, непосредственно связанным с образованием предложения в тексте» [2, с. 43].

Проследим, как протекают деривационные процессы во французских экономических текстах и каков механизм включения новых лексических единиц в соответствующие парадигмы: *De toute façon quelle que soit le but final du point de vue de la stricte efficacité, les chefs des entreprises savent où ils vont et peuvent si fixer des objectifs de profits maximaux, reflétant grâce à de hauts salaires de fins sociales et humanitaires. Ce problème de la finalité est en effet la fin suprême de l'entreprise* [5, p. 87].

Рассмотрение этого текста в динамическом аспекте дает возможность выявить новую лексическую единицу *la finalité*, производный характер которой очевиден, но следует установить ее структурные и семантические форманты. Словообразовательный анализ показывает, как протекает деривационный процесс. Модели: основа существительного *fin*+суф.-*al*; основа прилагательного *final*+суф.-*ité*. Таким образом, слово *la finalité* образовано с помощью двух деривационных шагов. Лексическое значение «конечная цель» появилось благодаря перемещению на него семантических признаков производящих основ «цель» и «конечный». Употребление этого слова в научном тексте и контекстное окружение *l'efficacité, des objectifs de profits* обусловили терминологизацию слова. Семантическая структура термина усложнилась благодаря появлению потенциальной семы «прибыль». Термин *la finalité* со значением «конечная цель предприятия, направленная на получение максимально высоких прибылей» входит в понятийную парадигму «политика предприятия» экономической терминосистемы. Употребление термина поддерживается высокой продуктивностью словообразовательного ряда с суффиксом *-ité*: *rentabilité, compétitivité, créativité, efficacité*.

Семантическая связность, являясь «цементирующей основой единства текста» [4, с. 193], также может обеспечивать функциональную реализацию терминологических значений слов.

Один из видов семантической связи в научном тексте — субстантивация прилагательных, связанная с компрессией, поскольку помогает устранить избыточность текста: *Les services opérationnels exécutent, ils ont seuls le pouvoir de commandement, de décision; les services fonctionnels conçoivent, conseillent, assistent, ne donnent jamais d'ordres. Les chefs des services fonctionnels reçoivent des ordres uniquement du responsable opérationnel. On les appelle maintenant les fonctionnels. Les opérationnels demandent à être pleinement maîtres* [6, p. 25].

Транспозиция прилагательных *opérationnel* — *линейный*, *fonctionnel* — *функциональный (штабной)* в термины-существительные *opérationnel*, *m* — *руководитель линейной службы*, *fonctionnel*, *m* — *руководитель функциональной службы* осуществляется постепенно, в целой цепочке высказываний. Нарращивание нового семантического признака происходит путем логического развития мысли. В словосочетаниях *service opérationnel*, *service fonctionnel* прилагательные *opérationnel*, *fonctionnel* выполняют функцию смысловых ориентиров, с помощью которых создается возможность установления антонимических отношений между частями сложного синтаксического целого. Основой для антонимии служит противопоставление функций линейных и функциональных служб на предприятии: *...les services opérationnels ont le pouvoir de commandement, de décision; les services fonctionnels ne donnent jamais d'ordres*. Дифференцирующие признаки выражены семами «принятие решений», «приказ».

Во втором предложении прилагательные *opérationnel*, *fonctionnel* служат для выражения отношений иерархической соподчиненности руководителей линейных и функциональных служб: *...les chefs des services fonctionnelles reçoivent des ordres uniquement du responsable opérationnel; les services fonctionnels conçoivent, conseillent...* Дифференцирующая парадигматическая сема здесь «совет», «разработка».

Следующее высказывание представляет собой компрессию избыточной информации, которая заключается в замене словосочетаний *le chef du service fonctionnel*, *le responsable opérationnel* однословными терминами *fonctionnel*, *m*; *opérationnel*, *m* с теми же значениями. Компрессия оказалась возможной благодаря субстантивации прилагательных, семантическая структура которых значительно усложнилась, так как к значению признака добавилось еще значение лица. Компрессия, предпосылки которой были заложены всем предшествующим контекстом, не изменила информационной ценности текста, но значительно перестроила его грамматическую и семантическую структуру.

Появление новых терминологических значений у слов *opérationnel*, *fonctionnel* дает основание включить их в терминологическую парадигму с обобщенным значением «руководитель предприятия», куда входят термины: *gérant*, *manager*, *gestionnaire*, *directeur*, *décideur*, *responsable*. Наличие такой парадигмы дает возможность варьировать выражение мысли в научном тексте, облегчает процесс усвоения соответствующей терминологической лексики и процесс перевода, поскольку позволяет легко находить термину его эквивалент в другом языке.

Субстантивация прилагательных, выполняя роль оператора деривации, помогает при сравнительно ограниченных языковых средствах успешно решать проблему системной номинации научных понятий. Вновь образованные термины являются вторичной номинацией, так как именно преобразование предшествую-

ших словосочетаний порождает новые слова. Предшествующая номинация развернута, включает в себя целый ряд дифференцирующих признаков.

Синтагматические семы слова представляют собой семантическую основу его сочетаемости с другими словами при формировании предложений, являющихся минимальными речевыми произведениями. Опыт обучения чтению и переводу научной литературы показывает, что оптимальная единица анализа научного текста — словосочетания, сложные эквиваленты отдельных слов, которые даются в типичном для них окружении и как бы закрепляют одно слово за другим.

Для экономической терминологии наиболее характерны терминологические словосочетания атрибутивного типа, способные выражать разные отношения: цель действия — *contrôle budgétaire, campagne d'étalage*; характер действия — *l'étude du marché, la capacité de financement*; место реализации процесса — *le centre de l'achat, cellule économique*; способ реализации процесса — *methode des cas, charge limites, travail par équipe*; характеристики деятельности — *chef du marketing, chef de produit*. Во всех этих словосочетаниях определяемое существительное является ядром структурно-семантического объединения. В семантической структуре абстрактных существительных *le centre, la méthode, le service* и существительных, образованных от глаголов *contrôler, étudier*, преобладают синтагматические семы, которые обуславливают количество синтаксических позиций. Эти последние формируют не только синтаксическую структуру предложения, но и отражают потенциальную сочетаемость этих единиц.

Некоторые синтаксические последовательности выходят за рамки моделированных словосочетаний, но, употребляясь часто, приобретают репродуктивный характер, складываются в устойчивую систему и в процессе порождения текста «образуют своеобразный код построения научного высказывания» [1, с. 151]. Для оформления научного высказывания употребляется ряд «опорных слов», на основе которых образуются целые ряды синтагматических единиц. Такой, например, необходимый элемент для научного исследования, как «метод», порождает следующие синтаксические единицы: *modèle décisionnel, modèle linéaire de production, modèle de projection à court terme, modèle de décision en information incomplète*. Семантический признак «метод» можно отнести к фундаментальным категориям, которые образуют необходимую основу коммуникации.

Таким образом, рассмотрение любого научного высказывания в коммуникативном аспекте невозможно без изучения деривационных процессов. Лексические единицы, возникающие в процессе порождения текста, оказываются центрами взаимодействия логико-семантических, словообразовательных и синтаксических парадигм.

Семы парадигматики воплощают свойства предметов и явлений, отражая их признаки, а семы синтагматики передают отношения между предметами и явлениями и носят универсальный характер.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богатырева С. Т. Основные тематические группы предельных синтагматических единиц в стиле научного изложения современного английского языка // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. М., 1984.
2. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984.
3. Лещенко М. И. Виртуальный и актуальный аспекты предложения. Минск, 1988.
4. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1983.
5. Caude R. De l'organisation scientifique du travail au management des entreprises. Paris, 1970.
6. Pedraglio R. La France et la management. P., 1968.

Парадигматические отношения на разных уровнях языка. Свердловск, 1990

М. К. Сабанеева
Ленинградский
университет

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ БЕЗГЛАГОЛЬНЫХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена проблеме структурно-семантической и коммуникативной организации безглагольных отрицательных предложений в современном французском языке. Выявляются основные признаки, по которым данные предложения образуют оппозиции. Это формальные средства выражения отрицания, модальный/диктальный характер компонента при отрицании, порядок следования компонентов предложения, интонационно-ритмический рисунок.

Отрицательные безглагольные предложения в современном французском языке разнородны как в структурном, так и в семантическом плане. Однако наряду с определенными отличиями безглагольные отрицательные предложения обладают объединяющими их чертами, что позволяет поставить вопрос о наличии парадигматических связей внутри причудливо-своеобразных синтактико-семантических структур.

Первый различительный признак безглагольных отрицательных предложений состоит в использовании частиц *pop/pas*. Как известно, *pop* представляет собой отрицательную частицу, способную в отличие от *pas* образовывать самостоятельное законченное высказывание [4, р. 41—65]. Напротив, *pas* нуждается в опоре на какой-либо компонент высказывания.

Безглагольные отрицательные предложения с *pop* и *pas* членятся на две большие группы в зависимости от того, какую

функцию (модальную или диктальную) выполняет сопутствующий им в предложении компонент. Модальный компонент представляет собой так называемое модальное слово, соединенное в высказывании с частицей *pop* или *pas*, например: *certainement pop* или *certainement pas*. Внутри предложений, построенных по типу «модальное слово + отрицательная частица», наблюдаются различия. Так, А. Борилло указывает на тяготение ряда модальных слов к *pop* или *pas*, отмечая при этом преобладание либо постпозиции модального слова по отношению к отрицанию *pas* [3, р. 78—79]. Вместе с тем исследователь не анализирует семантико-коммуникативные и грамматические различия соответствующих структур.

Безглагольные отрицательные предложения, построенные на сочетании отрицательной частицы с модальным словом, в структуре текста представляют собой ответные реплики в виде четырех моделей: 1) *pop* + модальное слово; 2) *pas* + модальное слово; 3) модальное слово + *pop*; 4) модальное слово + *pas*. Каждая из этих моделей характеризуется определенными признаками. Последовательность «отрицательная частица + модальное слово», т. е. первая и вторая модели, характеризуется единством позиций компонентов на линии речи, но в зависимости от употребления *pop* или *pas* образует разнородные структурно-семантические единицы. В первой модели частица *pop* эквивалентна отрицательному предложению. Частица *pop* является субститутом отрицательного диктума, а модальное слово образует модус высказывания. Структурно-семантическая автономность *pop* проявляется в следующей за этой частицей паузе, отражаемой на письме запятой или многоточием и отделяющей отрицание от модального слова. Например: *Vous n'avez droit vous — même à aucun sacrifice. — Non... bien sûr* [Saint-Exupéry]; *Et il n'y aura pas d'action? — Non, forcément* [Anouilh]. Модальное слово присоединяется к отрицательному ответу, указывая на его логическую обоснованность. При этом модальные слова категорической достоверности обладают прагматическим воздействием на собеседника, большой силой убеждения.

Показательно, что модальные слова проблематической достоверности высказывания, такие как *probablement* или *peut-être*, практически не встречаются в постпозиции по отношению к частице *pop*. Дело в том, что проблематическая достоверность высказывания не может служить говорящему средством убеждения адресата речи. Коль скоро субъект речи сам не уверен в достоверности высказывания, постановка соответствующего модального слова на ритмически сильную конечную позицию оказывается нецелесообразной. Ведь нет смысла убеждать собеседника в том, в чем откровенно сомневался.

Последовательность «отрицательная частица + модальное слово», построенная с частицей *pas*, т. е. вторая модель, отличается от первой отсутствием паузы между компонентами. Эти

компоненты образуют монархему в виде регрессивной синтагмы, в которой модальное слово является определяемым, а частица *pas* — определяющим, которое видоизменяет модельную семантику высказывания. Например: *Si nous sommes bloqués ici deux jours, il faudra que vous mangiez. — Pas forcément [Anouilh]*. Как отмечает А. Борилло, в такой последовательности встречается очень ограниченный круг модальных слов, лишь три: *forcément, nécessairement, obligatoirement* [3]. Эти модальные слова выражают высокую степень категорической достоверности, и отрицание, направленное на категоричность оценки, снижает ее, приближая тем самым модальность к проблематической.

Возникает, естественно, потребность в объяснении столь ограниченной лексической избирательности в составе данной модели. Модальные слова проблематической достоверности отсутствуют в данной модели потому, что направленное на них отрицание **pas peut-être* или **pas probablement* сводило бы к нулю степень достоверности высказывания, дублируя при этом в усложненной форме отрицание. Можно представить себе теоретически вероятность сочетания типа **pas peut-être* или **pas probablement* в качестве реплики с антитезой на соответствующее модальное слово предшествующего высказывания, например: *Probablement. — Pas «probablement», mais naturellement* — причем модальное слово, следующее за отрицанием, представляло бы собой в таком случае цитацию, повторение чужих слов. Однако в собранном материале подобных примеров не обнаружено. Очевидно, если они теоретически и возможны, то практически встречаются довольно редко.

Обращает также на себя внимание отсутствие во второй модели таких модальных слов категорической достоверности, как *naturellement, évidemment, certainement, sûrement* и др. Здесь играют роль, по-видимому, следующие факторы. Модальные слова *forcément, nécessairement* и *obligatoirement* своей внутренней формой отчетливо выражают категорическую достоверность как обусловленную внешними факторами необходимость умозаключения. Степень необходимости вывода может быть различной.

Способность модальных слов *forcément, nécessairement, obligatoirement* сочетаться с частицей *pas* в препозиции свидетельствует о том, что они отображают категоричность, обоснованность умозаключения в виде объективной шкалы, допускающей градацию. Аналогичны сочетания *pas* с качественными прилагательными: *pas grand, pas beau, pas bête* и т. д. Напротив, модальные слова *certainement, évidemment, naturellement* выражают внутреннее субъективное убеждение, не имеющее градаций.

Поскольку всякое отрицание является опровержением соответствующего высказанного или подразумеваемого утверждения [3], сочетания типа **pas certainement* или **pas évidemment* можно представить себе как цитацию, опровергающую выска-

звания собеседника, содержащую антитезу типа «certainement», mais «peut-être». Однако в письменно-литературном языке подобные структуры, по-видимому, крайне редки.

Третья и четвертая модели имеют разную употребительность. Модель «модальное слово + *non*» почти не употребляется. А. Борилло не приводит ни одного примера такого рода и вообще не включает соответствующую модель в свою таблицу [3]. Д. Гаатон указывает, что эллиптические предложения с *non* вообще значительно реже встречаются в разговорном французском языке, чем эллиптические предложения с *pas* [4. p. 28]. Единичные примеры модели с *non* удастся, однако, обнаружить. Например: *Pensez-vous que Mademoiselle Germina consente à m'épouser? — Sûrement non! [Ayme]*. При такой последовательности модальное слово не отделяется паузой и запятой от частицы.

В отличие от третьей модели, четвертая, т. е. содержащая отрицание *pas*, широко употребительна, причем с модальными словами как категорической, так и проблематической достоверности. Например: *Nous aurons d'autres soirs, Antigone. — Peut-être pas [Anouilh]*; *Je n'étais pas chargé de défendre le bonheur de Marie-Blanche. — Certainement pas [Salacrou]*. В подобных структурах модальное слово сообщает критическую достоверность (в первом примере — проблематическую, во втором — категорическую) отрицанию *pas*, выступающему в качестве диктума и субститута отрицательного предложения [1, с. 7—11].

Отсутствие паузы и запятой между компонентами третьей и четвертой моделей объяснимо с помощью доказательства от противного. Наличие паузы и запятой могло бы создать у адресата речи впечатление утвердительного ответа, отнесенности модального слова к предшествующему высказыванию собеседника с целью его подтверждения. В таком случае создался бы семантический конфликт между модальным словом категорической достоверности, подтверждающим высказывание, с одной стороны, и следующей за паузой отрицательной частицей — с другой. Между тем при отсутствии паузы модальное слово ориентировано на отрицание, подчеркивает его категорическую достоверность и усиливает прагматическое воздействие убеждения на собеседника.

В безглагольных отрицательных предложениях, содержащих сочетание отрицательной частицы с диктальным компонентом, в зависимости от словорасположения выделяются модели: 1) *pas + D* [2, с. 74]; 2) *D + pas*; 3) *D + non*. Эти модели, объединенные парадигматически позиционным признаком, разнородны в функционально-семантическом отношении и различаются по своим интегративным признакам в тексте [там же].

Следующие примеры иллюстрируют предложения, построенные по модели *pas + D*: *Tu es fatiguée? — demanda-t-il. — Pas fatiguée, saturée... saturée de musique [Troyat]*; *La machine joue*

déjà les débuts et les fins des parties. Pas le milieu [Triolet]. Эти безглагольные предложения содержат в качестве диктального компонента член предложения, однородный с одним из членов предложения предшествующего высказывания. Диктальный элемент безглагольного предложения синтаксически зависит от управляющего члена предшествующей реплики. Безглагольное предложение интегрируется в тексте по принципу последовательного подключения. Диктальный компонент может быть однородным с любым членом предложения предшествующего высказывания, выраженным любой знаменательной частью речи. Отрицание *pas* направлено на глагольный актант или сирконстант.

В предложениях, построенных по модели *D + pas* и *D + non*, отрицательная частица является центром высказывания, ремой, в отличие от модели *pas + D*, где *pas* составляет часть ремы, объединяясь с ней ритмически. Модели *D + pas* и *D + non* отличаются интонационно-ритмическим обособлением темы *D* и ремы *pas*, *non*. Например: *Autrefois — peut-être, aujourd'hui, pas [Romains]; J'avais l'habitude de me passer de boire, lui non [Beauvoir]*.

По наблюдениям Л. К. Шерстневой, диктальный компонент в составе структуры *D + pas* (*non*) значительно более ограничен, чем в структуре *pas + D*: он выражен либо именем — субъектом, либо наречием или адвербиальной группой [2]. Это те члены предложения, которые преимущественно тематичны.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что парадигматические связи безглагольных отрицательных предложений создаются за счет общности отрицательной семантики. Противопоставления моделей основаны на следующих признаках: 1) экспонент отрицания *non/pas*; 2) модальный/диктальный характер компонента при отрицании; 3) интонационно-ритмический рисунок предложения; 4) взаимное расположение компонентов предложения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сабанеева М. К. Функциональный анализ наклонений в современном французском языке. М., 1984.
2. Шерстнева Л. К. Безглагольные отрицательные предложения в современном французском языке: Дипломная работа / ЛГУ. Л., 1978.
3. Borillo A. Les adverbies et la modalisation de l'assertion // *Langue française*. 1976. N 30.
4. Gaatone D. Etude descriptive du système de la négation en français contemporain. Geneve, 1971.
5. Givon T. Negation in language: Pragmatics Function, Onotology // *Syntax and Semantics*. N. Y.; San Francisco; London, 1978. Vol. 9.
6. Moignet G. L'opposition non/ne en ancien français // *Travaux de linguistique et de littérature* 1965. N 1. Vol. 3.

Н. В. Пестова
Свердловский
педагогический институт

**СООТНОШЕНИЕ ФОРМАЛЬНЫХ
И СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В ГРАММАТИКЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

В статье рассматриваются возможные пути возникновения стилистического эффекта в поэтическом тексте: нарушение формальных грамматических правил и различные функциональные и семантические преобразования.

Поэтическая речь — категория эстетическая и поэтическая, она, по мнению В. В. Виноградова, «во всех своих исторических трансформациях, определяемых разными социальными условиями, разными эпохами, сохраняет одну и ту же основу, состоящую в максимальном и всестороннем использовании всех качеств языка и речи на всех структурных уровнях в эстетическом плане» [2, с. 207]. Функциональное предназначение поэтической речи, призванной служить языком искусства, вызывает к жизни особые черты организации поэтических текстов. Среди них можно выделить главные: повышенная теснота семантических и синтаксических структурных связей; информативная завершенность поэтического текста, в котором слово, не имея возможности разворачиваться вширь, способно наращивать смысловую глубину; многозначность поэтической структуры, поэтического сообщения, поэтического образа, присутствие в нем прямого, буквального и скрытого, глубинного смысла; высокая информативная насыщенность поэтического текста; высокая степень организованности его на всех возможных уровнях структуры.

Эти свойства поэтических текстов в значительной степени определяют функциональную нагруженность синтаксических средств языка в поэтической речи. Для данной статьи из всего разнообразия этих средств выбраны универсальные синтаксические отношения: номинации и предикации, а также речевые формы устного диалога, связанные с речью от первого лица, типичной для лирической поэзии. На примере этих явлений отстаивается тезис о том, что языковое творчество в поэтическом тексте осуществляется в основном при помощи семантических и функциональных преобразований, а не за счет нарушения формальных грамматических правил. Лингвистический анализ показывает, что доля формальных превращений, которые в свое время стали объектом исследования грамматики и стилистики отклонений, невелика в общем объеме всех языковых средств, используемых для создания поэтического произведения. Доминирующим приемом и механизмом возникновения поэтической ткани стиха можно считать асимметрию между синтаксической позицией и коммуникативной функцией. Эта особенность поэзии вытекает из природы языкового знака, две стороны которого асимметричны: обозначающее знака стремится обладать иными

функциями, нежели его собственная, а обозначаемое стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами, нежели его собственный знак [4, с. 87].

Однако справедливости ради следует остановиться и на формальной стороне поэтической речи, которая часто становится частью творчества поэта. Разумеется, речь идет лишь о «художественно значимой» форме, которая сама, отвлеченно взятая, «не довлеет себе, а делает самодовлеющим оформленное содержание» [1, с. 59].

В области синтаксиса самым высокочастотным приемом формального преобразования в поэтическом тексте можно назвать намеренное изменение фиксированного порядка слов как дополнительное эмфатическое средство. При этом могут не соблюдаться самые категорические предписания, обязательные для любого другого типа текста, например рамочная конструкция, порядок слов в придаточном предложении, строгое положение возвратного местоимения sich:

Der Kinder Münder
fangen Flocken sich.
M. Meister
...röter
Haben gefärbt sich die Blätter.
H. Czechowski

Подобные «поэтические вольности» связаны не только с метроритмическими особенностями стиха, но, прежде всего, с его совершенно особыми тема-рематическими отношениями, т. е. распределением «данного» и «нового» в тексте, что могло бы составить объект отдельного исследования.

Чрезвычайно интересная сфера проявления формальных преобразований — нарушение или расширение в поэтическом тексте синтаксической валентности, которая, как известно, обладает большой императивностью. Расшатывание жестких синтаксических позиций несет в себе большой стилистический эффект и сопровождается заметным приращением смысла, информации, например транспозиция немецких непереходных глаголов в сферу переходных и сообщение им дополнительной грамматической семантики целенаправленного действия:

Ich fließe Silbertöne der Etüde.
E. Lasker-Schüler
Schlafe mir einen Brief.
R. M. Rilke

И все же подобные приемы для создания поэтического образа ни в коей мере не превалируют в поэтическом тексте, более того, в подавляющем большинстве стихов они вовсе не задействованы. Сложный поэтический мир раскрывается иными средствами, а побуждение читателя к интеллектуальной активности достигается не «остранением формы», а полным несовпадением между словом и образом в сфере лексики и асимметрией между

синтаксической позицией и ее функцией в сфере синтаксиса.

Проиллюстрируем это на примере стихотворения П. Целана:

Zähle die Mandeln,
zähle, was bitter war und dich wachhielt,
zähl mich dazu:
Ich suchte dein Aug, als du's aufschlugst und niemand dich ansah,
ich spann jenen heimlichen Faden,
an dem der Tau, den du dachtest,
hinunterglitt zu den Krügen,
die ein Spruch, der zu niemandes Herz fand, behätet.
Dort erst tratest du ganz in den Namen, der dein ist,
schrittst du sicheren Fußes zu dir,
schwangen die Hämmer frei im Glockenstuhl deines Schweigens,
stieß das Tote den Arm auch um dich,
und ihr ginget selbdrift durch den Abend.

Mache mich bitter,
Zähle mich zu den Mandeln.

Сложность расшифровки этого стихотворения заключается совсем не в его формальной сложности, мы не обнаружим в нем ни одного случая нарушения грамматического правила, отклонения от грамматической нормы немецкого литературного языка, необычного с точки зрения нормативной грамматики явления. Напротив, мы наблюдаем нормальные синтаксические конструкции, логическое развитие, метафоричность, дистанцированное лирическое «я», параллелизм и противопоставление, близость к разговорному языку (за исключением устаревшей формы *selbdrift*). И тем не менее это стихотворение может представлять настоящий ребус для читателя именно в силу асимметрии означаемого и означающего в сфере синтаксиса.

Композиционно стихотворение обрамлено двукратным повтором повелительной формы с различным лексическим наполнением (*zähle mich, mache mich bitter*), что сближает его с поэтикой заклинаний и заговоров, традиционной для лирической поэзии. Но для поэтической речи, как уже было отмечено, характерно нарушение симметрии между формой и ее первичной функцией. В этом случае наблюдается утрата прямого побудительного значения повелительной формы и появление модальных значений. Повелительное наклонение в поэзии применяется к лицам, непосредственно не присутствующим. Это расширяет круг значений, передаваемых императивными формами, и ведет к усложнению самих этих значений, в конечном счете передвигая их в сферу желательного наклонения. Сообщение в форме повелительного наклонения одновременно передает эмоциональную оценку происходящих событий, и характер этой эмоциональной оценки может быть достаточно сложным (волевое отношение со стороны говорящего, притяжение — отталкивание, притяжение — неприятие, допущение — недопущение).

Тенденция к концентрации признаков в поэтической речи находит выражение в значительном удельном весе чисто пред-

кативных конструкций, свободных от наименования предмета речи, что мы и наблюдаем в приведенном стихотворении. Возможное отсутствие номинации предмета речи здесь проистекает из особенностей поэтического постижения мира: воспринимается то, что прежде всего улавливается поэтическим «слухом», что может быть доступно чувствам. Такие проявления скрытой сущности вещей обозначаются в речи разными предикатами к неизвестному и неназываемому предмету предикации. И действительно, все стихотворение (за исключением начальной и конечной повелительной формулы) есть сплошная предикация. Коммуникативное расчленение его, разложение на тему и рему невозможно, так как это развернутая метафора определенного состояния, которая и составляет единый предикат. В данном случае эта нерасчлененность, целостность в обозначении субъекта и предиката служит для обозначения чего-то третьего, какой-то новой поэтической данности. Очевидно, что стихотворение развивает и варьирует одну и ту же тему. Поэтому оно представляет собою одну сплошную рему. Для лирического стихотворения характерен путь от «нового к новейшему» (Т. Сильман). Иными словами, чем предикативнее текст в целом, тем более он соответствует природе лирического жанра. Сплошная новизна равнозначна сплошной предикации.

Можно утверждать, что асимметрия в данном случае наблюдается между синтаксическим статусом целого лирического текста и коммуникативной функцией предиката, для которого отведена в языке синтаксическая форма сказуемого, являющегося основным способом выражения предиката. В лирическом же стихотворении предикатом может служить весь текст, что и делает его анализ затрудненным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
4. Карцевский С. Об асимметричном дуализме языкового знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2.

Е. М. Китаева
Ленинградский
университет

**ТЕМПОРАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА
АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ**

Рассматриваются характерные особенности структуры категории художественного времени (КХВ) и их функционирование в художественном тексте. Элементы КХВ: прошедшее индифинитное, прошедшее и настоящее индифинитное и т. д.— анализируются в различных функциях в литературной сказке.

Любой художественный текст — это некая отображенная и воссозданная автором ситуация, действие которой разворачивается при определенных пространственно-временных условиях, создающих внутренние отношения и отношения с реальной, внеязыковой действительностью. Таким образом, пространственно-временная система художественного текста имеет особое значение для его характеристики, а категории пространства и времени выделяют как категориальный базис художественного текста [4] и жанрообразующий фактор [1]. Временная ориентация художественного текста во многом определяет характер используемых автором языковых средств и возможности их выстраивания в определенную структуру. Следовательно, при решении различных вопросов типологии текстов характерные особенности структуры категории художественного времени (далее КХВ) и функционирования ее элементов могут рассматриваться как одни из основных особенностей того или иного типа текста.

При выявлении всей совокупности языковых средств, участвующих в формировании данной категории, необходимо учитывать качественные отличия художественного времени от других пространственно-временных форм. Вкратце эти особенности можно определить следующим образом: художественное время субъективно, иллюзорно, дискретно, условно обратимо, движется неравномерно, многомерно, как динамично, так и статично.

Особенности художественного времени дают возможность использовать в художественном тексте как средства выражения, существующие в функционально-семантической категории темпоральности (система видо-временных форм, лексические показатели времени, формы косвенных наклонений и т. д.), так и способы выражения временных отношений, свойственные только художественным текстам в целом и определенному типу текста в частности (стилистические приемы, реалии, композиция и др.). Соотношение всей суммы этих средств, их взаимосвязь и взаимовлияние будут создавать временную картину, характерную для того или иного типа текста.

В настоящей статье делается попытка выделить основные средства выражения КХВ и их роль в структуре текста английской литературной сказки.

Как показало исследование практического материала — сказок Д. Биссета, Б. Поттер, А. Милна, литературная сказка представляет собой особый тип текста, системная организация которого в значительной степени определяется выбором и функционированием средств КХВ.

Для литературной сказки характерно развертывание действия в одной временной плоскости, временной действительности, представляемой всегда как реальной. События следуют друг за другом в строгой последовательности, поступательное движение ничем не нарушается, плотность событий в одном эпизоде (сказке) достаточно велика. Соотнесенность действия с реальным временем крайне относительна. Связи со временем историческим существенно приглушены. Таким образом, все действие реализуется во время событийное (время, в которое непосредственно совершаются события), которое характеризуется одномерностью и растянутостью. Особенности временной картины диктуются, вероятно, возрастными психологическими особенностями восприятия реальной действительности основным адресатом литературной сказки. Специфическая временная картина, отличающая литературную сказку от фольклорной, с одной стороны, и от «большой» литературы — с другой, моделируется за счет функционирования определенных элементов КХВ.

Все составляющие структуры КХВ в рассматриваемых текстах можно разделить на традиционные и окказиональные и выделить три основные группы: 1) видо-временные формы глагола; 2) лексические темпоральные указатели; 3) стилистические приемы. Каждая из указанных групп несет определенную смысловую, информативную и эмоциональную нагрузку в создании временного фона.

Рассмотрим сначала группу видо-временных форм глагола. Для данного типа текстов чрезвычайно характерно постоянное использование видо-временных форм прошедшего индифинитного, согласно классификации Тураевой З. Я. [3]. Формы прошедшего индифинитного употребляются исключительно в повествовательной функции, и только в начальных и конечных абзацах может возникнуть прошедшее индифинитное в описательной функции. Продолженные и перфектные формы настоящего и прошедшего, если и употребляются, то только в диалогах. Практически отсутствуют любые формы будущего времени. Формы настоящего индифинитного употребляются только в конечных и начальных абзацах в описательной функции наряду с прошедшим индифинитным в той же функции.

Повествовательная функция прошедшего индифинитного усиливается употреблением глаголов, содержащих сему движения и изменения. Статичные и описательные глаголы можно встретить только в начальных и конечных абзацах, где они в свою очередь усиливают функциональную сущность описательности форм настоящего и прошедшего индифинитного.

Широкое использование прошедшего индефинитного в повествовательной функции создает динамичную, одномерную, плотную картину действия с концентрацией внимания на одном конкретном эпизоде и его участниках, что, как указывалось выше, является характерной особенностью анализируемого литературного материала. Для повествовательной функции прошедшего индефинитного свойственна именно большая плотность действия и строгая последовательность событий. Употребление глаголов с семой движения и изменения усиливает динамику действия.

Использование в начальных и конечных абзацах прошедшего и настоящего индефинитного наряду со статичными, описательными глаголами способствует созданию статичной вневременной картины происходящего, крайне характерной для начала и конца сказок, где ритмичный, непрерывно следовавший друг за другом ход событий прекращает свое движение, действия перестают восприниматься в реальном временном плане: *She dreamed of Eli who was very big, and very ugly, and very kind* [5, p. 15]; *As for the little old woman, she married the Queen's grape-pip-remover and she irons his red trousers for him once a week. They are very happy. And at the Palace the Queen looks out of her window and strokes Sukl, and thinks of that wise little old woman on Highgate Hill* [6, p. 29].

Анализируя в тексте литературной сказки использование лексических темпоральных средств, мы пришли к выводу, что практически отсутствуют темпоральные указатели, традиционно определяемые как «прямые» (типа *day, year, in October, in 1957*). Достаточно редко, но употребляются лексические указатели обобщенной темпоральной референции (типа *time, future*: *He was getting rather tired by this time...* [7]). Чаще всего из прямых темпоральных указателей употребляются так называемые косвенные темпоральные указатели, выражающие время через объекты и процессы жизни природы и общества, обусловленно фиксированные во времени (типа *winter, Christmas: ...as it was nearly tea-time, a big polar bear said...* [5, p. 7]).

Таким образом, соотносённость действия сказки с реальной временной действительностью осуществляется только через косвенные темпоральные указатели. Полное отсутствие точных дат, указания на часы, минуты, количество дней еще больше усиливает растянутость событийного времени. Ни одно действие, ни один эпизод не ограничены реальными показателями времени. Но иллюзия временной действительности есть, и создается она за счет косвенных лексических темпоральных указателей, которые отмечают определенные промежутки времени.

Наряду с традиционно выделяемыми прямыми и косвенными темпоральными указателями в тексте сказки функционируют окказиональные лексические темпоральные указатели, т. е. такие лексические единицы, в которых значение темпоральности в

принципе отсутствует. Они становятся сигналами временных отношений как внутри текста, так и с реальной действительностью только в условиях конкретной сказки. Такие окказиональные темпоральные указатели выполняют многочисленные функции в тексте, среди которых нам бы особенно хотелось выделить одну. Фольклорная сказка характеризуется полным отсутствием всех видов темпоральных сигналов, которые соотносили бы действие сказки с внешним историческим временем [2]. Как уже отмечалось выше, связи с историческим временем в литературной сказке значительно приглушены. Однако есть примеры, когда исторические временные рамки, хотя и косвенно, но ограничены, и именно за счет окказиональных темпоральных сигналов. Это могут быть персонажи сказок (маленький автобус, статуя адмирала Нельсона), определенные предметы (воздушный шарик, ружье и т. д.), т. е. в структуру КХВ литературной сказки входят реалии с совершенно определенной функцией. Соотнесенность художественного времени с историческим отличает литературную сказку от фольклорной.

Стилистические приемы, несомненно, являются одним из основных элементов в структуре КХВ. В тексте литературной сказки особую роль, как нам кажется, в организации временной структуры играет стилистический прием повтора. Различные формы повтора на лексическом и на синтаксическом уровнях, взаимодействуя с другими темпоральными средствами, способствуют моделированию специфической временной картины в сказке. Так, прием повтора глаголов с семой движения и изменения в форме прошедшего индифинитного создает, наряду с уже упоминавшимися средствами, растянутость и плотность событийного времени: ...roared the wind and it blew and blew and blew the poor baby tiger away across the mountains, and deserts and seas and forests; He climbed and he climbed and he climbed, and as he climbed he sang a little song to himself [7, p. 140].

Для текстов литературной сказки чрезвычайно характерно употребление дистантного повтора местоимений *when, then*, особенно последнего. Данный дистантный повтор является основным средством соединения временных отрезков и одновременно зачином каждого нового: *Then he thought another long time and said: «And the only reason for being a bee that I know of is making honey»; And then he got up and said...; Then he climbed a little further...* [5].

Таким образом, промежуточное время, т. е. время между событиями в эпизоде, сжимается, его практически нет, ведь все события эпизода (сказки) происходят во время событийное, как бы непосредственно перед глазами читателей, вследствие этого плотность действия в тексте увеличивается максимально.

Проведенный анализ структуры КХВ и ее роли в организации текста английской литературной сказки показал, что элементы данной структуры функционируют на всех уровнях текста. Тесно

взаимодействуя, они способствуют созданию уникального характера текста сказки, отличающего литературную сказку от других видов литературных текстов. В рамках данной работы невозможно дать полный и исчерпывающий анализ КХВ. Структура этой категории представляет собой сложную и широкую организацию обязательных и окказиональных элементов. Однако элементы, рассмотренные выше, а именно: прошедшее индифинитное в повествовательной функции, прошедшее и настоящее индифинитное в описательной функции, значимое отсутствие прямых лексических темпоральных указателей, преобладание косвенных и окказиональных темпоральных указателей, темпоральные функции стилистического приема повтора — все эти элементы являются основой структуры КХВ литературной сказки. Данные элементы как в количественном, так и качественном отношении несут основную нагрузку, «строят» временную картину развертывающегося действия в сказке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Медриш Д. Н. Структура художественного времени в фольклоре и литературе // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
2. Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969.
3. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979.
4. Штыкова Н. В. Лексико-семантический аспект темпоральной целостности текста: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1987.
5. Bisset D. Talks with a Tiger. London, 1967.
6. Bisset D. Time Sc Again Stories. London, 1970.
7. Milne A. A. Winnie-the-Pooh. London, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Реферовская Е. А. Психосистематика артикля	3
Томашпольский В. И. Первоначальные парадигмы перфекта конъюнктива-будущего II: балканороманские варианты	13
Бубенникова О. А. Развитие парадигмы местоимения 3 л. ед. ч. м. р. в диалектах английского языка	26
Лыкова Н. Н. Семантико-синтаксический анализ глаголов, передающих побуждение, во французских текстах XIV—XV вв.	31
Морозова В. В. Структурно-семантические особенности оценочных парадигм в средневековой литературе (на материале старопровансальских текстов)	38
Олдырева Л. П. Риторические критерии выбора и оценки языковых средств	44
Плещев Н. А. Структурно-семантические особенности употребления относительных наречий в адъективных словосочетаниях в немецком языке второй половины XVIII в.	49
Хабилов В. П. Соотношение парадигмы имени в креолизованном языке и его языке-источнике	55
Донгаузер В. П. Значение и экспонент слова при контактной межъязыковой связи	62
Габинский М. А. Активное причастие — инновация молдавской поэтической речи	75
Лукичева М. В. Семантическая деривация как основной путь развития колоквиальной синонимической системы	81
Чекунова И. А. Особенности соотношения объектных конструкций разных типов: парадигматический аспект	92
Соколова Г. Г. Компонентный состав производных фразеологических единиц с парадигматической точки зрения	99
Зеленцова К. С. Изучение отношений между лексико-семантическими группами и словообразовательными гнездами в терминологии (на материале английского и русского языков)	105
Лобанова Н. Н., Логинова Л. В. Особенности деривационных парадигм на словообразовательном и синтаксическом уровнях	110
Сабанеева М. К. Парадигматические связи безглагольных отрицательных предложений в современном французском языке	114
Пестова Н. В. Соотношение формальных и семантических преобразований в грамматике поэтического текста	119
Китаева Е. М. Темпоральная структура текста английской литературной сказки	123